

СЕКЦИЯ «ИСТОРИЯ»**ПОДСЕКЦИЯ «ИСТОРИЯ РОССИИ»****Махаджирство и проблемы Российско-Абхазских взаимоотношений в XIX в.***Агрба Гудиса Эдуардович**студент**Абхазский Государственный Университет, Республика Абхазия, г. Сухум.**E-mail: denso_82@yahoo.com*

Махаджирство (Мухаджирство) от Арабского Мухаджерет переселение – стало трагедией не только для народа Абхазии, но и для коренных жителей Кавказа. Махаджирскими годами в Абхазии были – 1810 г. (5000 чел), 1821-1824 г.г., 1830 г, 1837г., 1841 г. (до 20000 чел), 1847 г., 1856 г. (10000 чел), 1860 г., 1864 г. (5000 чел), 1866 г. (20000 чел), 1878 (50000 чел).

По мнению большинства ученых родные места покинуло от 3 до 5 млн. чел. Среди них представителей Абхазо-Адыгской группы было 400-500 тыс. чел. Только во второй половине XIX в. по данным профессора Г. А. Дзидзария Абхазию покинуло вместе с Шапсугами, Убыхами, Садзами – 180 тыс. чел.

Абхазия, как и весь Кавказ в течении XIX в. была объектом соперничества крупнейших держав, таких, как Россия, Турция, Англия, Франция и др.

Исходя из доктрины третьей мировой империи "Москва-третий Рим" Русское самодержавие стремилось превратить Черное море во внутреннее озеро и единственно реальной силой, которая на протяжении полутора веков препятствовала вооруженным путем воплощению этой имперской доктрины, были народы Кавказа.

Завладев Абхазией, Россия могла с юго-запада в плотную подойти к горским племенам, находившимся под влиянием Турции и закрывавшим доступ в Черному морю.

Важным фактором в развитии переселенческого движения было принятие социальной верхушкой Ислама. Сторонники выселения вели активную деятельность по идеологической обработке населения. Они распространяли слухи, что с приходом России все Горцы будут лишены своей религии, а оставшиеся будут зачислены в Казачьи сословия. Турецкая империя рассматривалась, как религиозный глава всего Мусульманского мира. Турция была вдохновителем переселения. Выступая покровителем Мусульманских народов она стремилась завлечь к себе как можно большее число Кавказцев. Кроме того разжигая рознь между Россией и покоренными ею народами Турция достигала главной своей цели – ослабление позиция России на Кавказе.

А.П. Берже писал, что Османское правительство и европейские державы подогревая страсти к переселению, "не думали о благоденствии Горцев, но пользовались ими как средством противодействия России...загребание жара чужими руками" (А. Берже "Выселение Горцев с Кавказа", Русская старина 1882 том 33, 36).

Присоединение Кавказа к России противоречило геополитическим, захватническим устремлениям западных держав, особенно Англии.

Вскрывая подлинные причины возникновения затяжного и самоотверженного характера борьбы Горцев против Царского господства на Кавказе, Н. А. Добролюбов писал: "Едва ли нужно прибегать к чуду для того, что бы растолковать причины непрерывной ненависти свободных Горских племен к Русскому владычеству. Все дело разрешается гораздо проще: во-первых, ненависть к чужому господству вообще была сильна в горских племенах; во-вторых, наше управление на Кавказе не было совершенно сообразно с местными потребностями и отношениями" (Добролюбов Н. А. Полн. Собр. Т-4. М, 1937 С – 143-144).

Перед народами Кавказа не существовало дилеммы: либо покориться, либо идти в Турцию, поскольку царское командование прилагало все возможные усилия к их выживанию, даже не пытаясь разобраться в социально-экономической ситуации края. Поэтому

му, когда ответственность за эти трагические события делят как бы поровну на все задействованные стороны: Россию, Турцию и самих Горцев – это не совсем правильно. Скорее всего, политика России приводила к борьбе Горцев, а этим в свою очередь противостоящие России силы.

Технология высылки инакомыслящей интеллигенции в 1922 году

Алексеева Анна Петровна

аспирантка

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Россия

E-mail: anya@list.ru

С начала 1990х годов не уменьшается интерес историков к вопросу о высылке части интеллигенции из России в 1922 году. Открывшиеся архивы позволили приоткрыть завесу над тайной "философского парохода". Имеющиеся документы и знание исторических событий этого периода позволяют проследить действия органов Советской власти по подготовке высылки и выявить ее причины. Однако в данной статье хотелось бы осветить вопрос о технологии проведения самой высылки, а именно, о том, что из себя представляли допросы приговоренных к ссылке, в каких условиях представители "старой" интеллигенции покидали Родину. К сожалению, мы не располагаем большим количеством воспоминаний о высылке. То ли она была для интеллигентов слишком тяжелым воспоминанием, чтобы его описывать, а значит, переживать заново; то ли эта мера была для интеллигентов слишком унижительной, чтобы рассказывать о ней.

В ЦА ФСБ РФ хранится ряд следственных дел по вопросу о высылке 1922г. Почти все они составлены по одному принципу: это ордер на арест, протоколы допросов, заключение по делу.

Особый интерес представляет протокол допроса "кандидата" на высылку. На примере протокола допроса М.А. Осоргина [1] опишем его в общих чертах. Протокол включал в себя несколько стандартных вопросов, ответы на которые властям необходимо было знать для принятия окончательного решения. Но все же эти вопросы носили формальный характер и по существу не влияли на судьбу арестанта, т.к. списки приговоренных к высылке были утверждены заранее. От арестованных требовали изложить взгляды по следующим политическим вопросам: 1) об отношении к структуре Советской власти и системе пролетарского государства, 2) о роли интеллигенции и о так называемой "общественности", 3) о взглядах на политические партии и на РКП в частности, 4) об отношении к сменовеховцам, "савинковцам", к политическим процессам против ПСР и церковников, 5) о перспективах русской эмиграции. В качестве дополнительного, высылаемым представителям профессуры задавали вопрос об их отношении к реформам высшей школы.

После допросов были вынесены одинаковые заключения Коллегии ГПУ, где говорилось, что после Октябрьской революции и до настоящего времени обвиняемый "не только не смирился с существующей ... властью, но ни на один момент не прекращал своей антисоветской деятельности..." [2].

Первая публикация о высылке интеллигенции появилась в большевистской прессе 31 августа 1922 года. В статье под названием «Первое предостережение» отмечалось, что по постановлению ГПУ наиболее активные контрреволюционные элементы из среды профессоров, врачей, агрономов, литераторов высланы в северные губернии, часть за границу. Автор статьи выражал уверенность в том, что принятые Советской властью меры предосторожности будут, несомненно, с горячим сочувствием встречены со стороны русских рабочих и крестьян, которые с нетерпением ждут, когда, наконец, эти "идеологические врангелевцы и колчаковцы" будут выброшены с территории РСФСР[3].

Здесь обращает на себя внимание тот факт, что обвиняемым вменялись в вину их контрреволюционные действия против Советской власти, хотя никаких признаний по этому поводу на допросах не прозвучало. Главными свидетельствами вины кандидатов на высылку послужили их "крамольные" статьи и публикации. В конечном итоге к высылке были определены те, кто имел доступ к системе образования и средствам массо-

вой информации. Ведь лица, имеющие отношение к преподавательской деятельности, влияли на формирование мировоззрения у молодежи. А те, кто был связан с журналистикой, могли влиять на формирование общественного мнения. Следовательно, они могли мешать установлению в государстве господства идеологии марксизма-ленинизма.

Высылаемая интеллигенция тяжело переживала свой отъезд из России. Были, конечно, и те, кто с облегчением уезжал за границу на встречу идеологической свободе. Но, в большинстве своем, интеллигенция не хотела покидать Россию, тем более в качестве депортированных, обвиняемых в антисоветской деятельности.

В ЦА ФСБ РФ имеется докладная записка от 7 сентября 1922г., в которой указано, что "по всей Республике включая и Украину подлежит выслать за границу антисоветской интеллигенции 228 чел., из них 32 чел. студентов ВУЗ." Из этих 228 человек из Москвы было 100 человек, из Петрограда- 51 человек, с Украины- 68 человек [4]. Конечно, список высылаемых продолжал корректироваться и после 7 сентября, но мы можем предположить, что за границу было отправлено не менее 200 человек, а вместе с семьями-400-500 человек (по приблизительным подсчетам).

По воспоминаниям Ф.А. Степуна, высылаемым разрешалось взять: одно зимнее и одно летнее пальто, один костюм, две пары белья, две денные рубашки, две ночные, две пары кальсон, две пары чулок. Золотые вещи, драгоценные камни, за исключением венчальных колец, были к вывозу запрещены, даже нательные кресты. Кроме вещей разрешалось взять небольшое количество валюты (около 20 долларов на человека). Это было большим ударом, поскольку у многих дома были собраны отличные библиотеки, судьба которых после отъезда их хозяев большей частью неизвестна.

Не менее существенным был и вопрос денег. Так как многие интеллигенты уезжали за свой счет, надо было найти средства на оплату дороги до Германии. Они распродавали свое недвижимое имущество, обстановку домов, библиотеки и этими деньгами оплачивали проезд. Б.Н. Лосский вспоминал, что вырученного за мебель и книги миллиарда рублей как раз хватило на проезд до Берлина. Высланных Лосских было 5 человек. Все высылаемые подписали документ, согласно которому они подлежали расстрелу в случае возвращения в РСФСР.

В заключении хотелось бы отметить, что путь русских писателей, ученых, высланных в 1922 году из Советской России, не был легок, хотя они и не претерпели тех лишений, которые испытали на себе десятки тысяч эмигрантов, не имевших громких имен. Оказавшись за границей, они смогли найти применение своим знаниям. Русские университеты являлись мощными генераторами идей, и профессора Московского и Петербургского университетов были хорошо известны в Западной Европе. Их драма заключалась в другом. Россия конца XIX — начала XX века была одним из крупнейших центров мировой культуры и мысли. Престиж русской культуры был необыкновенно высок отчасти благодаря всемирному признанию русской литературы. Большинство уехавших остро переживали расставание с отечеством, и причина была не только в естественном чувстве тоски по Родине. Это была тоска по масштабу интеллектуальной жизни России.

Примечания

- [1] Протокол допроса М.А. Осоргина, произведенного в ГПУ 22 сентября 1922г. // ЦА ФСБ РФ Д. № 41982 Л.5-6.
- [2] ЦА ФСБ РФ. Д. Р-47815. Л.19. (заключение по делу Ф.А. Степуна); УФСБ России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д. П-88282. Л.16. (заключение по делу Л.П. Карсавина); ЦА ФСБ РФ. Д. 47804. Л.4. (заключение по делу П.А. Сорокина); УФСБ России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д. П-91731. Л.25. (заключение по делу Н.О. Лосского).
- [3] Правда. 1922. 31 августа
- [4] Из архива ФСБ РФ\ Новая и новейшая история, 2002, №5, С.162.

К вопросу о деятельности в России в XIX в. «Попечительных о тюрьмах обществ»

Батчаева Мария Касымовна

ассистент

Карачаево-Черкесский государственный университет, г. Карачаевск, Россия

E-mail: mariam31379@mail.ru

Политические и правовые гуманистические идеи Нового времени заставили общественность разных стран обратить внимание на состояние тюрем и задуматься о проведении тюремной реформы. В 1817 году в Петербург прибыл английский филантроп Вальтер Венинг. После осмотра с разрешения российского императора московских, тверских и петербургских тюрем, Венинг нашел эти места "неспособными к помещению человечества: мужчины и женщины, виновные и невиновные, молодые и старые - все вместе толпились в одной комнате. Все комнаты были подземные, сырые, темные, без кроватей, воздух в них был дурной, люди все были праздно и жаловались на недостаток хлеба. В одной съезжей комнате было 20 мужчин и 7 женщин". (Гернет М.Н., 1960) По поводу содержания в таких условиях женщин англичанин заметил: "Бедная девушка, которая попала в сие место хоть на одну ночь, должна была потерять всякое чувство добродетели и приготовиться на жизнь развратную и несчастную". (Гернет М.Н., 1960)

Прогрессивные слои российского общества поддержали идеи В. Венинга. Под покровительством Государя Императора в 1819 году в Петербурге было образовано «Попечительное общество о тюрьмах», в рамках которого создавались местные мужские и женские комитеты, начавшие действовать с 1822 года по всей территории России. Первым президентом этого общества стал князь Александр Голицын, после него президентом был обер-полицмейстер Петербурга, а затем эти полномочия были переданы – министру юстиции России.

На «Попечительные о тюрьмах общества» были возложены следующие задачи: организация здравоохранения в тюрьмах, организация духовного перевоспитания, распределение гуманитарной помощи, организация материально-вещевого снабжения, организация школ и т.д.

Членами «Общества» становились только те люди, которые платили взносы. Был статус «пожизненного» почетного члена, которым мог стать человек, внесший не менее тысячи рублей. Те, кто жертвовали более 500 рублей, становились просто «почетными членами»; человек, который нашел возможность внести более 10 рублей, записывался «обыкновенным членом». Правда, через три года ему надо было вновь выплатить очередные 10 рублей, чтобы членство в «Обществе» не прекратилось.

К 1829 году в Петербурге и Москве «Попечительные о тюрьмах общества» имели по две автономные структуры. Особого внимания заслуживает деятельность Санкт-Петербургского «Дамского попечительного тюремного комитета», открытого 13 октября 1819 г., который на протяжении многих десятилетий занимался благотворительностью исключительно в интересах арестованных женщин и их детей. Членами комитета были княгини С.С.Мещерская, А.С.Голицына, А.М.Щербатова, Н.С.Трубецкая и другие высокопоставленные особы, "известные благомыслием, честностью и человеколюбием". (Бабушкин А.И.)

Со временем «Попечительное о тюрьмах общество» приобрело достаточно мощную и разветвленную структуру, в губерниях и уездах открывались его отделения, в том числе и на территории Северного Кавказа. Первым по времени был открыт «Ставропольский Попечительный о тюрьмах Комитет» (1848 г.) (ГАСК. Ф. 296. Оп. 1. Д. 2а. Л. 27) с его отделениями в уездных городах: Моздоке (1852 г.), Кизляре (1852 г.), Пятигорске (1852 г.) и Георгиевске (1853 г.). (ГАСК. Ф. 296. Оп. 1. Д. 6. Л. 3) В 1866 г. был открыт «Екатеринодарский войсковой тюремный Комитет» (ГАКК. Ф. 461. Оп. 1. Д. 1. Л. 3.), переименованный в 1873 г. в «Кубанский областной Попечительный о тюрьмах Комитет», а в 1873 г. были образованы несколько его отделений: Баталпашинское (1873 г.), Ейское (1874 г.), Темрюкское (1874 г.), Майкопское (1875 г.) и Кавказское (1877 г.). (ГАКК. Ф. 461. Оп. 1. Д. 246. Л. 79.) Должность президента занимал Главнокомандую-

щий Кавказской Армии, вице-президентов было двое: «Начальник области, он же Наказной Атаман и Епархиальный Архирей». (ГАКК. Ф. 461. Оп. 1. Д. 1. Л. 8.) В Ставропольском Комитете в разное время вице-президентами были епископ, управляющий гражданской частью в Ставропольской губернии, гражданский губернатор. (ГАСК. Ф. 296. Оп. 1. Д. 2а. Л. 47) Директоров в обоих Комитетах было от 10 до 15 человек.

Функционирование в губерниях «Попечительного о тюрьмах общества» номинально относилось к системе Управления местами заключения, в основном сводясь к оказанию материальной помощи, организации духовно-нравственного воспитания заключенных. Вначале они не имели в своем распоряжении достаточных средств, но позднее создавали капиталы в наличных деньгах и процентных бумагах. Надо отметить и то, что часто устраивались ярмарки и распродажи, прибыль от которых поступала в фонд Комитета, туда же попадали средства из «церковных кружек». Ряд купцов, нередко избиравшихся в органы местного самоуправления, сдавали в аренду под тюрьмы принадлежавшие им здания. Например, ставропольский купец А.М.Алафузов, отдал один из своих домов под особое отделение Ставропольского тюремного замка. (ГАСК. Ф. 296. Оп. 1. Д. 175. Л. 1) Усилиями Тюремных комитетов под остроги нанимались и выделялись новые помещения, открывались при тюрьмах церкви (приходы) и школы для малолетних и взрослых преступников, библиотеки.

«Попечительные о тюрьмах общества» финансировали также исправительные учреждения для малолетних преступников, которые открывались и функционировали практически во всех губерниях и уездных городах. В этих учреждениях малолетние преступники не только отбывали наказание, но и получали образование и некоторые ремесленные профессии, которыегодились бы им в жизни для «добычи пропитания». Тем самым, первоначальная цель учредителей «исправлять, а не наказывать» осуществлялась в полной мере, тем более, что воспитанники исправительных учреждений и приютов контролировались ими до достижения совершеннолетия.

Естественно не всё в деятельности «Попечительного о тюрьмах общества» заслуживает похвалы и одобрения, впрочем, как и других учреждений. Был период, когда его работа носила формальный характер, не всегда удавалось добиться согласованных действий столичного Попечительного комитета с местными благотворительными обществами, зачастую благие намерения тонули в бюрократическом омуте тюремных канцелярий, но в целом деятельность Комитета можно считать успешной. Она, безусловно, нуждается в более пристальном и глубоком изучении, особенно в наши дни, когда российское общество испытывает острый дефицит благотворительности, и в частности, в тюремной сфере.

Литература

1. Бабушкин А.И. «История попечительства и посещения тюрем в России».
2. // www.allpravo.ru.
3. Гернет М.Н. (1960) История царской тюрьмы. Т 1. М
4. Государственный архив Ставропольского края. Ф. 296. Оп. 1. Д. 2а, 6, 175.
5. Государственный архив Краснодарского края. Ф. 461. Оп. 1. Д. 1, 246.

Неформальные политизированные организации и их роль в становлении многопартийной системы в РСФСР во второй половине 1980-х гг.

*Глезин Эдуард Ефимович**

соискатель

Московский государственный университет сервиса, Москва, Россия

E-mail: glezin1973@yandex.ru

Начавшиеся с весны 1985 года процессы преобразования советского общества не только пробудили к активной социальной деятельности миллионы советских людей, но

* Автор выражает признательность профессору, д.и.н. Багдасаряну В.Э. за помощь в подготовке тезисов.

и поставили перед ними новые задачи. Решение этих задач в рамках прежних общественных формирований было либо затруднительно, либо просто невозможно, и, как следствие, появились новые самостоятельные объединения.

За свою недолгую историю (1987 – 1990 гг.) протопартийные образования в РСФСР, успели сыграть определенную положительную роль, в ходе эволюции политической системы и, в частности, в формировании многопартийности.

Во-первых, предлагая альтернативные программы экономического, политического и социального развития страны, проводя различные акции (пикеты, дискуссии, митинги, демонстрации, участие в избирательных компаниях), они способствовали размыванию основ антидемократического режима.

Во-вторых, вовлекая общественность в политическую работу, формировали навыки цивилизованной политической борьбы, прививали обществу основы политической культуры.

В-третьих, они вели процесс наработки программных положений, разного рода теоретических изысканий, что в дальнейшем нашло свое выражение в теоретических материалах различных политических партий.

В-четвертых, их актив получал навыки политической борьбы и политического руководства, которые затем были использованы в партийной работе.

Сам же процесс трансформации общественно – политических неформальных объединений в легальные политические партии в Российской Федерации, можно условно разбить на следующие этапы, каждому из которых соответствовала особая форма протопартийных структур:

Первый этап (1986 - 1988 гг.) характеризуется созданием экономических, социальных, политических и идеологических предпосылок для появления партий. На этом этапе происходило формирование идеологических позиций, выработка форм, методов и средств политической борьбы, воспитание новой генерации политических лидеров, восприятие массовым сознанием возможности и неизбежности идеологического и политического плюрализма в обществе. Формой, наиболее отвечающей успешному выполнению этих задач, оказалась «неформальная политическая группа» (кружок, клуб, семинар и т.д.). Через эти структуры смогли более или менее реализоваться те функции, которые выполняют в развитом демократическом обществе политические партии. Это позволяет считать неформальные группы зачатками политических партий в нашей стране. В целом же неформальное общественно-политическое движение создавало ситуацию многопартийности, ибо выступало как оппозирующая КПСС сила, имеющая, несмотря на внутреннюю идейную и организационную дифференциацию, главную роль – разрушение идеологической и политической монополии КПСС.

Второй этап хронологически охватывает 1988 - 1990 гг. Главным его содержанием стало возникновение собственно протопартийных образований, что было вызвано сочетанием многих объективных и субъективных факторов, прежде всего углублением экономического кризиса и ростом негативной социальной активности населения. Протопартийные образования возникали, как правило, на основе неформальных группировок и могут быть сведены к трем основным формам:

а) *Массовые политизированные движения и объединения* (Народные фронты, Движения в поддержку перестройки, Объединенные фронты трудящихся и т.д.). Формировались эти структуры в основном путем объединения неформальных групп близкой идейной ориентации (Народные фронты – «либерально-западнической», Объединенные фронты трудящихся – «ортодоксально-коммунистической») в масштабах крупного города или региона на основе общих политических целей (борьба за власть на региональном или общегосударственном уровне).

б) *Политические группы, именовавшие себя «партиями»*. Несмотря на само название, партиями в полном смысле этого слова не являлись, так как, с одной стороны, не обладали рядом необходимых признаков, а с другой - в стране еще отсутствовали политико-юридические предпосылки для легального оформления и существования партий. Возникали эти структуры, главным образом, на основе наиболее влиятельных неформальных групп, либо путем объединения нескольких таких групп, и отличались как узким географическим масштабом деятельности, так и слабой идейной оформленностью.

в) *Партийные клубы и платформы в составе КПСС.* Эти структуры возникали как объединения коммунистов с близкими идейными позициями. Процессу идейной дифференциации в КПСС способствовала подготовка к XXVIII съезду (2 - 13 июля 1990 г.), в ходе которой обсуждалось несколько альтернативных платформ, на основе которых нередко выбирались делегаты съезда. Для данной формы характерна достаточно четкая организационная структура и внутренняя идейная недифференцированность.

3. *Третий этап.* В 1990 г. начинается массовое оформление политических партий и формирование многопартийной системы. Этому способствовало как развитие социально-экономической ситуации, так и принятие новой редакции статьи 6 Конституции СССР, отменившей политическую монополию КПСС. Партии возникали на основе всех форм протопартийных образований.

Становление многопартийности в РСФСР в различные периоды имело свои особенности, но, как правило, в качестве непосредственных побудительных мотивов для организации партии выступали следующие факторы:

- 1) общность психотипов: личностные симпатии и антипатии, ориентация на популярного политического лидера;
- 2) единство ценностных ориентации: приверженность определенной системе взглядов или идейно-политическому течению;
- 3) давление внешних обстоятельств: раскол внутри партии, перспектива выборов;
- 4) необходимость организационной консолидации на основе общих корпоративных интересов, реализация которых оптимально достижима в рамках парламентских структур.

Несмотря на различные пути формирования партий можно выделить четыре общие организационные стадии их развития и формирования:

- 1) зарождение идей, появление группы активистов и выработка общих целей;
- 2) пропаганда своих целей и взглядов, агитация, привлечение максимального числа сторонников;
- 3) более четкое формулирование идей и требований, развитие общественно-политической активности;
- 4) оформление в политическую партию и участие в борьбе за власть.

Становление многопартийности в РСФСР при всем ее несовершенстве стало важнейшей вехой в деле формирования демократической формы правления и структурирования гражданского общества.

Литература:

1. Анисимов Е.В. Политические партии России в контексте истории. Омск: Феникс, 1998.
2. Астахова Е.В. Становление многопартийности в СССР: некоторые аспекты. Х.: Редизд. отдел облполиграфиздата, 1991.
3. Бойков В.Э. Общественное сознание и перестройка. М.: Политиздат, 1990.
4. Бутенко А. П. Советская многопартийность: Проблема формирования. М.: Знание, 1991.
5. Вебер М. Избранное. Образ общества: Пер. с нем. М.: Диалог, 1994.
6. Виттенберг Е.Я. Активность масс в условиях перестройки: Диалог с советологами. М.: Знание, 1989.
7. Власть и оппозиция. Российский процесс XX столетия. / Под ред. В. В. Журавлева. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1995.
8. Гершунский Б.С. Гражданское общество в России: Проблемы становления и развития. М.: Педагогическое общество России, 2001.
9. Горбачевские чтения: Становление демократии в современной России: от Горбачева до Путина: перестройка 20 лет спустя: Взгляд молодых исследователей. М.: Горбачев-Фонд, 2004.
10. Громов А., Кузин О. Неформалы: Кто есть кто? М.: Мысль, 1990.

Круг чтения вятских староверов второй половины XVIII в.

Гришин Евгений Сергеевич

студент

Вятский государственный гуманитарный университет, Киров, Россия

E-mail: djeka007@mail.ru

Роль знаний в старообрядчестве на протяжении всей его истории очень высоко ценилась. По мнению историка Н. И. Костомарова, «раскол был едва ли не единственным явлением, когда русский народ – не в отдельных личностях, а в целых классах, показал своеобразную деятельность в области мысли и убеждения» (Мельников, 1999, с. 442). В условиях жестоких гонений большое число детей староверов получало образования в домашних условиях, что находит отражение и в местном архивном материале (ГАКО. Д. 321. Лл. 6-7), а впоследствии пополняли свои знания посредством самообразования. Популярностью у староверов пользовалась в первую очередь литература, необходимая в повседневной религиозной жизни, а также ориентированная на утверждение истинности «древлеправославной» традиции.

Изучив археографические памятники из фондов Отдела редкой книги Кировской областной научной библиотеки им. А. И. Герцена, а также делопроизводственную документацию из фондов Государственного архива Кировской области (далее - ГАКО), мы попытались очертить круг чтения вятского старовера второй половины XVIII в.

Среди типов старообрядческой «книги», подвергнутой рассмотрению, можно выделить «тетради» (предполагали небольшой объем и, как правило, одно или несколько однотипных произведений), сборники (целый ряд тематических подобранных произведений в одном переплете), а также отдельные произведения, оформленные в отдельном переплете (рукописные и печатные, в том числе и дониконовской печати).

Литература непосредственно учебная представлена в рассмотренных нами источниках лишь двумя наименованиями – Азбука (ГАКО. Д. 96. Л. 13 об.) и учебный Псалтырь (ГАКО. Д. 387. Лл. 151-153 об.). Это неудивительно, поскольку обучение грамоте могло проходить и по другим, неспециализированным, книгам (например, Часовникам).

Жизненная необходимость совершения религиозных обрядов вне Церкви (что было наиболее характерно для беспоповцев, однако и поповцам в условиях беспрецедентных гонений приходилось приспосабливаться) обуславливала превалирование в количественном плане богослужебной литературы. Это Служебники, Требники, Канонники, Уставы, Псалтыри, Часовники, Молитвенники, Тропари и др. (ГАКО. Д. 1209. Л. 22; Там же. Д. 96. Лл. 13-13 об.; Там же. Д. 387. Лл. 151-153 об.). Кроме того, внесение изменений именно в богослужебную литературу стало поводом для раскола русской церкви.

Другой большой группой литературы, отраженной в источниках, является литература богословско-учительная. Сюда относятся произведения отцов церкви («Слово преподобного отца нашего Ефрема Сирина», «Повесть св. Василия Великого» (ГАКО. Д. 96. Л. 13) и др. (Сборник, XVIII в.)). Особое внимание в этой группе следует уделить «Книге о вере» и «Цветнику» аввы Дорофея. Обе книги встречаются в источниках по дважды. «Книга о вере», составленная игуменом киевского Михайловского монастыря Нафанаилом (Макарий, 1996, с. 342), служила для староверов аргументом в пользу утверждения о наступлении с 1666 г. «последних времен», то есть подтверждала их эсхатологическое учение. «Цветник» аввы Дорофея, составленный монахом и касавшийся различных аспектов монашеской жизни, давал понять, что можно считать истинным христианским житием. Приведенные произведения, увидевшие свет еще до раскола церкви – в первой половине XVII в. – и выступавшие доказательством идеи истинности русского православия, служили оправданием старообрядчества как дела защиты истинной веры (Вознесенский, 1996, с. 78). Сюда же относится и Сборник (ГАКО. Д. 387. Лл. 151-153 об.), изданный в Москве в 1647 г. и содержащий сочинения нравственно-учительного, полемического и панегирического содержания.

В третью группу входят памятники литературно-публицистические. Здесь можно выделить «Поморские ответы», ставшие классикой полемической литературы старообрядчества (Поморские ответы, ³/₄ XVIII в.), произведения одного из основателей Выгов-

ского старообрядческого общежития Семена Денисова («История об отцах и страдальцах соловецких и список соловецкой челобитной») (История... XVIII в.) и др. (Сборник, последняя четверть XVIII в.) и другие дореформенные («Страсти Спасовы» (ГАКО. Д. 96. Л. 13)) и непосредственно старообрядческие произведения («Беседы Никона патриарха московского» (ГАКО. Д. 96. Л. 13)). Данные литературные памятники подкрепляли веру старообрядцев в истинность «древлеправославной» традиции.

Литература

- Поморские ответы. 3/4 XVIII в. Рукописи 88 и 130 - Библиотека им. Герцена
 Сборник церковно-полемический старообрядческий. XVIII в. – Библиотека им. Герцена
 Сборник церковно-полемический старообрядчес СПб.
 Государственный архив Кировской области (далее - ГАКО). Ф. 237. Оп. 74. Д. 321
 ГАКО. Ф. 237. Оп. 74. Д. 387
 ГАКО. Ф. 583. Оп. 4. Д. 96
 ГАКО. Ф. 583. Оп. 4. Д. 1209
 «История об отцах и страдальцах соловецких и список соловецкой челобитной». XVIII в.
 Рукопись 164 - Кировская областная научная библиотека им. А. И. Герцена (далее – Библиотека им. Герцена)
 Макарий (Булгаков), митр. (1996) История русской церкви. Кн. 6. М.
 Цит. по: Мельников Ф. Е. (1999) Краткая история древлеправославной (старообрядческой) церкви. Барнаул
 Поморские ответы. 3/4 XVIII в. Рукописи 88 и 130 - Библиотека им. Герцена
 Сборник церковно-полемический старообрядческий. XVIII в. – Библиотека им. Герцена
 Сборник церковно-полемический старообрядческий. Последняя четверть XVIII в. Рукопись 79 - Библиотека им. Герцена.

Модели праведности и восприятия спасения в канонической мысли русского Средневековья

Долгова Евгения Андреевна

студент

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия.

E-mail: dolgova-evg@rambler.ru

Эпохе Средневековья присущ свой, особый комплекс мировосприятия, в котором значение духовного фактора становится особым по значимости. Этой проблематике посвящена обширная историография: ее разрабатывали А. Я Гуревич (Гуревич А. Я. 1984), Ю. Л. Бессмертный (Бессмертный Ю.Л., 1991), А. Л. Юрганов (Юрганов А. Л., 1998).

Доминантой средневекового сознания выступает мысль о Спасении. Второе Пришествие в психологии людей неизбежно связывалось с окончанием земного существования, – и с идеей Страшного суда, покаяния и неизбежностью наказания в вечности. Идея Суда неразрывно связана со смертью: фактически он вершится у смертного одра. Ответственность перед Судом – глубоко индивидуальная категория сознания, и потому путь к спасению каждый выбирает сам. В данной работе предполагается рассмотреть несколько моделей спасения средневекового человека.

Наиболее яркими источниками по этому вопросу являются литературные произведения, связанные с идеей смерти. Литература глубоко субъективна, проникнута мироощущением отдельной личности, и вместе с тем не может не испытывать влияния основных идей и установок эпохи. Вместе с тем, круг источников сознательно ограничивается религиозными повестями: лишь святым дается познать не только покаяние и Суд, но и Спасение. И только они способны указать к нему путь остальным.

Одним из таких произведений является «Рассказ о смерти Пафнутия Боровского», написанный в 1477-1478 гг. иноком Иннокентием (БЛДР. Т. 7. СПб., 2005. С. 254–284). Это хроника последних семи дней жизни святого. Само появление этого произведения, картина физической смерти, вырванной из контекста жития, преломление всех житийных канонов – свидетельство глубинных перемен в сознании эпохи. Параллелью к нему

становится «Рассказ о последних днях и преставлении тверского епископа Акакия», составленный в 1570-х постриженником Иосифо-Волоколамского монастыря Вассианом Кошкой (БЛДР. Т. 13. СПб., 2005. С. 434-445). Близкие по содержанию и жанровой структуре, они различаются в оценке и развитии нравственных идей. Если первое произведение ломает все житийные каноны, то второе неотступно следует им.

Рефреном «Рассказа о смерти Пафнутия Боровского» становится мысль о покаянии. Инок пишет о последних днях святого «души своей на въспоминание, паче же – на обличение» (БЛДР. Т. 7. С. 254), а боль Пафнутия в том, что «60 лет угажено миру и мирьским человекомъ, князем и бояромъ, - а того не вемъ, чего ради?» (БЛДР. Т. 7. С. 276). И самое страшное - понимание необратимости, непоправимости человеческого пути. Нет святой жизни, житийный канон праведности изначально отринут в произведении. Напротив, появляется ощущение греховности, брэнности, неисполненности предначертанного. И оттого святой не верит в свою способность привести к спасению молитвой и заступничеством; он отказывает себе даже в благословении: «...от мене, грешнаго, требуют молитвы и прощения, а я, видите, самъ наипаче во время се требую молитвы и прощения...сам себе не могу помощи, а он от мене руки требаше...»(БЛДР. Т. 7. С. 260).

И нет ничего, - лишь страх перед Судом, - и еще призрачная возможность праведной смерти, хоть в какой-то мере искупающей грехи: «Господь паки своим милосердием дасть мне, грешному, 6 дней покаяния ради...» (БЛДР. Т. 7.С.262). Для Пафнутия возможен лишь один путь к спасению: уход, полное растворение в покаянии и молитве, отказ и неприятие брэнных забот и волнений мира.: «...старец же о всем мльчаще, развь точью молитву Исусову непрестанно глаголаше...» (БЛДР. Т.7. С. 258). Покаянные молитвы, упование на Бога и понимание того, что лишь в Его власти осудить и простить, хотя и кажется немислимым прощение. Мольбою: «Многими съдржим напастьми...Не остави мене въ человеческое предстоя» (БЛДР. Т. 7. С. 272); - и апофеозом - исповедь безвестному священнику, из рук единственно которого он хочет принять благословение. Но преломлением в мировоззрении становится не обрядовая сторона ухода из жизни, а глубинная внутренняя составляющая его. Прежде всего, это абсолютное одиночество святого и - более того – стремление к этому одиночеству: он не только отказывается принять кого-либо из мирян, приехавших за благословением, но и скрывает слабость свою от монахов. И умирает святой один, сокрытый от всех: « Не смех никому же рещи, яко тоходить къ Господу, понеже хочеть молва велика быти...» (БЛДР. Т. 7. С. 282).

Причина этого - в мучительном исходе средневекового сознания, в понимании того, что святость невозможна не только в миру, но и в монастыре, исключенном из мирской суеты. Монастырь для Пафнутия перестает быть спасением и убежищем. Святой оказывается бесконечно одинок в монастыре, основанном им: «...вем, яко по отшествии моеи Пречистые монастырю будеть мятежникъ много. Мню, душу мою смути и въ братии мятеж сотвори» (БЛДР.Т. 7. С. 270). При этом святой не стремится к очищению и освящению мира, монастыря; он ищет индивидуального спасения и обретает его именно в уходе от греха, в глубочайшей внутренней рефлексии.

Идеал праведной жизни отчетлив в рассказе о преставлении Акакия. Что видится болью и бесконечным грехом Пафнутия, то становится пламенным подвигом Акакия: «...Молебник бо бысть верень о благоверном царе великом князе Иване многолетном здравии и спасении...» (БЛДР. Т. 13. С. 237). Его подвиг, его Спасение – не уход в покаяние, а подвиг молитвы за спасение всех. Роль святого заступника, «молебника» достигает своего апогея в произведении: «...Некогда же у владыкы духовнику седяшу перед преставлениемъ, и владыка възревъ на духовника и рече: «Яз и о вас Богу молюся». Духовник же поклоняется владыке до земли и глаголет: «Помилуй мя, Господи, твоими молитвами, святой владыка...» (БЛДР. Т. 13. . С. 437). Поведение Акакия глубоко канонично, монах не вправе отказывать в благословении и оттого «у святого владыки ни единого человека не прощенна и не благословенна» (БЛДР. Т. 13. С. 441). И картина смерти полностью следует житийным традициям, она составляется «на прочитание памяти, для чего Бог сподобил от такаваго святого благословение приятии и чесным мощем его коснутися...» (БЛДР. Т. 13. С. 445). «Не знаю, а болезни никакой я в себе не чувствую...», - такова по всем житийным канонам смерть праведника. Нет одиночества, нет мучительного стремления к нему: «...В Иосифове манастыре старцы – пророки. По-

добен Иосифов монастырь старцами Печерского монастыря старцем киевским, иже бысть во оно время при благоверных великих князьях...» (БЛДР. Т. 13. С. 441). Есть лишь истинно святая жизнь, духовный подвиг молитвы и защиты святым своей паствы, приведения ее к Спасению.

Трансформация религиозного сознания в рассматриваемую эпоху предполагает возникновение в рамках канонической системы мировосприятия вариативных, часто противоположных моделей спасения. Их возникновение и индивидуальное личностное преломление ярче всего запечатлелось в памятниках житийной литературы XV-XVI вв.

Список источников и литературы.

1. Бессмертный Ю.Л. Жизнь и смерть в средние века. М., 1991.
2. Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М., 1984.
3. Рассказ Вассиана Кошки о последних днях и преставлении тверского епископа Акакия // БЛДР. Т. 13. СПб., 2005. С. 434-445.
4. Рассказ о смерти Пафнутия Боровского // БЛДР. Т. 7. СПб., 2005. С. 254-284.
5. Юрганов А. Л. Категории русской средневековой культуры. М., 1998.

Стенограммы заседаний Государственной Думы в комплексе делопроизводственной документации по изучению концепции земской реформы либеральных партий Российской империи

Дубровин Максим Викторович

аспирант

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва

E-mail: panda77@yandex.ru

Многочисленно проведено сравнение Стенографических отчетов Государственной Думы III созыва с протоколами заседаний ЦК партий кадетов и октябристов и материалами партийных съездов. Выявлены как преимущества, так и недостатки Стенографических отчетов по сравнению с партийными документами.

Стенографические отчеты изложены более подробно. Протоколы заседаний ЦК партии кадетов, например, отличаются краткостью содержания. По сути это краткий пересказ заседаний, содержащий немало сокращений.

В отличие от протоколов заседаний ЦК, Стенографические отчеты содержат намного больше информации, фиксируют дебаты дословно, без сокращений. С одной стороны, это подразумевает трудности и очень кропотливую работу для исследователя, в частности – исследователь сталкивается с большим количеством лишней информации, «воды». С другой стороны, это гарантирует полноту источника, информационную наполненность материала. Для исследователя второе обстоятельство важнее, так как в данном случае большое количество общей информации предполагает большое количество информации, необходимой для исследования. Пусть и через очень кропотливый труд, исследователь отберет нужную ему информацию. В случае же с протоколами ЦК много информации не зафиксировано и, следовательно, утеряно.

Причина более высокого качества Стенографических отчетов как источника информации по сравнению с протоколами ЦК, в том, что отчеты – документ государственной важности. Составление отчетов заседаний Думы было обязательным процессом, составляли их государственные служащие. Протоколы же составлялись в факультативном порядке, в них в первые годы их составления фиксировалось только основное. Из-за этого были упущены детали, возможно важные, которые необходимы исследователю для анализа документа. Поэтому информативность протоколов ЦК партии кадетов существенно ниже, чем информативность Стенографических отчетов.

В плане достоверности опять же больше доверия вызывают Стенографические отчеты, так как, во-первых, они составлялись для государственных нужд и предполагали заведомо точную фиксацию дебатов. Во-вторых, отчеты ежедневно проверялись и утверждались депутатами на предмет достоверности текстов отчетов их выступлениям.

В протоколах зачастую утверждения не подкреплены фактами. Например, обсуждается вопрос «Агитация среди крестьян – можно ли поручить это дело студентам?» Отмечено, что участник обсуждения Зубрилин против. Почему против – не сказано¹.

Партийный характер протоколов заседаний ЦК налагает определенные недостатки, в частности, наличие партийной цензуры не дает гарантии полной достоверности документов. Недостаток протоколов и в том, что они предоставляют нам точку зрения руководства партии, без взаимодействия с другими партиями и правительством. Обсуждение концепции земской реформы, как и обсуждение любой другой концепции, представляет лишь мнение и намерения партии, но не отражает того, насколько кадеты были способны отстаивать свою концепцию в публичной дискуссии.

В то же время Стенографические отчеты содержат именно дискуссионные материалы между представителями различных фракций, различных политических взглядов. Следовательно, взгляды депутатов по той или иной концепции развернуты, более детально изложена аргументация законопроектов и поправок различных фракций.

Наконец, еще одним существенным недостатком протоколов заседаний ЦК партии кадетов является отсутствие подробного указателя для удобной работы с документами. Сведения собраны исключительно в хронологическом порядке, что требует больших временных затрат на исследование и создает дополнительные трудности в сборе информации. Это большой минус по сравнению с Стенографическими отчетами, которые содержат богатый справочный материал. Восполнить недостаток указательных материалов в протоколах ЦК партии кадетов может помочь знание хронологии обсуждения земской реформы в Думе и фамилий депутатов, принимавших участие в обсуждении. Если говорить собственно о содержании выступлений, посвященных земской реформе, то в протоколах ЦК дано только общее представление о концепции партии кадетов.

Протоколы партии «Союза 17 октября»² по объему и характеру подачи материала схожи с протоколами кадетов. Протоколы октябристов велись также не столь подробно и детально, как думские отчеты. Также присутствует минимальный справочный материал (только личный указатель). Аналогично сказывается влияние партийной цензуры, как в любых партийных документах, чего не скажешь о Стенографических отчетах Думы.

В отношении обсуждения концепции земской реформы октябристов информативную ценность представляют материалы III съезда «Союза 17 октября», проходившего в октябре 1909 года. В протоколах дается обсуждение докладов Ю.Н. Милютин «О введении земства на Кавказе», А.И. Урсула «О поселковом управлении», Ю.Н. Глебова «О реформе волостного управления», А.Д. Голицына «Реформа земского избирательного закона».

В то же время протоколам обсуждения указанных материалов недостает детальности и конкретики. Очень много обобщающих фраз и формулировок. Например, резолюция по докладу «О реформе земского избирательного права» говорит о том, что «действующее земское избирательное право не отвечает условиям и требованиям современной общественной жизни» и о «привлечении возможно широких слоев местного населения к земскому самоуправлению, причем земская избирательная система может быть построена на начале всеобщего избирательного права»³. Бросается в глаза неопределенность позиции октябристов по вопросам предоставления избирательного права и неопределенность их взглядов на участие местного населения в земском самоуправлении. Подобная размытость формулировок видна и при обсуждении доклада «О волостном (у)правлении»: «В обсуждениях выяснилась желательность привлечения к несению известных расходов и лиц других сословий, пользующихся компетенцией волостных правлений для своих нужд»⁴.

¹ Протоколы Центрального комитета Конституционно-демократической партии. 1905-1911 гг. Том 1. М., 1994. С. 42

² Партия «Союз 17 Октября». Протоколы III съезда, конференций и заседаний ЦК. Том 2. 1907-1915 гг. М., 1996

³ Указ. Соч. С. 110

⁴ Там же. С. 206

Источники:

1. Стенографические отчеты Государственной Думы III созыва. СПб., 1910
2. Протоколы Центрального комитета Конституционно-демократической партии. 1905-1911 гг. Том 1. М., 1994
3. Партия «Союз 17 Октября». Протоколы III съезда, конференций и заседаний ЦК. Том 2. 1907-1915 гг. М., 1996

**Польский вопрос в петербургских официальных донесениях и личной переписке
Отто фон Бисмарка. 1859 – 1862 гг.***Дударев Василий Сергеевич**студент**Московский Государственный Университет им. М. В. Ломоносова, Россия**E-mail: Dudarew@mail.ru*

Наряду с освещением вопросов, связанных с развитием системы международных отношений, осуществлением внешнеполитического курса Российской империи, реализацией внутренних преобразований, Отто фон Бисмарк в своих петербургских донесениях уделял большое внимание польскому вопросу.

В отечественной историографии характеристика Бисмарком польских событий во время петербургской миссии, равно как и сама миссия мало изучались. Единственная монография, посвященная петербургскому периоду жизни Отто фон Бисмарка, - исследование Б. Э. Нольде. Основное внимание автор уделяет проблемам, связанным с развитием системы международных отношений, однако польский вопрос в донесениях прусского посланника подробно не рассматривается.

Официальные донесения Бисмарка из Петербурга, его личная переписка за время петербургской миссии были изданы в Германии в конце XIX в. – начале XX в. на немецком языке и на русский язык не переводились. Как комплекс источников эти сообщения не были введены в научный оборот в отечественной историографии.

Письма из Петербурга показывают жесткую позицию Бисмарка в решении польского вопроса. Сторонник твердой линии, прусский дипломат выступал за силовое решение вопроса. Это доказывает фраза Бисмарка из письма сестре от 14 (26) марта 1861 года («Bismarckbriefe 1836 - 1873», 1898, S. 302.): «поляки отчаялись в самой жизни; я полностью сочувствую их положению, но если мы желаем сохранить самих себя, нам ничего не остается делать, как уничтожить их». Путь реформ в Польше был неприемлем для Бисмарка, от этого прусский посланник предостерегал как Берлин, так и Петербург. В своих донесениях Бисмарк предсказывал эскалацию беспорядков в Царстве Польском слабой политикой царской администрации.

Твердая позиция Бисмарка в польском вопросе охладила его отношения с министром иностранных дел Российской империи А. М. Горчаковым, что явствует из донесений прусского посланника. Руководитель внешнеполитического ведомства России видел в жестком курсе управления Польшей угрозу русско-французскому согласию, основной цели А. М. Горчакова в этот период. Как следует из донесений Бисмарка, Горчаков уже к середине 1861 г. сделал свой выбор в пользу преобразований в Царстве Польском, выраженных в программе маркиза Велепольского.

Ключевой момент донесений Бисмарка – характеристика позиции императора Александра II в решении польского вопроса. Прусский посланник отмечает колебания российского самодержца в выборе диаметрально противоположных мер. Бисмарк пишет об Александре II как о военном, который желает твердой рукой навести порядок в Польше. Но прусский дипломат характеризует императора как довольно мягкого человека, стремящегося успокоить поляков проведением политических преобразований в Царстве. Отто фон Бисмарк в письмах принцу-регенту, а затем королю Пруссии Вильгельму сообщает о расположенности императора Александра II к силовому решению польского вопроса с самого начала беспорядков в Польше. Прусский дипломат упоминает «преобладающие влияния» («Die politischen Berichte des Fürsten Bismarck aus Petersburg und Paris (1859 - 1862)», 1920, Bd. 2, S. 55) на императора из среды ближайшего ок-

ружения, подтолкнувшие его к выбору мирного пути решения вопроса. Ценны эти наблюдения также и тем, что Бисмарк знал о настроениях Александра II не понаслышке, не из уст А. М. Горчакова, но имел возможность лично подолгу разговаривать с императором. Доверительный характер встреч с Александром II убедил прусского дипломата в том, что к концу 1861 г. – началу 1862 г. российский самодержец стал все больше склоняться к силовому решению вопроса.

Донесения Бисмарка отражают обеспокоенность императора влиянием польского вопроса на внутреннюю жизнь империи, на проведение политических преобразований в России, на ход крестьянской реформы. Таким образом, прусский дипломат выделял более глубокие последствия событий в Польше для самой России и подчеркивал это в разговорах с царем.

В системе международных отношений польский вопрос, по словам Бисмарка, ослаблял Пруссию и Россию, что укрепляло позиции Австрии. Желание венского кабинета восстановить Священный Союз Бисмарк считал прикрытием, под которым Австрия проводит политику ослабления своих принципиальных противников в Германии и на Балканах. Четкую позицию Англии и Франции в решении польского вопроса Бисмарк в своих донесениях не определяет и лишь отмечает, что мнение о заинтересованности Парижа в эскалации польских событий менее чем состоятельно.

Литература

1. Бисмарк Отто фон (1940) Мысли и воспоминания. М.
2. Ерусалимский А. С. (1940) Бисмарк как дипломат. М.
3. Ерусалимский А. С. (1968) Бисмарк. Дипломатия и милитаризм. М.
4. Нольде Б. Э. (1925) Петербургская миссия Бисмарка 1859 – 1862 гг. Россия и Европа в начале царствования Александра II. Прага: «Пламя».
5. Чубинский В. В. (1988) Бисмарк. Политическая биография. М.
6. Anhang zu den Gedanken und Erinnerungen von Otto Fürst von Bismarck, 2Bd., J. G. Cotta'sche Buchhandlung Nachfolger, Stuttgart und Berlin, 1901.
7. Bismarckbriefe 1836 - 1873, herausgegeben von Horst Kohl, Verlag von Verhagen und Klasig, Bielefeld und Leipzig, 1898.
8. «Bismarcks Briefwechsel mit Kleist-Retzow», hrsg. von. Nerman von Petersdorf, Stuttgart, Berlin, o. J.
9. Die politischen Berichte des Fürsten Bismarck aus Petersburg und Paris (1859 - 1862), herausgegeben von L. Raschdau, Gesandter außer Dienst, Verlag von Reimar Hobbing in Berlin, 1920.
10. Fürst Bismarcks Briefe an seine Braut und Gattin, herausgegeben vom Fürsten Herbert Bismarck, J. G. Cotta'sche Buchhandlung Nachfolger, Stuttgart und Berlin, 1910.

Сиротский суд Твери в системе местного управления конца XVIII – начала XIX вв. (По материалам журналов заседаний сиротского суда)

Думенко Ольга Евгеньевна

магистрант

Тверской государственный университет, Тверь, Россия

Необходимость изучения деятельности учреждений местного управления диктуется современной политической ситуацией, сутью которой являются разработка и проведение реформ в различных сферах, в том числе в центральном и местных аппаратах управления. В таких условиях особенно остро возникает потребность обращения к опыту прошлого. Наиболее удачными в Российской истории, на мой взгляд, явились реформы управления конца XVIII-начала XIX вв. Многие учреждения местного управления, созданные Екатериной II, и органы высшей и центральной власти, введенные Александром I, завершили свою работу лишь в 1917 г.⁵ в результате кардинальных изменений государственных структур в ходе революций.

⁵Сандулов Ю.А. История России: народ и власть. Спб., 1997. С. 365.

Одним из элементов системы городского управления при Екатерине был сиротский суд, учрежденный в г. Твери в 1776 г., т.е. сразу после введения в действие «Учреждения о губерниях» 1775 г. По «Учреждению» сиротский суд должен был работать при городском магистрате.⁶ Но с самого начала своей деятельности (с 1776 г.) суд стал вести отдельное делопроизводство, что дает основания рассматривать его как самостоятельное учреждение местного управления. Источниковой базой данного исследования являются журналы заседаний сиротского суда. Работа с этим видом делопроизводственных источников велась по методике, предложенной и разработанной Н.В. Середа⁷. В целях выявления особенностей деятельности сиротского суда в конце XVIII - начале XIX вв., рассматривались журналы заседаний за 1776 - 1784 гг.⁸, и за 1808 г.⁹ Это, на наш взгляд, позволило проследить эволюцию компетенции сиротского суда и его места в системе местного управления.

С самого начала своей деятельности сиротский суд сотрудничал, т.е. переписывался, со многими учреждениями городского и губернского уровня. С 1777 – 1784 гг. самое большое количество документов приходило в суд из Приказа общественного призрения. Из Приказа поступали «предложения», которые касались вопросов организации и работы городской школы и богадельни. Суд координировал действия попечителей богадельни, следил за работой школы. Приказ возлагал на суд исполнение тех обязанностей, которые по законодательству закреплены за ним, но не входят в компетенцию сиротского суда. Это, на мой взгляд, является свидетельством того, что шел постепенный процесс складывания системы местного управления, на первых этапах которого не соблюдалось четкое разделение функций между учреждениями, заложенное в законодательстве Екатерины.

Часть указов в 1776 – 1777 гг. приходила в сиротский суд из Тверского наместнического правления. Они носили, в основном, организационный характер. Некоторые указы являются уникальными. Так, например, указ от 3 июля 1777 г. о том, чтобы сиротский суд имел «сношения с Приказом общественного призрения и совестным судом», не зафиксирован в Полном собрании законов¹⁰. Таким образом, журналы заседаний сиротского суда являются бесценным источником по своим информативным возможностям для изучения некоторых аспектов екатерининской реформы. В них зафиксированы сведения, которые сложно выявить на основе документации центральных органов власти.

С 1776 - 1784 гг. сиротский суд переписывался и с губернским магистратом, причем только со вторым департаментом. Губернский магистрат вмешивался в работу сиротского суда, если возникали споры по поводу имущества сирот.

Исходя из данных журналов за 1776 – 1784 гг., можно утверждать, что сиротский суд находился в подчинении Наместнического правления, Приказа общественного призрения и губернского магистрата не опосредовано через городской магистрат, а напрямую. Это, в свою очередь, говорит о том, на губернском уровне сиротский суд рассматривался как самостоятельный орган городского управления. Совершенно иные представления о месте сиротского суда в системе управления можно получить по материалам журнала заседаний за 1808 г. За этот год суд не рассматривал ни одного документа из какого-либо губернского учреждения. Приходили документы только из городского магистрата и от частных лиц. Все они посвящены вопросам, связанным с опекой над малолетними сиротами.

Подведем итоги вышеописанным наблюдениям. Очевидно, что к 1808 г. сужается круг вопросов, которыми занимается сиротский суд. Если по журналам 1776 – 1784 гг. в сферу компетенции этого учреждения входили городская школа, богадельни (мужская и женская), опека и попечительство над малолетними сиротами и их имуществом, то в 1808 г. область деятельности суда сводится к последнему. Единственным учреждением местного

⁶ Полное собрание законов Российской Империи. Т. XX. Спб., 1830. С. 261.

⁷ Середа Н.В. Реформа управления Екатерины Второй. М., 2004.

⁸ ГАТО. Ф.679. Оп.1. Д.599.

⁹ Там же. Д.623.

¹⁰ ПСЗ. Т. XX. Спб., 1830.

управления, с которым сотрудничает сиротский суд в 1808 г. является городской магистрат. Такое положение сиротского суда в системе местного управления соответствует «Учреждению о губерниях» 1775 г.¹¹ В «Учреждении» изначально закладывались второстепенность, относительная несамостоятельность сиротского суда. Однако фактически ограничение его функций произошло лишь при Александре I не позднее 1808 г.

Сокращение полномочий сиротского суда к 1808 г. по сравнению с первыми годами его деятельности не следует рассматривать как негативный факт. Скорее, это свидетельствует о завершении разделения обязанностей между местными органами власти в соответствии с положениями законодательства Екатерины II, что является признаком создания правовой монархии, в которой за каждым учреждением закреплена четко определенный круг вопросов и проблем. Окончательное становление местных учреждений, введенных императрицей, произошло уже при ее внуке Александре I, что дает основание считать его действительным преемником Екатерины.

Кажется справедливым мнение Б.Н. Миронова, что отклонения от замысла реформы – убедительное доказательство того, что не только государство творило социальную историю страны, но и объективные социально-экономические процессы, проходившие в стране¹². Этим, вероятно, можно объяснить те искажения, которым подверглось «Учреждение о губерниях» при его практической реализации. Тем не менее, период правления Александра I явился временем, когда многие замыслы и начинания Екатерины Второй воплотились в жизнь. Современный исследователь Н.В. Середа, исследуя документы фондов городских учреждений за XIX в., отмечает достаточно позднее закрепление в практике жизни городов основ законодательства Екатерины II.¹³ На наш взгляд, подобный временной промежуток между началом проведения реформ и их практическим завершением в условиях российской действительности не является значительным. Исследуя документы сиротского суда, можно сделать вывод о постепенном, но, безусловно, успешном проведении реформы системы местного управления в конце XVIII вв.

М. В. Ломоносов и основание Московского Университета

Караичев Дмитрий Николаевич

студент

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: mail@bratstvo.msu.ru

Московский Университет стал называться в честь Михаила Васильевича Ломоносова с 7 мая 1940 года. В тот год торжественно отмечалось 185-летие со дня его основания и было решено дать ему имя выдающегося русского ученого, волею которого в свое время Университет и был создан. Надо отметить, что изначально в историографии Университета имя Ломоносова не значилось среди его основателей. В Указе императрицы от 12 января 1755 года его имя ни разу не упоминается. Более того, там четко названо имя Шувалова как подателя идеи об учреждении университета: «упомянутому изобретателю того полезного дела действительному нашему камергеру и кавалеру Шувалову». Ломоносов не присутствовал на торжественной церемонии инаугурации. Более того, он ни разу за свою жизнь не посетил Московский Университет, не принимал участие в составлении его библиотечного фонда (этот вопрос также освещается в данной работе), и не занимал ни одной должности связанной с ним. Изначально довольно справедливо, как мне кажется, считали, что Университет создали императрица Елизавета Петровна и ее фаворит Иван Иванович Шувалов. В советской же историографии роль самодержицы в основании Университета минимизировалось, и это видно на примере монографий, упо-

¹¹ Там же. С. 261.

¹² Миронов Б.Н. Социальная история России периода Империи (XVIII - начала XX вв.). Т.1. Спб., 2000. С. 495.

¹³ Середа Н.В. Городская реформа Екатерины II в Тверской губернии: источники и методы исследования. Автореферат. М., 2005.

мянутых далее в данной работе. Участие же М. В. Ломоносова приобрело исключительное значение.

Цель данной работы – выяснить, а имел ли Ломоносов хоть какое существенное влияние на открытие первого российского Университета, на основе анализа достоверных документов рассматриваемой эпохи, непосредственно касающиеся указанного вопроса.

Основные источники в рамках данной работы – так называемое «Письмо Ломоносова Шувалову об основании Московского Университета» (Ломоносов М.В.1950, С. 680), а также «В правительствующий Сенат покорное доношение Камергера и Кавалера И.И. Шувалова», «Проект об учреждении Московского университета», «Штат новоучреждаемого в Москве Университета», «Штат гимназии, которых будут две», «Регламент московской гимназии», «Указ об учреждении Московского университета и двух гимназий с приложением высочайше утвержденного проекта по сему предмету» (Орлов А.С. 1986, С. 474.),

<...>

Как видите, эти документы претерпели лишь незначительную редакцию со стороны Шувалова, сохранив при этом рудименты идей М.В. Ломоносова. Так в «Штатах гимназии...» сохранилось упоминание об производстве в степени и градусы, не вошедшее в окончательный вариант «Проекта...». Наряду с введенным Иваном Ивановичем термином «директор», который вошел в окончательный вариант «Проекта...», в «Регламенте...» (Белявский М.Т. 1955, С. 300.), употребляется термин «ректор», что соответствовало изначальной концепции М.В. Ломоносова. Сопоставление «Письма Ломоносова Шувалову об основании Московского Университета» с окончательным вариантом «Проекта...», - приводит нас к выводу, что все основные положения, касающиеся состава, кафедр, преподавательского состава, изучаемых дисциплин представленного Сенату документа, разработаны не кем иным, как Ломоносовым. В самом «Проекте...» рядом с упоминанием двух отдельных гимназий для деления по сословиям, встречается слово «гимназия» в единственном числе, что также изначально предлагалось Михайлом Васильевичем. Да сама идея основания гимназии при университете, как явствует из «Письма...», принадлежит Ломоносову.

Итак, исходя из анализа текстов, разобранных нами документов можно прийти к выводам, что перу Михайло Васильевичу Ломоносова принадлежат не только «Регламент московской гимназии», но также и первоначальные варианты «Проекта об учреждении Московского университета», «Штата новоучреждаемого в Москве Университета», «Штата гимназии, которых будут две».

Из всего этого делается неотвратимый вывод, что при создании «Проекта об Учреждении Московского Университета» Иван Иванович Шувалов консультировался с Михайло Васильевичем Ломоносовым, и более того, внес основную часть его предложений в окончательный вариант.

Это в свою очередь, позволяет нам подтвердить слова самого Ломоносова, данные им, согласно Пекарскому, 10 лет спустя основания первого российского Университета о том, что он «не только был участником учреждаемого Московского Университета, но и первую причину подал к основанию упомянутого корпуса» (Пенчко Н.А. 1953, С. 28.).

Литература:

1. Андреев А.Ю. (2001) Курс лекций по истории Московского Университета М.
2. Белявский М.Т. (1955) М.В.Ломоносов и основание Московского Университета. М.
3. Белявский М.Т. (1986) Все испытал и все проник. М.
4. Ильченко. Е.В. (2004) Летопись Московского Университета. М
5. Ломоносов М.В. (1955) Полное собрание сочинений.Т.9,10. М.
6. Ломоносов М.В. (1950) Избранные философские произведения М.
7. Орлов А.С. (1986) Жажда познания. М.
8. Павлова Г.Е. (1986) Михайло Васильевич Ломоносов 1711-1765. М.
9. Пекарский П.П. (1873) История Императорской Академии Наук в Петербурге. Т. 2., СПб.
10. Пенчко Н.А. (1953) Основание Московского Университета. М.
11. Пенчко Н.А. (1960) Московский Университет им. М.В. Ломоносова. Документы и материалы по истории Московского Университета второй половины XVII века. М.

12. Пенчко Н.А. (1969) Библиотека Московского Университета с основания до 1812 года. М.
13. Ремарчук В.В. (1997) Московский университет на пороге третьего тысячелетия Выпуск 17. И.И. Шувалов к 270-летию со дня рождения. М.
14. Шевырьев С. П. (1854) Библиографический словарь профессоръ и преподавателей императорского Московского Университета за истекшее столѣтіе, со дня учрежденія января 12-го 1755 года, составленный трудами профессоръ и преподавателей, занимавших кафедры въ 1854 году, и расположенных по азбучному порядку.
15. Шевырьев С. П. (1997) История императорского Московского Университета Издательство Московского Университета 1855 год (Репринтное издание с указателем) М.
16. Федосов И.А. (1979) Летопись Московского Университета. М.

Первый конфликт между великим княжеством Литовским и Великим княжеством Московским

Киселёв Александр Васильевич

студент

Белорусский государственный университет, исторический факультет, Минск, Беларусь

E-mail: meroving999@mail.ru

К середине XIVв. На территории Восточной Европы образовались два центра, которые претендовали на власть над бывшими землями Древней Руси, Великое княжество Литовское и Великое княжество Московское. Первоначально инициатива в собирании земель принадлежала Литве, так как она раньше начала подчинять своей власти восточнославянские территории. Земли Северо- Восточной Руси находились в зависимости от Золотой Орды, государственного объединения, созданного чингисидами в середине XIIIв. Ханы Золотой Орды стремились поддерживать баланс сил на подчинённых им территориях и стремились не допустить усиления какого-либо княжества на землях Северо-Восточной Руси. В качестве инструмента контроля использовалось право хана выбирать великого князя владимирского, который получал от хана специальную грамоту— ярлык. (Соловьёв, 1888, с.236) Великий князь владимирский имел право собирать для хана дань, часть дани великие князья оставляли себе. Данный инструмент был достаточно эффективным и ослаблял зависимые от Орды территории, так как претенденты тратили огромные деньги на подкуп ордынских чиновников, а в случае конфликта призывали на земли соседа ордынские войска.

Ситуация начала меняться с началом правления в Москве Ивана Калиты, который с помощью Орды сумел устранить главного соперника Москвы Тверь, которая претендовала на то, чтобы стать объединительницей земель. (Антонович, 1885,с. 61) Постепенно Калита начал распространять влияние Москвы на богатые боярские республики Псков и Великий Новгород, которые входили в сферу интересов ВКЛ. Великий Новгород и Псков стремились сохранить баланс сил между Литвой и Москвой, чтобы не попасть под власть более сильных соседей и использовать в своих целях возникшие между ними противоречия (Весялоўскі, 1990,с 25--27)

Конфликт между ВКЛ и ВКМ вспыхнул в 1331 году, когда при поддержке великого князя литовского Гедимина сел бывший тверской князь Александр Михайлович, выгнанный Калитой из Твери. Он поддерживал псковичей в их стремлении отделиться от Новгородской епархии. Новгородцы пожаловались великому московскому князю и митрополиту Феагносту. Калита с войском пришёл в Новгород и стал угрожать Пскову войной, а митрополит отлучил псковичей от церкви. В результате Александр Михайлович вынужден был покинуть Псков (Пашуто, 1959, с.436) и уехал в Вильно. Однако, когда Калита покинул Новгород и вернулся в Москву, Александр Михайлович сел на псковский стол. В 1333 ИванI потребовал от новгородцев дани для Орды, но не получил её. За отказ он захватил Торжок и Бежецкий Верх. Тогда Новгород пригласил на княжение Гедиминового сына Наримонта. Воевать с ВКЛ Калита не хотел. Он в очередной раз использует противоречия между Псковом и Новгородом. В 1335 году Калита с новгородцами собирается в поход на Псков. Гедимин делает набег на Торжок, что расстроило

планы новгородцев. Московские войска напали в ответ на пограничные городки Осечен и Расну. (Полное собрание русских летописей, 1975,с 56) Однако, до большого конфликта между Москвой и Литвой не произошло. Новгород и Псков были ещё достаточно сильны, чтобы проводить самостоятельную внешнюю политику, а интересы Москвы и Литвы не пересеклись ещё настолько, чтобы их нельзя было разрешить без большой войны. Основными направлениями внешней политики ВКЛ и ВКМ были соответственно война с Тевтонским Орденом и стремление выйти из-под власти Орды.

Литература

1. Антонович В.Б. (1885) Монографии по истории Западной и Юго-Западной России. Киев.
2. Пашуто В.Т. (1959) Образование Литовского государства. М.
3. Полное собрание русских летописей.(1975) Т.35. М.
4. Соловьёв С.М. История России с древнейших времён.
5. Весялоўскі А.Н. (1990) Трайдэн і яго наступнікі // Голас часу №8. Лондан.

Повседневная жизнь ингерманландских полков в период гарнизонной службы в Калуге (1892-1914 гг.)

Корявых Дмитрий Александрович

студент

Калужский государственный педуниверситет им. Циолковского, Калуга, Россия

E-mail: irina-berg@kspu.kaluga.ru

Издавна в г. Калуге и пригородах располагались воинские части. В разное время в городе квартировали 65-й пехотный Московский Его Величества и 5-й гренадерский Киевский Его Величества Короля Нидерландского полки. Они несли гарнизонную службу, охраняя военное имущество, проходили обучение и подготовку в лагерях в окрестностях города.

В 1892 г. на постоянные квартиры в Калугу из Нижнего Новгорода прибыли 9-й Староингерманландский генерал-адъютанта князя Меншикова и 10-й Новоингерманландский полки, составлявшие 1-ю бригаду 3-ей пехотной дивизии 17-го армейского корпуса. В городе Староингерманландский полк занял Фроловские (ул. Ленина, д. 58; стадион «Локомотив»), Московские и Загородносадские (ул. Октябрьская, около парка им. К.Э. Циолковского) казармы, а Новоингерманландскому полку были отведены Ерохинские (ул. Герцена, д. 18) и Николаевские (ул. Салтыкова-Щедрина, где сейчас территория КЭМЗ) казармы [5, с. 58-59]. Причем, из-за нехватки казарменных помещений новоингерманландцев пришлось расположить также по частным квартирам. Первая зима, проведенная в Калуге, была для ингерманландцев особенно тяжелой. Помимо бытовой неустроенности, личный состав полков, в особенности Новоингерманландского, испытывал открытую неприязнь со стороны калужан. Подобное отношение было следствием наличия среди нижних чинов большого числа евреев и католиков. Однако постепенно калужане привыкли к ингерманландцам, «благоразумно удалявшимся от всякого рода ссор и недоразумений» [3, с. 411].

В феврале 1893 г. начались работы по устройству военного лагеря в окрестностях Калуги, на реке Киевке, завершившиеся торжественным молебном на Дровяной площади 26 мая, в день окончания работ. Причем работы проводились Новоингерманландским полком, «так как лагерь Киевского полка, ушедшего из Калуги в Москву (это произошло как раз в 1892 г.), был отдан первому полку (т.е. 9-ому Ингерманландскому)... 3-ей пехотной дивизии» [3, с. 411-412]. Сохранилась интересная оценка старого лагеря, принадлежащая офицеру 9-го полка В.И. Попову: «Местоположение нового лагеря по красоте значительно уступало нижегородскому, но в отношении климатическом и санитарном не оставляло желать ничего лучшего... Как на недостаток можно указать на отдаленность реки Оки..., что не всегда позволяет воспользоваться рекой для отправления людей на купанье» [2, с. 190]. Таким образом, к началу 1893 г. полки окончательно устроились на новом месте стоянки, и мирная служба потекла своим чередом.

Квартируя в Калуге, ингерманландцы принимали активное участие в жизни города. Ни один крупный праздник не обходился без полкового парада, проходившего после службы в Троицком соборе на Плац–парадной площади. В летнее время в Городском парке играли военные духовые оркестры 9-го и 10-го полков под управлением офицеров-новоингерманландцев Бема, Крейна и Миница, привлекавшие много слушателей. В полках был устроен любительский хор офицеров и театр. Во внеслужбное время офицеры преподавали гимнастику в учебных заведениях города. Например, в 1901-1902 учебном году военную гимнастику в Калужском реальном училище преподавали поручик летучего артиллерийского парка Е.М. Стржемеский и штабс-капитан 9-го полка Н.Г. Майоров, а после перевода последнего из Калуги эту должность занимал в течение двух лет штабс-капитан 10-го пехотного полка Н.И. Миловидов. В офицерском собрании (открыто в 1878 г. в доме Тиличевых офицерами-гренадерами 5-го Киевского полка) проводились костюмированные и литературно-музыкальные вечера. Офицеры гарнизона регулярно выступали в помещении Калужского военного собрания с сообщениями на различные темы: по истории русской армии («Ахал-Текинская экспедиция в 1880-81 гг.» и др.), боевой подготовке войск («Очерк порядка обучения стрелков в пехоте нашей и иностранных: французской, германской, австрийской, итальянской и датской армиях» и др.), новейшим достижениям военной мысли и техники [1, лл. 8, 11, 14, 21].

В 1903 г. было создано Калужское отделение Общества ревнителей военных знаний. В 1904 г. членами Общества (в основном офицерами) были изданы «Военные записки» (единственный номер), содержащие статьи по методике обучения стрельбе, геополитическим вопросам и истории Калужского края, а также воспоминания участников войны 1877-1878 гг.

Некоторое разнообразие вносилось в жизнь гарнизона «торжественными случаями» – приездом начальства, полковым праздником или просто полковым обедом. В 1897 г. Калугу с инспекцией посетил е.и.в. командующий войсками Московского военного округа Великий князь Сергей Александрович, а 16 мая 1904 г. войска гарнизона (ингерманландские полки) приняли участие в смотре в честь приезда Николая II, который объезжал войска, отправлявшиеся на русско-японскую войну [1, лл. 150-153]. Царь записал в своем дневнике: «Приехал к полю у Калуги, на котором были выстроены 9-й пехотный Ингерманландский, 10-й Новоингерманландский полки, 3-я артиллерийская бригада и два летучих артиллерийских полка. От бывших эти дни дождей поле превратилось в болото. Несмотря на это, войска проходили замечательно» [4, с. 208].

В честь посещения императором Калуги на месте смотра войск 30 июля 1908 г. был установлен трехметровый обелиск, увенчанный бронзовым орлом (до наших дней он, к сожалению, не сохранился) [1, лл. 173-173 об.].

В последующие межвоенные годы обычное течение мирной жизни ингерманландцев в Калуге нарушалось лишь во время общероссийских праздников. Так, в 1909 г. 9-ый Ингерманландский полк принял участие в торжествах по случаю 200-летия Полтавского сражения, получив по Высочайшему повелению наименование «пехотного императора Петра Великого» (взамен Петра I) полка, а в 1913 г. войска калужского гарнизона приняли участие в праздновании 300-летия династии Романовых.

С началом Первой мировой войны 1-я бригада 3-ей пехотной дивизии выступила на фронт. Гарнизонную службу в Калуге стала нести 26-я резервная бригада и другие резервные части. В начале марта 1918 г. ингерманландцы вернулись в Калугу. Здесь в марте-апреле они были расформированы.

Литература

1. Российский Государственный Военно-Исторический Архив, ф. 9631, оп. 2, д. 3
2. Попов В.И. История 9-го пехотного Ингерманландского императора Петра I полка. Тула, 1903.
3. Пирожников А.А. История 10-го Новоингерманландского полка. Тула, 1913.
4. Дневник императора Николая II. Москва, 1991.
5. Крамес Н.А. Старая Калуга. Историческая справка (рукопись). Калуга, 1969.

Школа и революция в правительственной политике 1905–1907 гг.**Георгий Михайлович Кропоткин***аспирант**Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Россия**E-mail: kropotkin@list*

Одним из наиболее ярких проявлений революционного движения в 1905–1907 гг. стали беспорядки в стенах учебных заведений. Восстановление порядка в школе оказалось одной из основных проблем, стоявших перед правительством. Особое беспокойство у государственных деятелей вызывало брожение умов среди учащейся молодежи, которая воспринималась как «зеркало, дающее часто преувеличенные, но в общем верные изображения духовного состояния общества, т.е. мыслящей России» [1. С. 55]. На ее состоянии сказывался «революционный психоз, в котором пребывает громадное большинство людей, причисляющих себя к так называемой интеллигенции»; при этом сановники признавали, что молодежь «более чем кто-либо способна на всякие эксцессы, на восприятие всяких умственных и духовных болезненных эпидемий» [2. Ч. III. С. 698; см. также: 1. С. 55]. Поэтому неудивительно, по мнению министра народного просвещения гр. И.И.Толстого, что «у каждой революции имеются пособники и верные союзники в лице “учащегося” юношества. ... При отсутствии традиций в русском обществе, при плохой постановке воспитания и в семье и в школе увлечь “малых сих”, ловко преувеличивая их значение и давая им ответственные роли в политическом движении, не представляется трудной задачей» [3. С. 52; аналогичные высказывания Витте см.: 4. Стлб. 542].

В «Воспоминаниях» Толстого дается подробная картина беспорядков в высших учебных заведениях, где осенью 1905 г. «студенты, хотя и решили возобновить занятия (после забастовки, начавшейся в январе 1905 г. – Г.К.), но организованная так называемая “сознательная” часть студенчества, иначе говоря, революционная, решила это возобновление с чисто “тактической” целью – на обеспеченной, под предлогом автономии, территории учебных заведений и под кровом их подготовить торжество пролетарского движения, вооружив его словом и делом на борьбу с ненавистным правительством», тогда как профессора, «с выборными ректорами и директорами во главе, хотя в громадном большинстве не сочувствовали крайностям движения, но извиняли их как юношеские увлечения в весьма симпатичном, принципиально, для них деле освобождения страны от существующего режима» [5. С. 52].

Аналогичную картину за более поздний период рисовал в своей всеподданнейшей записке преемник Толстого, П.М.Кауфман, отмечая, однако, что, вопреки усилиям революционеров «значительная часть студентов» училась с «небывалым усердием» [6]. Тем не менее в студенческих революционных организациях он видел немалую опасность. «Я не содрогаюсь, – говорил он, – когда в газетах появляются широковещательные резолюции студенческих сходок – мы знаем, как они составляются и публикуются; не беспокоюсь, когда студенты бахвалятся наименованиями “с.р.” или “с.д.”, чуть ли не пропечатывая эти звания на своих визитных карточках, и этому цену мы знаем. ... Но прихожу в смущение, когда узнаю, что в высшую школу проникли *революционные организации* (выделение подлинника. – Г.К.). Прихожу в смущение потому, что, хотя эти организации составляют небольшую, сравнительно, группу студентов, но кучки держат в терроре студенческую массу, громадное большинство которой явилось в высшую школу, несомненно, затем, чтобы учиться. Еще более я смущаюсь, когда вижу, что местная академическая власть с этим злом сама не в состоянии справиться» [7]. В этом отношении молодежь для правящих кругов тоже была «зеркалом» общества в целом, которое, будучи равнодушно в большинстве своем к политике, безропотно подчинялось авторитету революционных организаций [8. С. 489–491].

Обсуждая меры по прекращению студенческих беспорядков, Совет министров был в большинстве солидарен с Кауфманом, который, не считая возможным «возвращаться к прежней системе централизации и обращения всего odium’a репрессий на правительственную власть», предлагал сохранить в высших учебных заведениях «начала самоуправления, дарованного им указом 27 августа 1905 г.» и указывал, что «необходимо лишь

ввести это самоуправление в законные рамки и приучить профессорские коллегии к ответственности» [9]. Но решительных действий в этом направлении правительство не принимало, вопреки мнению одного лишь П.Х.Шванебаха, который при каждом удобном случае обращал внимание сановников, что «многие из существующих высших школ служат скорее опорными пунктами революционного движения, чем рассадниками просвещения», что необходимо срочно «локализовать и тушить разгоревшийся пожар», и, в частности, «прежде всяких других мер обратить внимание на основной вопрос о пресловутой автономии высших учебных заведений, точно определить действительные ее границы и настоять на их соблюдении» [2. Ч. I. С. 229; Ч. III. С. 696–697, 553].

Большинство Совета министров указывало в ответ, что студенческие волнения не в последнюю очередь связаны с переполнением университетов, при котором «значительная часть студентов лишена фактически (выделение подлинника. – Г.К.) возможности правильно работать и потому находится в положении, особенно благоприятствующем всякого рода не порядку», и что тем не менее «значительное большинство студентов пришло в университеты исключительно с целью приобретения научных познаний и ведет себя спокойно, продолжая занятия несмотря на стремление буйного меньшинства помешать этому» [2. Ч. III. С. 699–700].

Лишь в мае 1907 г. кабинет занялся вопросом о студенческих организациях, указав в журнале, что подобные организации «во многих учебных заведениях захватили в свои руки почти всю власть в их стенах», что они представляют «серьезную опасность и для общественного порядка вне стен учебных заведений, являясь готовым орудием для революционной пропаганды, а может быть, и для актов террористического характера», но не преминул отметить при этом, что «волнения в высшей школе являются несомненно лишь отражением общего брожения в стране» [2. Ч. IV. С. 842, 844]. Решительных мер опять, однако, не было предпринято: Совет министров предлагал установить правила, по которым «студентам высших учебных заведений разрешается образовывать организации, преследующие цели, не противные существующим узаконениям и правилам», тогда как все прочие организации «признаются незаконными и никакими правами не пользуются» (Характерно, что Николай II собственноручно исправил последние 5 слов на: «и потому не могут быть терпимы») [2. С. 848–849].

Ничуть не более отрадным для правящей бюрократии было состояние средней школы. Толстой отмечал, что если «русские люди давно привыкли видеть “бунтующих” студентов», то участие в революционных действиях гимназистов было печальным новшеством. «Главари новейшего революционного движения, – писал он, – замечательно верно сообразили ту пользу, которую можно извлечь для дела, втянув в него подростков и детей: с одной стороны, дети легко подбивались на чисто героические действия, благодаря игре на их юном честолюбии, и, будучи поставлены в первые ряды революционных действий, являлись естественной защитой для более взрослых “товарищей”, а с другой – не было, конечно, лучшего средства взбудоражить все общество и вселить самое яростное неудовлетворение в родительскую среду, как поражая ее в лице ребят» [5. С. 85].

Единственное прочное средство успокоения средней школы государственные деятели видели в привлечении к школьной жизни родителей (в форме родительских совещаний и комитетов), поскольку, как утверждал Кауфман, «без из помощи при современной системе открытой (выделение подлинника. – Г.К.) школы мы бессильны» [10; см. также: 5. С. 92]. Логика государственных деятелей вполне понятна: если молодежь – прежде всего «зеркало» общества, то и нормальная жизнь школы возможна только при общем успокоении. «Правительство одно, – говорил Кауфман, – с обращением школы в арену, в орудие, в жертву политической распри, правительство одно бороться с этим не может. Ни надзор, ни контроль, ни кары в этом деле много не помогут. Нужна решимость всех родителей, всего зрелого населения» – «сохранить школу для школы» [11. Стлб. 146].

Система начального образования также внушала государственным деятелям серьезные опасения, причем основную угрозу они видели в учителях сельских школ. Их оппозиционность имела, по мнению сановников, понятные материальные причины: низкую оплату и вообще тяжелую жизнь – «в глуши, при самой невозможной обстановке,

нередко в борьбе с невежественным и грубым сельским начальством... Естественно, что при данных условиях общее недовольство широко распространилось среди учительского персонала низшей школы, и революционное движение нашло многочисленных сторонников в лице учителей обоюбого пола, являвшихся естественными истолкователями происходящего освободительного движения среди темного крестьянства, а нередко и прямо агитаторами в пользу самых крайних социалистических и анархических учений» [5. С. 110; см. также: 12. Ч. I. С. 181]. Никаких способов предотвратить разрушительную деятельность сельских учителей (как и вообще представителей «третьего элемента») правительство не видело, ограничиваясь репрессиями *post factum* в случаях массовых беспорядков.

Как нетрудно заметить, государственные деятели не склонны были приуменьшать масштабы революционного движения в системе образования. При этом они не готовы были ни исполнять требования студенческих и гимназических организаций [13], ни принимать сколько-нибудь решительные меры для противодействия им. С окончанием первой русской революции обычное течение учебной жизни постепенно восстановилось, однако цельной политики, способной предотвратить повторение беспорядков, правительству выработать так и не удалось.

Примечания:

- [1] Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 3. М., 1960.
- [2] Особые журналы Совета министров царской России. 1907 год. Ч. I–IV. М., 1984.
- [3] Толстой И.И. Дневник. 1906–1916. СПб., 1997.
- [4] Государственный совет. Стенографические отчеты. 1907 год. Сессия 2. СПб., 1907.
- [5] Толстой И.И. Воспоминания министра народного просвещения графа И.И.Толстого. М., 1997.
- [6] ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 272. Л. 36 об.
- [7] Там же. Л. 114–114 об. Стенограмма совещания начальников высших учебных заведений в апреле 1907 г.
- [8] Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого. М., 2000.
- [9] ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 272. Л. 44. Всеподданнейшая записка П.М.Кауфмана 5 мая 1907 г.
- [10] Там же. Л. 46.
- [11] Государственная дума. Созыв 2-й. Сессия 2-я. Стенографические отчеты. Т. 2. СПб., 1907.
- [12] Особые журналы Совета министров царской России. 1906 год. Ч. I–V. М., 1982.
- [13] Требования эти, записанные И.И.Толстым, были весьма обширны, включая передачу преобладающей власти учащимся, уничтожение экзаменов и баллов, сокращение учебных программ (в частности, «преподавание истории и географии должно ограничиваться самыми общими сведениями, избегая всяких хронологических дат») (ОР РНБ. Ф. 781. № 117. Л. 1–1 об.)

«Формализм» в художественной критике и культурной жизни СССР

Кузнецова Людмила Анатольевна

студент

Пермский Государственный Университет, Пермь, Российская Федерация

E-mail: Africa-s@yandex.ru

«Формализм» - фантом советской культуры. Это многозначное понятие, отношение к которому в России и за рубежом сильно отличается. На Западе, как правило, формализм – это теория формальных литературоведческих и искусствоведческих школ, подготовивших европейский структурализм. В советской художественной критике «формализм» - это, прежде всего, универсальный критерий лояльности художника к официальному искусству. Эволюция этого понятия, как лакмусовая бумажка, отражает, а иногда и предвосхищает изменения общественно-политической ситуации в стране.

Антиформалистическая кампания растянулась в СССР почти на сорок лет, однако, мы рассмотрим только два ее рубежа, которые по времени совпадают с переломными

моментами истории. Во-первых, дискуссию о формализме 1936 года, которая ознаменовала собой границу между революционным плюрализмом артистических и эстетических течений, школ и группировок и так называемой сталинской культурой, утверждавшей «правдивое изображение действительности» соцреализма как единственно правильный метод. Однако если говорить об истинных целях этой кампании, то вряд ли они состояли только в утверждении соцреализма как метода. Именно в это время формулируются универсальные обвинения на следующие пятьдесят лет. Именно в этот период формализм начал выступать как фантом, сущность которого уловить было просто нельзя (Громов, 2003, с. 274). Когда казалось неловким, неудобным, преждевременным предъявлять к художественному произведению прямые идеологические обвинения, ему было легче приписывать формализм. И тогда те же обвинения проводились затем через вроде бы адекватные искусству эстетические термины, освященные якобы авторитетом высокой классики. Дискуссия вылилась в «большую чистку культуры», которая предвосхитила большой террор 1937 года. Именно необходимость проведения своего рода экспериментальной идеологической кампании считают одной из основных причин начала борьбы с формализмом (Максименков, 1997, с. 305).

Во-вторых, обратим внимание на кампанию 1962 – 1963 годов. В это время на фоне общей либерализации происходили содержательные перемены и в культуре. Поэтому для многих неожиданностью стала антиформалистическая кампания, вновь развернутая официальной критикой после выставки московских художников, посвященной 30-летию МОСХа, где были представлены выполненные в традициях авангардизма работы молодых живописцев и картины мастеров русского авангарда 1910 – 1920-х годов. Многих исследователей волнует вопрос о причинах развязывания этой кампании. Действительно, более-менее либеральная политика, которую проводил Хрущев, позволяла надеяться на возрождение полистилистики в искусстве. Однако первые опыты десталинизации удивили тех, кто полагал, что сталинизм был регрессом по отношению к предыдущему, авангардистскому периоду русской истории, и ожидал от СССР после окончания сталинского кошмара простого продолжения этого «насильственно прерванного развития». Но эти ожидания не оправдались, соцреализм по-прежнему остался единственным допустимым методом. Возможно, в этом есть некоторая закономерность: многие писатели и художники послесталинского времени пытались возродить традиции авангарда и образовали «неофициальную культуру», противопоставленную официальной, в которой на любой формальный эксперимент, освобождающий слово или художественный образ от прямого служения идеологии наложено табу. Власть, естественно, отказалась признать авангард: советское официальное культурное сознание скорее примет «антисоветский реализм» в духе Солженицына, нежели принципиально антиидеологический «формализм» (Гройс, 2003, с. 102).

Опосредовано новый виток борьбы с формализмом указывал, насколько далеко могут зайти власти в десталинизации. Можно говорить о том, что «формализм» из термина официальной советской критики постепенно стал неким мифологическим неформализуемым понятием, обозначающим табуированное: как пространство культуры, так и степень свободы.

Литература:

1. Гройс Б. Искусство утопии М., 2003
2. Громов Е. Сталин: искусство и власть М., 2003
3. Максименков Л. Сумбур вместо музыки М., 1997

Урегулирование межродовых конфликтов в казахских жузах (XVIII-XIX вв.)

Перфильев Александр Леонидович

студент

Нижевартовский государственный гуманитарный университет

С самого начала присоединения Казахстана к России в 30-х гг. XVIII в. Российским властям пришлось столкнуться с многочисленными проблемами, главными из которых были предотвращение нападений новых подданных на пограничные линии и торговые

караваны, а также прекращение вражды между казахами с одной стороны, и казаками, башкирами, калмыками – с другой. Со временем к российской администрации приходит понимание того, что важнейшими факторами нестабильности в степи являются барымта и межродовые столкновения. Барымта (в русских источниках – баранта) – институт обычного права казахов, насильственный угон скота, как правило, членов одного рода или семьи у другого с целью возмещения убытка или как акт возмездия за грабеж, убийство и прочие преступления. Нередко именно с барымты начинались кровопролитные конфликты между родами.

С середины XVIII в. в связи со все более углублявшимися процессами децентрализации трех казахских жузов, ослаблением ханской власти, усилением барымты в Казахстане обостряются межродовые усобицы. Особенно ожесточенными они были в Младшем жузе, чему способствовали восстание Срыма Датова и борьба за власть между султанами и родовыми старшинами в 70 – 90-е гг. XVIII в. По словам А.И.Добросмыслова, «...за время с 1732 до 1824 года ... суда у киргиз [т.е. казахов – П.А.] не было, а был какой-то дикий самосуд – право сильного. Громадное большинство дел кончалось барантой, не барантовал только сирий и убогий» (Добросмыслов А.И. С.23.).

Вплоть до 20-х гг. XIX в. российские власти старались избегать прямого вмешательства во внутренние дела казахов, придерживаясь общего курса «...как можно менее входить во внутренний распорядок киргизов, ... [предоставив] им управляться и ведаться внутри степи своими обычаями» (Материалы. С.172). Однако по мере утверждения позиций России в Младшем и Среднем жузах власти все настойчивее начинают бороться с межродовыми конфликтами. В первую очередь для решения этой проблемы использовались «силовые» методы. Так, по Положению об управлении оренбургскими казахами 1844 г. дела о барымте, измене, убийствах, разбоях, грабежах, захвате русских для продажи в рабство были отнесены к разряду наиболее тяжких и подлежали рассмотрению военным судом (Полное собрание законов. №17988). Другой важной мерой предотвращения межродовых столкновений стало возведение в Степи укреплений и редутов.

В 30-60-е гг. XIX в. российские власти наряду с жесткими действиями стали широко использовать традиционные институты казахского кочевого общества, при которых учитывались особенности общественного устройства казахов, их менталитет и т.п. (сохранение народного суда биев, рассматривавшего дела по обычному праву; поддержка старой элиты – султанов). Одной из наиболее удачных и действенных мер стала организация съездов султанов, биев, родовых старшин враждующих родов, которые под контролем правительственных чиновников должны были «полюбовно» уладить все споры. Впервые реальная попытка прекратить родовые столкновения таким способом была предпринята оренбургской администрацией в начале 30-х гг. XIX в. По инициативе председателя Оренбургской пограничной комиссии (ОПК) Г.Ф.Генса был созван съезд султанов и старшин родов джагайбалы, табын, тама, кипчак, керей, на котором в соответствии с обычным правом были «удовлетворены взаимные иски» (Казахско-русские отношения. С.252.).

В 1840-е гг. в связи с восстанием Кенесары Касымова усобицы с новой силой охватили весь Младший жуз. Обострилась и длившаяся более 60 лет вражда рода адай с соседними родами, в результате которой с обеих сторон гибли сотни людей. ОПК добилась «высочайшего согласия» на разрешение конфликта съездом старшин враждовавших родов в соответствии с обычным правом. Летом 1850 г. на съезде биев и старшин были урегулированы спорные вопросы между адай и шикли, а в 1851 г. – между адай и остальными родами. В отчете ОПК за 1852 г. впервые говорилось о необычайно спокойной обстановке в степи [ЦГА РК. Д.5068, л.20об.-22; Д.5089, л.19об.-20].

Эффективность работы съездов в Младшем жузе была признана и омской администрацией, в ведении которой находился Средний жуз. Для разбора конфликтных вопросов между казахами Младшего и Среднего жузов был созван съезд биев и родовых старшин обоих жузов. На нем удалось рассмотреть часть исков в 1846 г. до наступления зимы, а остальные – в 1847 г. Подобным же образом были решены взаимные претензии казахов в 1864 г. (Казахско-русские отношения. С.348, 502-503).

Еще одним способом «успокоения» степи было привлечение на сторону правительства наиболее авторитетных барымтачей и вождей антироссийских восстаний. Например, из-

вестного барымтача 50-х гг. XIX в. Есета Котибарова оренбургский генерал-губернатор фактически подкупил чином и должностью (Казахско-русские отношения. С.497).

Немаловажную роль в прекращении усобиц сыграли подготовка местных казахских кадров, строительство школ в степи, материальная помощь разорившимся казахам и привлечение их к земледелию, т.к. в столкновениях зачастую участвовали наиболее бедные казахи, видевшие в барымте и разбоях единственный источник к существованию.

Межродовые столкновения в казахской степи окончательно были прекращены к середине 1860-х гг.

Литература

1. Добросмыслов А.И. Суд у киргиз Тургайской области в XVIII и XIX вв. Казань, 1904.
2. Казахско-русские отношения в XVIII-XIX вв. (1771-1867 гг.). Сборник документов и материалов. Алма-Ата, 1964.
3. Материалы по истории политического строя Казахстана (со времени присоединения к России до Великой Октябрьской социалистической революции). Алма-Ата, 1960.
4. Полное собрание законов Российской империи. Спб., 1845. Т. XIX.
5. ЦГА РК (Центральный государственный архив Республики Казахстан). Ф.4. Оп. 1. Д.5068, 5089. (архивные материалы предоставлены научным руководителем).

Создание Римско-католической духовной коллегии (1801 г.)

Попов Михаил Александрович

аспирант, магистр гуманитарных наук

Белорусский государственный университет, исторический факультет, Минск, Беларусь

E-mail: MikhailPapou@tut.by

В ночь с 11 (23) на 12 (24) марта 1801 г. был убит Павел I. На трон вступил его старший сын Александр I. Одним из первых указов новый император объявил об амнистии для политических заключенных, среди которых был глава Римско-католической Церкви в России – могилевский митрополит Станислав Богуш-Сестренцевич (1731-1826). Решением вопроса о его восстановлении в церковных должностях и выработке основных положений взаимоотношения Католической Церкви и государства, должен был заняться специальный комитет под председательством генерал-прокурора Александра Беклешева, созданный 16 июля 1801г. (Brumanis, 1968)

Так как С.Сестренцевич был отставлен без официального законодательного акта, члены комитета сошлись во мнении считать его отставку временной. Ожесточенная борьба развернулась по вопросу: «Кто станет председателем планируемой Римско-католической духовной коллегии, которая должна была придти на смену департаменту?». Большинство членов комитета выступало против того, чтобы могилевский митрополит стал во главе коллегии и далее постоянно жил в Санкт-Петербурге. Аргументировали это тем, что С.Сестренцевич уже ранее объединял в себе тройную власть: власть епископа, власть митрополита и власть председателя департамента. Такое совмещение создавало ситуацию, когда человек, подающий апелляцию на его решение в первой инстанции, должен был апеллировать вновь к нему же самому во второй и в третьей, что рождало неудовольствие и многочисленные жалобы. Чтобы предотвратить подобное, члены комитета предлагали архиепископу постоянно пребывать в Могилеве. Этой же точки зрения придерживался Джованни Бенвенутти (исполняющий обязанности представителя Святой Столицы после высылки нунция Лоренцо Лита), который написал на имя императора анонимный протест против назначения председателем Римско-католической духовной коллегии Станислава Богуша-Сестренцевича (Brumanis, 1968). С. Шантыр говорит о двух проектах поданных на имя императора, в которых их авторы также высказывались против кандидатуры Станислава Сестренцевича. Один из них принадлежит жмудскому епископу-коадьютору Юзефу-Арнульффу Гедройцу, второй – неизвестному автору (Szanyr, 1843). Гедройц предлагал не совмещать посты председателя департамента по римско-католическим делами и митрополита Могилевского. С. Сестренцевич должен оставаться архиепископом-митрополитом, а его коадьютор (Ян Бениславский) должен председательствовать в департаменте. Неизвестный автор считал, что Бе-

ниславский должен сохранить за собою как пост председателя департамента, так и исполняемые им функции архиепископа Могилевского. Однако тяжело больной Бениславский предпочитал более тишину и спокойствие монашеской кельи, чем блеск и интриги двора. Он отказывается от всех занимаемых им постов и получает на то согласие Александра I (Szanyg, 1843).

13 (25) августа на заседании Сената произошло обсуждение выработанных комитетом предложений («Положения о духовном и церковном правлении римско-католического закона в России»). Сенаторы посчитали, что высший государственный орган в области управления Католической Церкви должен возглавлять её высший иерарх, которым в Российской империи был, безусловно, Станислав Богуш-Сестренцевич. 13 (25) ноября 1801 г. Александр I утвердил доработанный Сенатом законопроект. Согласно «Высочайше утвержденному докладу Сената о восстановлении духовного и церковного правительств римско-католического закона в России» вместо уничтожаемого департамента римско-католических дел создавалась Римско-католическая духовная коллегия в составе председателя, двух заместителей, 6 ассессоров. Председателем коллегии был назначен архиепископ Могилевский. Функции двух его заместителей должны были выполнять любой епископ и прелат-инфулат, кандидатуры которых утверждал император. Ассессоры играли роль представителей каждой из римско-католических епархий. Так как общее количество епархий в Российской империи на 1801 г. было 6, то и общее количество ассессоров в коллегии равнялось 6. Ассессоры должны были выбираться кафедральными капитулами епархий из числа прелатов или каноников на три года. В функции коллегии указом вменялось: наблюдение за соблюдением государственных законов и поведением духовных особ, сбор сведений для Сената о кандидатах на различные церковные должности, статистический анализ положения Католической Церкви в империи, наблюдение за монашескими орденами. Наконец, коллегия являлась верховным судебным органом для дел к «догматам веры и правам, каноническим относящихся и не подлежащих суду мирян» (ПСЗ, 1830).

Шаги российского правительства вызвали беспокойство в Риме. Считая причиной всех «бед» могилевского митрополита курия решила добиваться возобновления дипломатических отношений с Россией. В конце марта 1803 г. в Санкт-Петербург прибыло посольство, возглавляемое Т.Ареццо. Однако роль нунция свелась лишь в передаче поздравлений Александру I от папы римского в связи с его коронацией. Все его попытки вмешательства в конфессиональную политику сразу же пресекались российским правительством. В конце концов, его выслали из России, а послом папы (легатом) российское правительство 10 (22) августа 1804 г. признало могилевского митрополита (ПСЗ, 1830).

В отличие от нунция, совершенно не желавшего понять принципы и методы российской политики, С.Сестренцевич усвоил их в совершенстве. Новая государственная надстройка, в лице Римско-католической духовной коллегии значительно ущемляла его власть. Принцип коллегиальности здесь проявлялся значительно четче, чем в департаменте. Если департамент состоял из 6 членов, на половину – из светских, на половину – из духовных, то коллегия состояла из 9 членов, все из которых были представителями духовенства. Митрополит не мог контролировать выборы в кафедральных капитулах епархий, напрямую не подчиненных его власти, что создавало прецедент для организации оппозиции внутри коллегии, которая могла составить большинство. Для упрочения собственной позиции в коллегии митрополит назначает своими заместителями о. Петра Станкевича и о. Осипа Серпинского. Те, вскоре, своим поведением умудрились поссорить Сестренцевича с большинством членов коллегии. В 1805 г. он пишет на имя министра юстиции князя Лопухина обширное письмо, в котором описывает «плачевное» положение коллегии и говорит о необходимости «определенных преобразований, которые было бы необходимо в ней провести» (Szanyg, 1843). Он предлагает ликвидировать принцип выборности членов коллегии кафедральными капитулами и заменить его назначением императора. Количество членов он предлагает сократить вдвое (до пяти).

Подкупив писаря канцелярии митрополита, о. Станислав Шантыр получил копию письма Сестренцевича к Лопухину. Через о. Г. Грубера он получил поддержку у обер-прокурора Святейшего Синода князя Александра Голицына, который обещал представить Александру I ситуацию, сложившуюся в коллегии так, что император отклонит

проект Сестренцевича (Szanyr, 1843). Получив негативный ответ, митрополит не опустил руки. Педантично вникая во все дела, он вскоре добивается того, что по всем вопросам, касающихся Католической Церкви в России, правительство обращается исключительно к нему минуя Римско-католическую духовную коллегия. Роль последней фактически сводится к нулю.

Литература

1. Brumanis A.A. (1968) *Aus origins de la hiérarchie latine en Russie* Mgr. Stanislas Siestrzencewicz-Bohusz. Premier archevêque-métropolitain de Mohilev (1731-1826). Louvain.
2. Szantyr S. (1843) *Zbiór wiadomości o Kościele i religii katolickiej w Cesarstwie Rosyjskiem*. Poznań.
3. Полное собрание законов Российской империи. Первое собрание. (ПСЗ, 1830). СПб. Т. XXVI, №20053, с. 823-829; Т. XXVIII, №21421, с. 473.

Рынок наемной рабочей силы Торжка последней четверти XVIII – первой половины XIX в.

Прядеина Ирина Евгеньевна

аспирант

Тверской государственный университет, Тверь, Россия

Исследование труда как одной из основополагающих общественных ценностей является привлекательной темой для изучения. К ней относятся и история становления и развития в России рынка наемного труда. Чрезвычайно сложно комплексное рассмотрение процессов, протекавших в экономике, в том числе и формирование рынка труда на общероссийском уровне. В этом случае более перспективным на данный момент является изучение местных рынков труда, ибо ни познав частное, невозможно понять целое. Данная статья носит постановочный характер и рассматривает лишь один тезис – условия найма на строительную работу, но следует отметить, что выводы сделанные на основе этого анализа подтверждаются и условиями найма на другие виды работ.

Источниками исследования стали маклерские книги слуг и рабочих людей г. Торжка. В фонде Новоторжского магистрата были выявлено 55 сохранившихся маклерских книг данного вида и проанализированы восемь из них: самые ранние - за 1788, 1789, 1790 гг., самые поздние из сохранившихся - за 1847, 1848 гг. и наиболее обширные по объему содержащихся в них копий договоров и оказавшиеся промежуточными по хронологии - за 1803, 1804, 1805 гг.

При найме на строительные работы за все изучаемые периоды время работы определялось термином «все лето помесячно», считая в месяце 25 рабочих дней. Найм начинался в конце октября и продолжался до апреля следующего года. Оплата зависела от вида работ, на которую осуществлялся найм. Так, оплата за «каменную работу стенового мастерства» рассчитывалась в последней четверти XVIII – начале XIX вв. за месяц работы и колебалась в договорах конца XVIII в. от 5 руб. до 8 руб. (в среднем – 6 руб. 50 коп.), в актах начала XIX в. – от 6 до 14 руб., что в среднем при за летний сезон составляло около 36 – 40 руб. На момент заключения договора выдавался задаток в размере месячной оплаты труда. В последней четверти XVIII в. работник находился на продовольственном содержании в случае, если строительные работы велись за пределами Торжка, в самом городе он был на своем содержании. В начале XIX в. это условие не встречается в текстах договоров и работодатель всегда должен был обеспечивать своих работников продовольственным содержанием.

В последней четверти XVIII в. в период нахождения на работе работник брал на себя обязательство «находиться в работе исправно и напрасных прогулов не чинить», в начале XIX в. данное пожелание обрело более конкретные юридические формулировки. Договор предусматривал условие, согласно которому за каждый день прогула работода-

тель вычитал из заработной платы работника по 1 руб.: «Ест ли же кто из нас за ленью или за пьянством прогуляет, волен он, Понамарев [наниматель – И.П.], вычитать из договорной цены по одному рублю за каждый день»¹⁴. Нанятые работники давали обязательство как и в конце XVIII в., после подписания договора не наниматься к другим работодателям. В случае их неявки на работу в установленный срок наниматель имел право переложить понесенные им убытки и затраты на нарушителей договора: «И быть в той работе неизъемлемо и к иным работать и по повышении цены ... наниматься не буду. И если без воли оного, Понамарева [наниматель – И.П.], наймусь к другому или уйду без спросу в работе, то волен он, Понамарев, на мой кошт нанять и с передачею. То убытки и передачу все должен заплатить без препятствия...»¹⁵. Эти условия выдвигались строительными подрядчиками с целью обеспечить исполнение работы со стороны наемного рабочего. Подобные условия найма являлись типичными для всех строительных подрядчиков.

В конце 40-х гг. условия найма на строительные работы с одной стороны более унифицировались, с другой – ужесточились. Период активного заключения договоров остался прежним: с середины октября до апреля. Однако, время начала и конца сезона работ получило более конкретное календарное определение: теперь в договоре указывались месяц и даже число начала и окончания работы. В большинстве договоров сезон работы определялся с 1 апреля до 1 ноября. Оплата за работу выдавалась вся сполна в момент заключения договора и составляла 30 руб. серебром за сезон, с содержанием за счет работодателя или 37 руб. серебром на человека в случае, если работник находился на своем содержании. При пересчете оплаты труда на месячную зарплату, в случае найма на сезон в 6 месяцев, она составляла в среднем 5 руб. серебром. Иногда затраты предпринимателя на продовольственное содержание работника в течение месяца определялись в актах особым пунктом, согласно которому эта сумма составляла 1 руб. 75 коп. на человека, которые должен был выплачивать работодатель своему работнику в дополнение к заработной плате. В некоторых случаях договор определял условия содержания работника очень расплывчато – «приличное для рабочего». Ужесточилась ответственность работника за нарушение договора. В случае ухода с работы до завершения установленного срока хотя бы на несколько дней раньше, он обязан был возместить всю полученную им на момент заключения договора сумму: «А ежели кто из нас по каким бы то ни было обстоятельствам не будет иметь возможности дослужить до означенного времени, то есть до 16 октября, хотя бы одну неделю, то почитать такового яко не исполнителя сей обязанности и за то взыскать с него взятые им денги тритцать рублей серебром все сполна, да еще и неустойку столько же, и всего 60 руб. серебром»¹⁶.

Мы можем говорить о развитии на протяжении изучаемого периода договорных отношений в сфере найма. В актах последней четверти XVIII в. шла речь только об обязательстве работника не наниматься к другому подрядчику на работу. В начале XIX в. работодатель внес помимо этого в текст договора дополнительные условия о взимании штрафа с работника в размере 1 руб. за день прогула и выплате компенсации в случае неявки на работу в установленный срок. В 40-х гг. работодатель полностью исключил возможность прекращения работы до истечения срока договора. Договор найма не предусматривал для потенциального работника возможности по какой-либо причине отсутствовать на месте работы даже минимальный срок. Возрастание требований со стороны работодателя должно компенсироваться увеличением денежного эквивалента и усилением внимания к содержанию нанимаемых людей.

Подводя итоги, можно сказать, что в течении изучаемого периода условия работы становятся более регламентированы. Обмену стали подлежать только реально используемые способности к труду. Возрастание требований работодателя к потенциальному работнику компенсировалось увеличением заработной платы и усилением внимания к содержанию нанимаемых людей. Очевиден переход предпринимателей к оплате только

14 ГАТО, ф. 172, оп. 1, д. 4457, л. 11об., 12.

15 Там же л. 13.

16 Там же д. 4950, л. 22

фактически используемых в процессе производства способностей, которые четко оговариваются при заключении договора найма. Исходя из выше сказанного, мы видим, что в течение изучаемого периода рынок наемной рабочей силы не только получил свое развитие, но и перешел в иное качественное измерение «рынок труда».

**«Будьте уверены, император что-нибудь да сделает для Польши...»:
польский вопрос в восприятии Наполеона III. 1853 – 1863.**

Пухова Любовь Андреевна

аспирантка

Московский Государственный университет им. М.В. Ломоносова, Россия

e-mail: luiba2003@yandex.ru

Российская империя всегда была империей многонациональной. Если сравнивать отношения империи с входившими в ее состав многочисленными нациями, то более всего их можно, наверное, уподобить отношениям «родитель – дети». В непосредственной близости к Европе у нее было лишь два «ребенка». Один был послушный и понимающий, а потому пользовался со стороны империи благами и свободами. Вторым же, напротив, возмущался своим положением, как ему казалось, приниженого, нисколько не обращал внимания на успешный опыт своего «брата» и восставал против воли «родителя». За это его сурово наказывали. Он не понимал, обижался и искал поддержки в Европе, где ему ее так или иначе обещали, реже пытались оказывать. Первым ребенком была Финляндия, вторым, разумеется, – Польша.

Для Франции польский вопрос всегда был особенным. Что же касается императора Наполеона III, то кого, как не его, провозгласившего «принцип национальностей», должен был волновать польский вопрос. И волновал. Однако не так сильно, как часто хотят это представить.

В годы Крымской войны, особенно на ее завершающей стадии, польский вопрос неоднократно обсуждался между союзниками, и всегда по инициативе французской стороны. По данным С.С. Татищева, в конце августа–начале сентября 1854 года Наполеон III во время встречи с принцем Альфредом поведал последнему о том, что «имеет два задушевных желания» - освобождение Ломбардии и восстановление Польши. Под восстановлением он понимал территорию бывшего герцогства Варшавского, за исключением прусских территорий (Татищев, 1888, с. 149–150).

И до, и после падения Севастополя Наполеон III предпринимал неоднократные попытки втянуть Англию в войну за освобождение Польши (Affaire de Pologne, 1863, р. 5–16). Но англичан не так-то просто было заставить воевать за то, что не было особо им выгодно. Они, со своей стороны, стремились после падения Севастополя вовлечь Наполеона в дальнейшую войну, что, впрочем, им не удалось. В результате 22 октября (10 ноября) 1855 года в письме к королеве Виктории Наполеон написал: «Если бы правительство Вашего величества заявило мне, что мирные условия должны быть совершенно иного рода, что честь наша и интересы Европы требуют исправления карты Европы, что Европа не будет свободна, пока не восстановится Польша, Крым не возвратится Турции, а Финляндия Швеции, то я бы еще мог понять политику, которой нельзя было бы отказать в некотором величии и которая ставила бы преследуемые результаты в уровень с принесенными жертвами» (Татищев, 1888, с. 153).

Со своей стороны, польская эмиграция в Париже предпринимала активнейшие действия к тому, чтобы подвигнуть Наполеона уже наконец на активную помощь Польше. Так, в официальном «Moniteur» после неудачного покушения 28 апреля на Наполеона III Пианори было напечатано поднесенное французскому императору поздравительное письмо от генерала Рыбинского, «последнего главнокомандующего бывшей польской армией в 1831 году». В этом поздравлении, в том числе, были и такие слова: «Вся Польша не отреклась бы от меня, если бы ей дозволено было выразить мысль свою. Да, государь, она страдает и устремляет взоры на Запад, где видит и любит лишь одно ваше величество!» (La France, 1868, р. 77).

Во время Парижского конгресса 1856 года польский вопрос возник в обсуждениях Наполеона III и Орлова. Однако, поскольку Орлов не было уполномочен говорить на эту тему, она так и осталась необсужденной. Со своей стороны, поляки были возмущены заключенным миром (Memoires, 1883, p. 221; Милютин, 1999, с. 47).

Во время встречи в Штутгарте в сентябре 1857 г., породившей столько страхов и подозрений в Европе, Наполеон III сказал Александру II: «Почему бы Вам не дать [Польше] всеобщую амнистию?.. Я... должен щадить общественное мнение, которое во Франции благоприятно Польше». «Для меня недопустимо амнистировать руководителей восстания, которые в эмиграции никогда не перестанут организовывать заговоры. Но я распространил амнистию на всех тех, кто выразил свою покорность. Мое желание – видеть процветание Царства Польского под скипетром российского императора», – ответил Александр (Charles-Roux Fr., 1913, p.223). Наполеон далее не настаивал на продолжении столь щекотливой темы, но этого было достаточно для того, чтобы вызвать негодование со стороны царя: «Со мной посмели заговорить о Польше!» – возмущенно бросил он своему окружению в полный голос, как только Наполеон удалился (Заблоцкий-Десятовский, 1882, с. 36).

Начавшаяся война за Италию вновь дала полякам надежды на скорое осуществление их планов. Однако мир в Вилла-Франке явился для них новым разочарованием (Милютин, 1999, с. 48). Французский же император, со своей стороны, не сделал ровным счетом ничего, чтобы их поддержать. Более того, желая поддерживать с Россией дружеские отношения, он 31 декабря 1860 г. очень внимательно выслушал русского посла. А посол требовал у него объяснений по «поводу того, что в Париже, под негласным покровительством принца Наполеона, образовалось целое скопище польских выходцев...» (Татищев, 1888, с. 10). Наполеон заставил принца Наполеона прийти с личными извинениями к российскому послу.

С началом беспорядков в Царстве Польском в 1861 и 1862 гг. Наполеон III всячески выражал свое неодобрение поведением поляков, подчеркивая свое нежелание им помогать и ссориться в связи с этим с Александром II. Впрочем, принца Наполеона не так-то просто было утихомирить. Вскоре он опять доставил неприятностей своему императору: в речи, произнесенной 7 (19) марта 1861 г. в Сенате, он заявил: «Будьте уверены, император что-нибудь сделает для Польши...» (Татищев, 1888, с. 29). Это вынудило французского министра иностранных дел 10 (22) апреля прибыть с утра пораньше к русскому послу, чтобы заверить его в том, что Наполеон III не поддерживает подобных устремлений принца (Заблоцкий-Десятовский, 1882, с. 57). В официальном *Moniteur* появилась заметка, главный смысл которой заключался в одобрении тех реформ, которые были предприняты в Царстве Польском: ««Изыявления участия к Польше оказали бы плохую услугу нации, если б ввели общественное мнение в заблуждение, подав повод к предположению, что император поощряет надежды, которых он не мог бы осуществить. Великодушный образ действий русского Монарха служит несомненным ручательством намерения его произвести улучшения, возможные при настоящем положении Польши. Правительство желает, чтобы исполнению этого намерения не помешали манифестации, которые поставили бы достоинство и политические интересы Российской Империи в противуречье с благим расположением ее Государя...» (Милютин, 1999, с. 86). Наполеон III искренне пытался загладить выходку своего cousin.

Видимо, Наполеон III вполне придерживался той линии поведения в отношении Польши, которую можно охарактеризовать словами ее великого дяди: ««Я всегда смотрел на Польшу как на средство, и никогда как на принципиальное дело» (Федосова, 1980, с. 179–180).

Список литературы и источников:

1. Заблоцкий-Десятовский А. П. Граф П. Д. Киселев и его время. Материалы для истории императоров Александра I, Николая I и Александра II. СПб., 1882. Т. 3.
2. Милютин Д.А. Воспоминания. 1860–1862. М., 1999.
3. Татищев С.С. Русская дипломатия в польском вопросе (1853–1863). М., 1888.

4. Федосова Е.И. Польский вопрос во внешней политике первой империи во Франции. М., 1980.
5. Affaires de Pologne. Documents diplomatique. Paris, 1863.
6. Charles-Roux Fr. Alexandre II, Gortchakoff et Napoléon III. Paris, 1913.
7. La France, la Pologne et le prince Napoléon Bonaparte. Bruxelles, 1868.
8. Mémoires du comte Horace de Viel Castel sur le règne de Napoléon III. T. III. Paris, 1883.

Современность «по-советски»: модернизация детства в 1945 – 53 гг.

Ромашова Мария Владимировна

Аспирант

Пермский государственный классический университет, Пермь, Россия

E-mail:romashovka@mail.ru

Модернизация российского детства, начавшаяся в конце 19 века в соответствии с международной моделью, не прервалась в Советской России, но во многом определялась внутренними поворотами в идеологии и политике (Келли, 2003, С. 221). Цель доклада – установить, в каких формах модернизировалось детство в годы позднего сталинизма, в чем сохранялась преемственность этого процесса в сравнении с 1930-ми гг., с какими вызовами сталкивалось советское общество на этом пути. Наиболее полно этот аспект советской истории детства представлен в материалах многотиражного женского журнала «Работница» 1945-53 гг. Помимо официоза и идеологических клише его статьи и репортажи отражают намерения и действия властей по модернизированию детства и содержат проблемы, возникавшие в этом процессе перед родителями, общественными силами, государственными институтами.

Поворот в усилении защиты материнства и детства в 1940-е гг. в СССР произошел в тот момент, когда проявилась девальвация понятия «детства» в обществе. Если во второй половине 1930-х гг. идея (и частично практика) «счастливого детства», защищенного государством и партией, достигла кульминационного развития, то раннее взросление детей в тяжелых военных условиях, отсутствие специализированной детской продукции, дававшая сбои система соцобеспечения грозили исчезновению понятия «детства» из жизни советского ребенка.

Поэтому с 1944 года наряду с пропагандой детства в СССР как самого прогрессивного и, по-прежнему, счастливого, в журнале освещаются проблемы элементарной гигиены ребенка и его родителей (1), реанимируются обыденные вещи, незаменимые для нормального психофизического развития ребенка (например, «Игрушка – средство воспитания») (2). Однако детские товары были редкими и дорогостоящими, качество которых даже в 1953 году оставляло желать лучшего. В одном из писем в редакцию читательница жаловалась на высокую цену и низкое качество игрушек в магазинах: «От автомобилей сразу же отлетают колеса, быстро портится бабочка-каталка, а деревянные кони выпускаются такие страшные, что дети их пугаются» (3). Подобные проблемы существовали и с другими товарами для детей (мебелью, колясками, умывальниками и т.д.), детской одеждой (4). Только в 1949 году Совет министров постановил расширить производство детских товаров и улучшить снабжение ими детских учреждений (5).

С детской литературой, на первый взгляд, дела обстояли намного лучше. Вопрос о ней – главном фронте борьбы за подрастающее поколение – обсуждался на 13 пленуме Союза советских писателей. Но её тираж в послевоенные годы был недостаточен, а в продажу, по письмам читательниц, практически не поступали занимательные, легкие, доступные и красиво оформленные книжки с загадками, ребусами, шарадами, азбуки с картинками. Подобные проблемы существовали и с учебной литературой, которой катастрофически не хватало в школах (6).

Поддержание ценности детства с его особым акцентом на воспитании детей «будущими строителями коммунизма», как и во второй половине 1930-х гг., доверялось семье. Поэтому на страницах «Работницы» с середины 1940-х гг. проводится масштабная кампания по розыску злостных неплательщиков алиментов и устрашению мужей и от-

цов, «распустившихся» за годы войны и разрушавших советские семьи. После сигналов от читательниц о беглеце – отце редакция обычно отчитывалась в предпринятых мерах: удалось ли его найти, было ли передано дело в прокуратуру, начал ли выплачивать злостный неплательщик алименты (7).

Несмотря на реальные проблемы в восстановлении статуса детства, значительно подорванный во время войны в обществе, послевоенное положение сверхдержавы обязывало СССР возглавить мировое движение в защиту детства. Частично это просматривается в новом календарном празднике – Международном дне защиты детей. Утвержденный в конце 1949 года по призыву Международной демократической федерации женщин, в которой советские представительницы занимали лидирующие позиции, он отмечался в первый раз 1 июня 1950 года. С этого времени большая часть майского номера «Работницы» ежегодно посвящалась международному дню защиты детей (8). Праздничные репортажи и статьи описывали жалкое существование маленьких обитателей капиталистических стран и счастливую жизнь советских детей (9). Однако реальные изменения не поспевали за идеологической пропагандой. Провозглашавшееся на страницах журнала советское детство, защищенное государством и пользующееся его благами (например, фотоколлаж «Что дала советская власть детям») (10), в действительности сталкивалось с серьезными трудностями (беспризорность и безнадзорность, с которой власти справлялись с трудом, нехватка детских яслей и садов и т.д.), которые не могли быть полностью преодолены в годы позднего сталинизма.

Источники и литература

1. Воспитание гигиенических навыков// Работница. 1945. № 11. С. 18-19; Как уберечь ребенка от кишечно-желудочных заболеваний// Работница. 1947. №6. С. 17; Воспитание у детей гигиенических и культурных навыков// Работница. 1951. № 1. С. 28-29. и др.
2. Игрушка – средство воспитания//Работница. 1950. № 6. С. 25. и др.
3. Новогодние пожелания// Работница.1953.№ 12 и др.
4. Я поздравляю маму// Работница.1950. № 2. С. 8-9; По письмам в редакцию// Работница. 1953. №10. С. 28. и др.
5. О детской одежде и обуви // Работница. 1949. №5. С. 10-11.и др.
6. Новогодние пожелания // Работница. 1953. №12. и др.
7. На бытовые темы//Работница. 1949. № 2. С. 18; По следам неопубликованных писем// Работница. 1949. №3. С. 17; Беглец// Работница. 1952. № 6. С. 29; По письмам в редакцию// Работница. 1953. №10. С. 28. и др.
8. Работница. 1950. №5; 1951 №5 и др.
9. Дети-страдальцы// Работница. 1950. №2. С. 10;
- 10.Что дала советская власть детям// Работница. 1947.№10. и др.
- 11.Келли К. (2003) «Маленькие граждане большой страны»: интернационализм, дети и советская пропаганда// НЛЮ. № 60. С. 221.

Издательская деятельность Русского зарубежья (20-30-ые гг. XX века)

Седлер Анна Анатольевна

аспирантка

Томский государственный университет исторический факультет, Томск, Россия

ansedler@rambler.ru

После революции за границей развернули свою общественно – политическую деятельность представители интеллигенции из России. Как добровольно покинувшие, так и изгнанные после революции. Среди тех, кого выгнали в 1922 г. было много известных деятелей науки.

Сначала эмигранты селились в соседних с Россией странах – в Прибалтике, Турции и т.д. В середине 20-ых гг. стали оседать в странах центральной Европы, когда уже многие понимали, что назад не вернуться.

За границей русские эмигранты издавали свои журналы и газеты. Издаваемые ими журналы становились центрами общественно – политической мысли за рубежом. Это

объясняется, прежде всего, тем, что они стремились сохранить русскую культуру. Эмигрантов спланировало стремление понять будущие пути развития России. Они опирались на принципы православия, так как стояла проблема развития нравственного человека. Русские интеллигенты мечтали о будущем России, которое исключало само понятие большевизма.

По количеству издательств в начале 20-ых гг. на первом месте была Германия, так как здесь первоначально селились русские эмигранты, а со второй половины 20-ых гг. резко увеличивается количество издательств во Франции.

Свою страну, ее прошлое, эмигранты видели как идеальное состояние, сейчас же в России, да и в мире в целом творился хаос, многие предвидели начало войны, которая и последовала в конце 30-ых гг.

Хоть и рассуждали эмигранты преимущественно на одни и те же проблемы, одного мнения в их среде не существовало. Постоянные дискуссии, идейная и политическая непримиримость группировок, в конце концов, разъединили и ту немногочисленную часть, проживающих за границей русских граждан.

О различных взглядах программных установок свидетельствуют и названия издаваемых журналов и газет, например, «На чужой стороне» (1923-1935 гг. Германия, Прага), «Новое слово» (1933-1944 гг. Германия), «Руль» (1920-1931 гг. Германия), «Рубеж» (1925-1946 гг. Китай), «За свободу!» (1920-1932 гг. Польша), «Возрождение» (1925-1948 гг. Франция), «ВРХД» (1925-1939 гг. Франция), «Евразийский временник» (1921-1931 гг. Франция, Германия), «Иллюстрированная Россия» (1924-1939 гг. Франция), «Новый град» (1931-1939 гг. Франция), «Перекресток» (1928-1937 гг. Франция), «Последние новости» (1920-1940 гг. Франция), «Путь» (1925-1940 гг. Франция), «Россия и славянство» (1928-1934 гг. Франция), «Русский инвалид» (1930-1940 гг. Франция), «Современные записки» (1920-1940 гг. Франция), «Воля России» (1920-1932 гг. Чехословакия), «Далиборка» (1924-1933 гг. Чехословакия), «Скит» или «Скит поэтов» (1922-1940 гг. Чехословакия), «Новое время» (1921-1930 гг. Югославия). В этот список не вошли периодические издания, которые выходили в Америке, некоторые из них продолжают свою жизнь и сегодня.

Большинство журналов и газет прекратили свою деятельность в конце 30-ых гг. К этому времени иссякла материальная база, существовать на частные пожертвования могли единицы, во многих странах установились тоталитарные режимы (Германия, Италия, Испания). Для многих перестала быть актуальной тема борьбы с большевиками, что объединила различные группировки эмигрантов в начале 20-ых гг. К тому же это время нового поколения – поколения молодежи, их волновали другие проблемы.

Русская эмиграция XX века – уникальное явление. Их мысли были направлены на будущее России, русские интеллигенты пытались выработать для нее такой государственный строй, который бы вел к процветанию их страны. К сожалению, их мысли и планы не могли быть реализованы в той реальности. Предложения русских эмигрантов не получили широкого распространения, но они продолжают оставаться актуальными и по сей день.

Литература:

1. Березовая Л.Г. Культура русской эмиграции (1920-1930-ые гг.) // http://www.nivestnik.ru/2001_3/11.shtml
2. Варшавский В. Незамеченное поколение. Н-Й, 1956. 388 с.
3. Гуль Р.Б. Я унес Россию: Апология эмиграции. В 3-х томах. М, 2001.
4. Ионцев В.А., Лебедев Н.М., Назаров М.В., Окорочков А.В. Эмиграция и репатриация в России. М, 2001. 490 с.
5. Литературная энциклопедия Русского Зарубежья. 1918 – 1940 гг. Т.2. Периодика и литературные центры. М, 2002. 639 с.
6. Раев М. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции. 1919-1939 гг. М, 1994. 296 с.
7. Струве Г.П. Русская литература в изгнании. Париж, 1984. 426 с.

«Двоеверие» в древнерусском обществе (домонгольский период)**Симокава Юми (Япония)***выпускница аспирантуры**Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова**E-mail: aurora118555@mail.ru*

XII век – противоречивая эпоха в русской истории : время княжеских раздоров, и одновременно расцвет городов, утрата политического единства – но и духовное возрождение.

На Руси в XII веке мы видим уникальный духовный мир, представляющий большой научный интерес. Своеобразие русской духовной жизни XII в. заключается в ярком проявлении «двоеверия» – христианско-языческого «синкретического» феномена.

Русь XII столетия принято называть эпохой «двоеверия». Например, в 60-е годы XII в. во Владимире были созданы памятники литературы, основные идеи которых трудно согласовать с установками ортодоксальной литературы средневековья. Более того, своеобразие фасадной пластики Владимирской Руси XII в. выражалась в глубокой связи с корнями народного творчества, через мировоззрение язычества. Сверх того, жемчужина древнерусской литературы «Слово о полку Игореве», созданное, вероятно, в XII веке в Киеве, – это один из ярких художественных примеров «двоеверия».

Как показывают гневные выступления древнерусских книжников, христианская церковь обвиняет не саму языческую веру, а исполнения языческих обрядов христианами. Значит, проявления двоеверия очень часто – простое соблюдение языческих обычаев христианами.

Более того, анализы текстов позволяет нам утверждать, что «двоеверие» возникло в системе мировоззрения не язычников, а христиан. Ко времени возникновения «двоеверия» у русских людей давно отмерла вера в главных языческих богов, и оставались лишь разрозненные пережитки : отдельные верования и отдельные обряды.

Сверх того, рассмотрение памятников русской литературы и искусства эпохи «двоеверия» показывают, что языческие и христианские мотивы, сказывающиеся в них, являются лишь художественным обобщением без всякой веры в их реальность.

Из вышеизложенного следует, что языческие элементы, отмеченные в «двоеверии» – это уже «переключенные» компоненты из системы верований в сферу традиции или эстетики.

Вероятно, в «разложении» язычества как системы верований решительную роль играли городские общины. В XII в. городские общины опираются на христианство, а не на язычество. Если в XI в. местные епископы, вместе с центральной светской властью, противостояли местным общинам, то в XII в. они как внутриобщинная власть поддерживали устремление местной общины. И в вечевой общине, вместе с князем и тысяцким, сидят христианские иерархи.

Русь XII столетия представляет собой объединение полутора десятков суверенных земель-волостей (городов-государств). Столицы главных земель-волостей были в свое время центрами «союзов племен». Города-государства, достигшие полного расцвета в XII в, возникли из прежних племенных союзов, отчасти разрушая их.

Древнерусское общество характеризуется федеративной структурой, неизменно сохранившейся с древних времен. При этом, федеративная структура отмечена как в социально-политической системе, так и в религиозной жизни. Поскольку, в обществе «общинного» типа вообще отмечены принципы единства сакрального и мирского в управлении общества. Значит, русское общество XII в. оставалось носителем как системы «общинного» управления, так и религии «общинного» типа.

В связи с этим, на Руси христианские верования приспособляли себя к системе общинного уклада, а древнерусская церковь унаследовала институт предшествовавшего язычества и практически заменяла ряд его функций.

Во-первых, древнерусские люди содержали церковь, подобно тому как они “кормили” языческие храмы. Во-вторых, местные приходские церкви, подобно языческим капищам, были построены общинами и прямо принадлежали к ним. В-третьих, в при-

ходские священники пришли на смену прежним языческим жрецам и практически заменили их функцию. В-четвертых, юрисдикция на семейно-брачные дела, прежде находившаяся в ведении языческих жрецов, перешла на христианских священников. Это, видимо, содействует соединению христианства с языческим пережитками.

Более того, в обществе Древней Руси, вместе с общинным укладом, долго сохранились общинные аграрные обряды и обычаи. И эти языческие пережитки по своей сущности имели возможность соединиться с христианскими, и стать факторами для «двоеверия». Именно в этом можно найти причину того, что церковь преследует именно исполнение обрядов и обычаев.

Таким образом, на Руси XII столетия актуально проявляет себя феномен «двоеверия». Феномен «двоеверия», будучи общечеловеческим явлением, проявлял себя либо ярко, либо не очень, всегда в зависимости от конкретных условий общества. Отсюда необходимо рассматривать «двоеверие» в контексте как идейно-религиозном, так и социально-политическом.

Отсюда, мы считаем, что «двоеверие» в домогольской Руси было вызвано «общинной» структурой общества.

Труд детей в фабрично-заводской промышленности России и его законодательное регулирование в 80-е гг. XIX века

Смоленская Оксана Алексеевна

аспирант

Белгородский государственный университет, Белгород, Россия

E-mail: socsiner@yandex.ru

На исходе первого двадцатилетия развития пореформенной России ведущей формой промышленности становится фабрично-заводское производство, основанное на машинной технике.

Внедрение машинного производства вело к резкому удлинению рабочего дня для всех категорий рабочих, средняя продолжительность которого по всей России составляла от 12 до 15 часов в сутки.

Уже в первую пореформенную эпоху в капиталистическом производстве стал интенсивно применяться дешевый труд малолетних, в связи с внедрением в производство машин, дающих возможность заменить мужскую силу, гибкостью детского организма. Количество несовершеннолетних в промышленности, по сведениям профессора Янсона, в 1874 г. равнялся 10-15 % общего числа рабочих, а дети от 10 до 12 лет составляли от 25 до 40 % несовершеннолетних. (5,38).

Материалы ряда массовых исследований рабочих фабрично-заводской промышленности показали, что преобладающая масса рабочих начинала впервые работать на фабриках в чрезвычайно раннем возрасте. Так, по данным обследования фабрично-заводской промышленности Московской губернии, произведенного в начале 80-х годов XIX в., видно, что почти две трети всех рабочих поступило на фабрику в возрасте до 14 лет, из них в возрасте моложе 10 и 10-11 лет – 33 % общего числа рабочих. (3, 299).

Между тем, детский труд ни в какой мере не был ограничен и применялся наряду со взрослым за пониженную плату. Зарплата подростков составляла 50 %, а малолетних – менее 30 % заработка взрослых.

В начале 1881 г. в Министерстве финансов был выработан проект правил о регламентации детского труда. (5, 38).

Наконец, спустя 23 года с момента первых разработок о регулировании фабричного труда (в 1859 г. в комиссии под председательством А. Штакельберга было высказано мнение о необходимости ограничить труд малолетних), 1 июня 1882 г. был издан первый фабричный закон «О малолетних работающих на заводах, фабриках и мануфактурах» (2), регламентирующий труд малолетних и учреждение фабричной инспекции. Согласно закону: 1) дети, не достигшие 12-летнего возраста, к работам в промышленных заведениях не допускались; 2) малолетними считались дети от 12 до 15 лет, их работа была ограничена 8 часами в сутки (не включая время, необходимое на завтрак, обед, от-

дых и посещение школы), при чем не должна продолжаться более 4-х часов подряд; 3) ночная работа малолетних, между 9 часами вечера и 5 часами утра, а так же в воскресные и праздничные дни – была запрещена; 4) в производствах, «которые по своим свойствам вредны» и изнурительны, труд несовершеннолетних до 15 лет не допускается; 5) на владельцев заведений возлагались обязанность предоставлять возможность малолетним, не имеющим не имеющим свидетельства об окончании курса народного училища, посещать школу. Кроме того, для контроля за соблюдением условий труда и школьного обучения малолетних, была учреждена фабрично инспекция.

В случае точного выполнения ст. 1 закона, запрещающей труд детей до 12 лет, Россия по охране детского труда заняла бы одно из первых мест в Европе, где малолетние не допускались к работе до достижения следующего возраста: 14 лет – в Швейцарии и Австрии, 13 лет – во Франции, 11 – лет в Англии, 10 лет в Испании и Дании, 9 лет – в Италии.

Норма о запрете работы малолетних в возрасте до 12 лет носила по своей сути декларативный характер, так как этим же законом, министру финансов было предоставлено право по согласованию с министром внутренних дел, допускать к работам на заводах, фабриках и мануфактурах малолетних в возрасте не менее 10 лет. Хотя данное полномочие носило временный характер и было предоставлено на двух летний срок со дня введения в действие закона, подобное отступление позволяло министру финансов фактически отменять норму закона о минимальном возрасте детей, которых можно было привлекать к работе.

Такой же по характеру была норма об особенностях работы малолетних от 12 до 15 лет. Так министру финансов было предоставлено право по согласованию с министром внутренних дел разрешать ночную работу малолетних не более четырех часов в сутки в тех промышленных заведениях, в которых по роду производства окажется необходимым, и не будет причинять вреда здоровью малолетних. Закон должен был получить силу с 1 мая 1883 г.

Однако даже столь существенные уступки не удовлетворили московских фабрикантов. Весной 1883 г. они ходатайствовали перед министерством финансов об отсрочке введения закона в действие на один год. Московское отделение Совета торговли и мануфактур поддержало предложение фабрикантов и указало на необходимость «крайней осторожности и строгой постепенности» в применении закона на практике, поскольку до сих пор четко не определены случаи допущения труда детей с 10-летнего возраста и разрешение ночных работ для малолетних.(4, 2-4 об.).

Финансовое ведомство признало обоснованность опасений предпринимателей, и отсрочило вступление закона в силу до 1 мая 1884 г. (4, 12-14).

По сведениям полученным первым фабричным инспектором Московской губернии Янжулом И.И. было обнаружено, насколько широко применялся в то время на фабриках труд детей — 9,5% от общего числа рабочих. Малолетние работали то же время что и взрослые, а иногда даже дольше, оставаясь после ухода взрослых для уборки мастерских. Продолжительность их рабочего времени в среднем оказалась 12,5 часов, а высший предел простирался до 16-18 часов в сутки (6, 72). Даже это краткие сведения в достаточной мере указывают на то, что при столь изнурительном труде прямой ущерб здоровью детей очевиден, и насколько своевременно было вмешательство закона для их ограждения и учреждение инспекции для надзора за его применением.

Несмотря на все «урезания», акт 1 июня 1882 г. дал положительные результаты. Удельный вес детского труда в производстве все же снизился. Численность малолетних среди рабочих за 1882-1885 гг. в Московском фабричном округе сократилась с 9,5 до 3,2 %, во Владимирском с 10,8 до 3% (1, 152). И в целом по России до принятия закона малолетние среди фабрично-заводских рабочих составляли в среднем 5%, тогда как в середине 90-х годов их процент упал до двух, а в европейской России даже до 1,8%. Так же необходимо учитывать, что ограничение детского побуждало фабрикантов вводить новую технику и технологии, повышающие производительность труда.

Литература

1. Быков А.Н.(1909) Фабричное законодательство и развитие его в России. Изд. 2-е исп. и доп. Спб.: Тип. В.П. Безобразов.

2. ПСЗ III Т. 2. № 931.
3. Рашин А.Г.(1958) Формирование рабочего класса в России (историко-экономические очерки). М.: Изд-во социально-экономической литературы.
4. РГИА. Ф. 1149. Оп. 10. 1883 г. Д.29.
5. Шелымагин И.И. (1947) Фабрично-трудовое законодательство в России, 2-я половина XIX века. М.: Госюриздат.
6. Янжул И.И. (1884) Фабричный быт Московской губернии: отчет за 1882-1883 гг. фабричного инспектора над занятиями малолетних рабочих Московского округа И.И. Янжула. Спб.: Тип. В. Киршбаума.

Генерал-губернаторство или «Великое княжество»: правление Великого князя Сергея Александровича в Москве как политико-административный феномен Российской Империи рубежа XIX-XX вв.

Софьян Дмитрий Михайлович

студент

Пермский государственный университет, Пермь, Россия

E-mail: soffindm@perm.ru

В 1891-1905 гг. пост московского генерал-губернатора занимал Великий князь Сергей Александрович – брат Александра III и дядя Николая II. Объем его власти в Москве и окружающих её губерниях простирался далеко за пределы традиционной генерал-губернаторской власти в Российской Империи (особенно после назначения Великого князя в 1896 г. ещё и командующим войсками Московского военного округа), что дало повод именовать его «московским вице-королём» (Schneiderman, 1976, p. 62).

В Москве подчёркивался не генерал-губернаторский статус Сергея Александровича, а великокняжеский. Впервые за почти два века в первопрестольной появился собственный двор, отличный от императорского. Всячески поощрялось, как отмечал гр. С.Д. Шереметев, служение не императорскому (российскому) флагу, а личному штандарту Сергея Александровича (Мемуары гр. Шереметева, 2004, с. 335).

Такое умонастроение имело достаточно твёрдую почву. Его элементы можно увидеть и при предшественнике Сергея Александровича на посту генерал-губернатора кн. В.А. Долгорукове. Как подметил в романе «Юнкера» А.И. Куприн, «порою казалось, что она [Москва] считает себя совсем отдельным великим княжеством с князем-хозяином Владимиром Долгоруким во главе» (Куприн, 1981, с. 68).

Разумеется, подобное «особенное» положение, вкупе с реально высокой властью Сергея Александровича, проявилось не только в умонастроении москвичей, но и в правовой сфере, в результате чего московское генерал-губернаторство оказалось обособленной от остальной России территорией в конкретном политико-правовом плане. Это касается, прежде всего, политики в отношении лиц иудейского вероисповедания и зубатовского эксперимента.

К началу 1890-х гг. значительная часть московского общества выражала недовольство увеличением количества евреев в Москве (Мемуары гр. Шереметева, 2004, с. 336), как против «покровителя евреев» началась кампания за смещение кн. Долгорукова с поста генерал-губернатора (Вермель, 2003, с. 65). Соответственно, его преемник должен был изменить политику в данном вопросе. По Высочайшим повелениям от 28 марта 1891 г. и 15 ноября 1892 г., постепенному выселению из Москвы подвергались лица иудейского вероисповедания, зарегистрированные как ремесленники (фактически все евреи, за исключением тех, кто пользовался безусловным правом – купцов и лиц с высшим образованием), и все нижние чины николаевских рекрутских наборов, кроме приписанных к мещанским обществам Москвы (Вермель, 2003, с. 72, 95). В течение 1891-1892 гг. было выселено примерно 25-30 тыс. чел. – около 3/4 всего еврейского населения Москвы (Вермель, 2003, с. 79). 13 ноября 1897 г. вышло новое ограничение – воспрещено жителство в Москве и Московской губернии евреям, изучающим медицину (Вермель, 2003, с. 95). Далее, по инициативе Сергея Александровича 4 июля 1899 г. появилось Высочайшее повеление, согласно которому впредь до уменьшения числа евреев – москов-

ских купцов 1-й гильдии до 33% общего числа местного купечества не разрешалось причисление их к этому сословию (Айзенберг, 2003, с. 352).

Но «великокняжеская» Москва отметилась не только репрессивной политикой – ущемлением прав лиц отдельных вероисповеданий – но и активным реформаторским поиском. При Сергее Александровиче Москва стала центром проведения уникального эксперимента. Начальник Московского охранного отделения С.В. Зубатов, поставивший себе целью развернуть рабочее движение в легальное русло, выдвинул идею, согласно которой полиция должна выступать посредником между рабочими и их работодателями. Эта смелая идея, у которой было много влиятельных противников, лишь благодаря поддержке Великого князя получила возможность реализоваться (Schneiderman, 1976, p. 62-63, 67, 85, 88, 98, 135, 235; Judge, 1983, p. 131-134; Уортман, 2004, с. 501; Боханов, 1997, с. 360). С 1898 г. под руководством полиции создавались профессиональные союзы рабочих, легально отстаивавшие свои права перед работодателями. Политика Зубатова и его августейшего покровителя приносила обильные плоды: существенное улучшение социального положения и жизненного уровня московских рабочих и реальное отстаивание их интересов усиливало популярность зубатовских организаций и, тем самым, выбивало почву из-под ног у революционеров – социал-демократов. Апогеем «зубатовщины» стало сорокатысячное торжественное шествие рабочих к памятнику Александру II в Кремле в годовщину отмены крепостного права, 19 февраля 1902 г., в присутствии самого Великого князя. Порядок поддерживался не полицией, а патрулями, созданными самими рабочими (Уортман, 2004, с. 501-502). На фоне беспокойного Санкт-Петербурга, Москва эпохи Сергея Александровича, казалась идиллическим местом.

Постепенно, однако, над деятельностью Зубатова сгустились тучи. Многие консерваторы видели в его идее опасное заигрывание с, как считалось, потенциально революционными элементами – рабочими. Работодатели были возмущены ущемлением своих прав, а социал-демократы с ужасом наблюдали, как их влияние в рабочей среде катастрофически падает. Дошло до того, что некоторые крупные московские фабриканты во главе с С.И. Морозовым начали в пику «зубатовщине» и лично Великому князю, которого они не любили (Богданович, 1990, с. 161), спонсировать революционные организации и, в том числе, большевиков. И хотя успех московского опыта позволил Зубатову создать аналогичные объединения рабочих в Одессе, Киеве, Минске, Николаеве и Харькове, его политика и по внешним, и по внутренним причинам стала испытывать неудачи. Всё закончилось в 1903 г., когда Зубатов был уличён в нелояльном отношении к своему начальнику – министру внутренних дел В.К. Плеве – и со скандалом отправлен в отставку (Judge, 1983, p. 147-148), а его курс был постепенно свёрнут. Сергей Александрович, влияние которого на Николая II к тому времени начинало падать, не смог отстоять своего protégé.

1 января 1905 г. Великий князь ушёл в отставку с поста московского генерал-губернатора. Его преемники уже никогда не обладали на этом посту и тенью той власти и самостоятельности, которой пользовался брат и дядя императоров. «Великое княжество Московское» прекратило своё существование, вновь став рядовым генерал-губернаторством.

Источники и литература

1. Богданович А.В. Три последних самодержца: Дневник. М., 1990. 608 с.
2. Куприн А.И. Юнкера // Куприн А.И. Соч.: В 2 т. Т. 2. М., 1981. С. 50-204.
3. Мемуары графа С.Д. Шереметева. Т. 1. М., 2004. 736 с.
4. Айзенберг Л. Великий князь Сергей Александрович, Витте и евреи – московские купцы (Из истории изгнания евреев из Москвы) // Евреи в Москве: Сб. ст. Иерусалим–М., 2003. С. 335-354.
5. Боханов А.Н. Великий князь Сергей Александрович // Российские консерваторы. М., 1997. С. 323-371.
6. Вермель С. Евреи в Москве // Евреи в Москве... С. 17-134.
7. Уортман Р.С. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии: В 2 т. Т. 2. М., 2004. 800 с.
8. Judge E.H. Plehve: Repression and Reform in Imperial Russia, 1902-1904. Syracuse, N.Y., 1983. 300 p.

9. Schneiderman J. Sergei Zubatov and Revolutionary Marxism: The Struggle for the Working Class in Tsarist Russia. Ithaca, N.Y., 1976. 404 p.

Историческая память о XX веке в зеркале Устной истории. (На примере интервью участников Великой Отечественной войны)

Ляшенко Елена Викторовна

студентка

Ставропольский Государственный университет, Ставрополь, Россия.

E-mail: strecalova-lena@yandex.ru

Изучение проблемы передачи исторической памяти в обществе – это самостоятельное направление в мировой историографии. Преимущественно за счет разработок французских и немецких ученых в конце XX века в зарубежной историографии сложились школы исследования исторической памяти. Несмотря на концептуальные различия, они имеют важную общую характеристику. Главным предметом изучения становятся не события прошлого, а память о нем (1).

Запечатлевшиеся в памяти людей образы, их закрепление или, наоборот, вытеснение, подавление, табуирование прошлого все более привлекает внимание ученых. «Мы живем в эпоху всемирного торжества памяти» - восклицает Пьер Нора. В одной из своих статей он говорит, что последние двадцать или двадцать пять лет все страны, все социальные, этнические и семейные группы пережили глубокое изменение традиционного отношения к прошлому. Мир затопила нахлынувшая волна воспоминания, прочно соединив верность прошлому - действительному или воображаемому - с чувством принадлежности, с коллективным сознанием и индивидуальным самосознанием, с памятью и идентичностью (2).

Память бесконечна, но она обусловлена заинтересованностью человека и общества. Изменение духовной ситуации в нашей стране, распад единой государственной идеологии, существовавшая в советское время монополия государства на «историческую правду», мифологизация многих страниц прошлого обострили интерес к памяти о прошлом в обществе.

Исследованию исторической памяти способствует методология Устной истории. Устные свидетельства являются репрезентацией образов прошлого, выступающих в контексте важных элементов социального, политического, этнического, конфессионального сознания и самоидентификации человека.

Устная история, как историографическая и методологическая практика, проделала долгий путь с момента своего первого провозглашения в конце 1948 года в Колумбийском университете (США), где был создан Исследовательский Центр по изучению устной истории во главе с Аланом Нэвинсом и до настоящего времени. Появившись как узкое направление в рамках библиотечного и архивного дела, Устная история постепенно завоевала признание профессиональных историков. Научное сообщество достаточно консервативно. В силу своей профессиональной подготовленности, восклицает Пол Томпсон, историки заняты «поиском свидетельств о прошлом таким, каким оно было, а не о том, которое присутствует в настоящем» (3).

Устная история, как научное направление, делает возможным междисциплинарное взаимодействие, обмен методами и подходами, сформулированными в тех или иных научных областях. Устные свидетельства изначально субъективны (4). В этом состоит их особенность и *главное достоинство*, открывающие возможности приблизиться к осмыслению людьми своей истории, повседневной жизни, выявлять особенности менталитета, дает возможность прикоснуться к духовной культуре общества. Другие виды источников, зачастую создаваемые разного рода чиновниками, делопроизводителями пишутся с позиции государства, и человек в них остается объектом приложения его властных полномочий.

При анализе интервью с участниками войны можно наблюдать оценку прошлого в зависимости от настоящего. Даже тяжелые моменты истории оцениваются человеком с позиции его последующей жизни. Морис Хальбвакс замечал, что чем дальше по времени

уходит в прошлое само событие, тем больше в памяти человека возникает скорее эмоциональная связь с прошлым, нежели критический взгляд на него (5).

Исследование показывает, что самыми тяжелыми воспоминаниями старшего поколения жителей Ставропольского края являются период коллективизации и голодные 1932-33гг. Для многих интервьюируемых это был период очень тяжелого детства, сиротства. Воспоминания наполнены болью потерь, памятью о выживании в детских домах. Удивительно, что период оккупации и войны в сравнении с воспоминаниями о детстве представляется менее тяжелым.

Предположим, что этому способствовали возраст, некоторый достигнутый уровень зрелости перед войной, высокая оценка (боевые награды), самооценка собственного военного опыта в последующем, фактор победы сам по себе. Фактор победы сыграл свою роль и на оценке послевоенных лет. Не смотря на удручающую разруху и вновь разразившийся голод, вторая половина 40-х гг. в памяти людей также более оптимистически окрашена, нежели 30-е гг.

Устные свидетельства дают значительные возможности для изучения повседневности в годы войны. Чаще всего для многих война осталась в памяти как тяжелая работа, но кроме работы вспоминают развлечения: песни, танцы, гармошка, самогон. Для многих тяжелое время озарено любовью (две пары живут до сих пор вместе), настоящей дружбой. Человек на фронте предстает перед нами не только думающим о бое, о смерти, о победе, но и о бане.

Интервью свидетельствуют, как официальная историческая версия или свидетельства других людей вплетаются в индивидуальную память. Происходит так называемое «забвение источника» (6). Благодаря исследованиям памяти известно, что человек может встраивать в историю своей жизни сведения, эпизоды и даже целые событийные ряды, происходящие не из его собственного опыта, а из совершенно иных источников: из учебников, из рассказов других людей, из романов, из документальных и художественных фильмов и т.д. Один опрошенный сказал, что до «победы под Москвой 5 декабря 1941г.» он сомневался в победе, говорил и показывал на карте «восемь сталинских ударов». Отметим, что воспоминания участников войны задействованных в общественной работе, имеющих длительный опыт выступления перед школьниками, студентами более насыщены штампами. Личный опыт представляется им менее интересным.

Устные свидетельства дают возможность наблюдать «проработку прошлого». Согласимся с Теодором В. Адорно понимающим под этим понятием желание подвести черту под прошлым и по возможности стереть его из памяти (7). Забвение необходимо для стремящихся к примирению, стремящихся все забыть иногда все простить за давностью лет. Часть опрошенных этими аргументами мотивировали свое нежелание рассказывать о голоде 1932-33гг.

Коммуникативные возможности устной истории открывают существенный потенциал интеграции науки и образования. Студенты могут приблизиться к захватывающему, творческому процессу. Мы убедились в этом на своем опыте, в ходе работы проблемной группы и клуба по Устной истории, созданной на историческом факультете Ставропольского госуниверситета совместно с Всероссийским обществом охраны памятников. Чувства первооткрывателей позволяют им не просто познать прошлое, но и приобщиться к нему, прочувствовать его. Представляется, что устная история обладает мощным потенциалом гражданственности.

Литература:

1. Репина Л.П. Образы прошлого в памяти и в истории. // Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала нового времени.- М., 2003, С. 9
2. Пьер Нора. Всемирное торжество памяти. // www.nz-online.ru/index.phtml
3. Лоскутова М.В. Введение.// Хрестоматия по устной истории.- СПб., 2003. С. 6; Томпсон П. Семейный миф, модели поведения и судьба человека. // Хрестоматия по устной истории.- СПб., 2003. С. 113.
4. Портелли А. Особенности устной истории.// Хрестоматия по устной истории.- СПб., 2003. С. 39.
5. Хальбвакс Морис. Коллективная и историческая память//www.nz-online.ru/index.phtml

6. Вельцер Харальд // История, память и современность прошлого. Память как арена политической борьбы.
7. Адорно Теодор В. // Неприкосновенный запас // www.nz-online.ru/index.phtml

О некоторых аспектах адаптации российских эмигрантов в Китае (по материалам шанхайских русскоязычных газет 1920 – 1930-е гг. XX века)

Тен Наталья Викторовна

студентка

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

E-mail: totosha-krock@mail.ru

Истории восточной ветви российской эмиграции в XX веке, в том числе русской диаспоры в Китае, посвящен целый ряд работ. Проблема адаптации российских эмигрантов в Китае в основном рассматривается через описание деятельности различных эмигрантских организаций, культурной и профессиональной деятельности членов русской диаспоры главных центров эмиграции – Харбина и Шанхая. При этом внимание уделяется в большей степени русскому влиянию на жизнь страны-реципиента. В то же время проблема этнокультурной адаптации и восприятия эмигрантами китайцев и китайской культуры в рамках системы «мы - другие», т.е. «мы - китайцы», остается практически не исследованной. Определение своего места в этой системе во многом зависело от осознания ими цели и смысла своего пребывания в Китае. Последнее не могло не влиять на представления русских эмигрантов о китайцах и китайской культуре. Отражение этих взглядов мы можем найти в шанхайских русскоязычных газетах 1920-х - 1930-х гг. Русская община в Шанхае в тот период, по различным оценкам, составляла от 50 до 90 тысяч человек (Ван Чжичэн / Шанхай эцяо ши, 1993, Печерица В.Ф. / Духовная культура русской эмиграции в Китае, 1999). Целью данного сообщения является выявление некоторых аспектов этнокультурной адаптации русских эмигрантов в период “нанкинского десятилетия”.

Следует отметить, что русская эмигрантская печать как источник по истории адаптации эмигрантов в Китае в отечественной историографии уже рассматривалась (Мелихов Г.В. / Источники по исторической адаптации российских эмигрантов в XIX-XX вв., 1997, с.96-105). Однако данная работа была основана на материале харбинских газет и вопрос восприятия эмигрантами китайцев и китайской культуры практически не был исследован.

Источниками для данной работы послужили две крупнейшие ежедневные русскоязычные газеты «Шанхайская заря» и «Слово». Среди иностранных газет Шанхая по тиражу они занимали соответственно третье и пятое места: «Шанхайская заря» выходила тиражом 6000 экз., «Слово» - 5000. На страницах «Шанхайской зари» и «Слова» сохранилась самая разнообразная информация: вести о положении дел в Советской России, письма соотечественников из других стран, новости международной жизни, информация о событиях в Китае, культурной и общественной жизни шанхайской диаспоры. Здесь публиковали большое количество объявлений о различных услугах, а также специальные материалы, интересные для женщин (женская страница) и для мужчин (автомобильная страница).

Информация о китайцах и китайской культуре появлялась в среднем два-три раза в месяц и носила познавательный характер. Чаще всего это были статьи о различных сторонах китайской жизни как ее понимал автор (о китайском языке («Во» и др.), о китайских праздниках («Праздник фонарей»), китайских женщинах («Ню-нинг») и детях («Китайские дети»), об отношении к деньгам («Дунг-ди») и азартности («Ма-цяо» - о маэчане), о китайских гадалщиках («Китайские гадалщики»), цирюльниках («Шанхайский цирюльник»), и т.д.). Публиковались небольшие очерки о китайской литературе, музыке, театре и т.д. («Уклоны китайской литературы» - о течениях в современной китайской литературе, «Китайская живопись и фарфор», «Лекция о китайской религии»). Печатались также фельетоны («О китайском лице», «Рикши», «Выносливость» - с юмористическим оттенком).

Анализ содержания этих публикаций показывает, что представления русских эмигрантов о китайцах и китайской культуре неоднозначны и даже противоречивы по своему характеру. С одной стороны, в них содержится признание достижений китайской цивилизации в области искусства (живопись, музыка – «Музыкальная эволюция Китая», «Китайская живопись и фарфор»), медицины («Старое и новое в медицине. Китайская медицина»). Однако одновременно проводится сравнение с европейской культурой и наукой, в котором нередко подчеркивается отсутствие научной основы этих достижений. Например: «китайская медицина не имеет, конечно, научной базы, не знает ни химии, ни бактериологии, но зато она может использовать огромный опыт, насчитывающий около 5000 лет, и китайские врачи чисто опытным путем пришли к результатам, которые только теперь начинают приобретать значение в Европе».

С другой стороны, и в «Шанхайской заре», и в «Слове» гораздо чаще встречаются материалы о китайцах – простолюдинах, которыми были полны шанхайские улицы и с которыми непосредственно сталкивались читатели обеих газет. В основном, статьи на эту тему носят нейтральный характер. Авторы подчеркивают такие черты китайцев, как трудолюбие, выносливость, высокую способность приспосабливаться, азартность, утилитарный подход, прагматичность, приверженность традициям, склонность к суевериям. Такими они изображены в статьях Дун-Си (неизвестно, кто пользовался этим псевдонимом, который состоит из иероглифов «запад» и «восток» и обозначает «вещь, нечто, что»), которые составляют значительную долю от всего опубликованного в этих газетах материала о китайском народе, его национальном характере и культуре. В его живых и интересных рассказах о Китае заметно желание приобщить к процессу познания этой страны и китайского народа своих соотечественников – русских шанхайцев. Он чаще других употребляет в названиях статей слова шанхайского диалекта китайского языка в русской транскрипции.

Однако на этом фоне можно встретить и отчетливо неприязненное отношение к простым китайцам. Так, в «Шанхайских миниатюрах» М.Щербаков (один из выдающихся литераторов эмиграции) пишет: «Да, они – муравьи... Их ум – или инстинкт – направлен только в одну сторону... Люди одной мысли, в особенности чернь».

Такое неоднозначное отношение имеет несколько объяснений. Во-первых, как и другим европейцам, русским эмигрантам был свойственен европоцентризм. Во-вторых, публицистика зачастую подвержена конъюнктурным соображениям автора. Большую роль играл языковой барьер: русские в Шанхае если и говорили по-китайски, то на «путунхуа», а не на местном диалекте. Поэтому общение с китайцами было весьма затруднено. Сложное экономическое положение русской диаспоры также не оставляло времени для изучения местной культуры и народа. Образ жизни и социальный статус русских как европейцев в Китае, проживание, а нередко и работа в селтльментах (русские эмигранты проживали на территории французской концессии в Шанхае), приводила к большому обособлению иностранцев.

Тем не менее, публикации шанхайских русскоязычных газет, призывавшие обращать больше внимания на культуру и язык страны проживания, свидетельствуют о доброжелательном отношении русских эмигрантов к китайскому народу. Очевидно, свою роль сыграла присущая русским толерантность и привычка жить в многонациональной стране. Вероятно также, это связано и с осознанием ими необходимости для себя и своих детей адаптироваться к жизни в Китае.

Литература:

1. Мелихов Г.В. (1997) Русская эмигрантская печать как источник по истории адаптации эмигрантов в Китае // Источники по истории адаптации российских эмигрантов в XIX-XX вв. М.
2. Ван Чжичэн. (1993) Шанхай эцяо ши. Шанхай
3. Печерица В.Ф. (1999) Духовная культура русской эмиграции в Китае. Владивосток

Экономическая преступность в Советской России в период НЭПа

Тошева Милена Стефановна

аспирантка

Курского государственного технического университета

Масштабные социальные потрясения 1917-1920 гг. – февральская, октябрьская революции, гражданская война и иностранная интервенция - серьезно изменили криминальную обстановку в России.

Борьба с уголовной преступностью в первые годы существования нового большевистского режима во многом была предопределена острым противостоянием на фронтах гражданской войны. Именно в этот период стали практиковаться крайне жесткие меры подавления уголовных элементов: массовые аресты и расстрелы, внесудебное вынесение приговоров, концлагеря, широкое распространение института заложничества и пр. Жесткая политика противодействия преступности со стороны новой власти довольно быстро дала свои результаты. На подконтрольных власти Советов территориях в борьбе с уголовной преступностью был наведен относительный порядок.

Однако с переходом к новой экономической политике ситуация с уголовной преступностью стала вновь меняться не в лучшую сторону. Новый политический курс также провозгласил отказ от методов периода «военного коммунизма» в том числе и в борьбе с преступностью.

Сам же советский город периода существования нэпа наиболее отчетливо проявлял социальную и имущественную дифференциацию населения. Для мировосприятия определенной части населения это было совершенно ненормальным. Причем городские контрасты значительно усиливались в глазах тех, кто еще совсем недавно пережил ужасы гражданской войны, голода и разрухи. Таким образом, городская среда 1920-х гг. несла в себе серьезную базу криминализации широких слоев населения.

На фоне снижения количества преступлений, связанных с вооруженными попытками свержения советской власти, бандитизмом, организацией массовых беспорядков, в то же время отмечалось возрастание преступлений, именованных в советской литературе того времени «экономической контрреволюцией», - вредительств на промышленных предприятиях, диверсий, преступлений в торговле. Использование служебного положения приняло невероятные размеры и особенно отталкивающие формы в начале нэпа. Беззащитность государственного имущества и слабость властных структур на фоне легализации товарно-денежного обращения и голода создавали наиболее благоприятную атмосферу для криминальной активности в среде служащих.

Известный партийный публицист 1920-х гг. Ю. Ларин довольно обстоятельно исследовал основные формы и проявления преступного поведения в экономической сфере. Так, по его мнению, в первые годы проведения нового экономического курса насчитывалось более 10 основных видов хищнического и нелегального возникновения и накопления частного капитала: агенты и соучастники частного капитала в госаппарате; лжегосударственная форма деятельности частного капитала; злостная контрагентура; неликвидные фонды; хищническая аренда; нелегальная перекупка: контрабанда; государственный денежный кредит; государственные займы; валютные операции; уклонение от налогов; лжекооперативы.

По наблюдениям правоохранительных органов, с начала легализации частнопредпринимательской деятельности в стране происходило формирование слоя предпринимателей, тесно связанных с уголовным миром. Таковых особенно много было в крупных городах. Они также концентрировались вдоль восточных и западных границ СССР, где процветала, как правило, контрабандная торговля, на золотых приисках Сибири и Дальнего Востока, на которых в тот период обозначилась тенденция нелегального оборота похищенных драгметаллов.

В отдельные годы привозная номенклатура контрабандных товаров имела более 100 названий (предметы роскоши, галантереи, одежда, обувь, иные носильные вещи, вина, спирт, наркотики, табак и др.).

Вывозная контрабанда состояла из драгоценных металлов, пушнины, скота, предметов старины и др. Одной из причин вывоза была разница внутренних и заграничных цен на главные контрабандные товары.

Обороты контрабандистов каждого из этих городов достигали нескольких сот миллионов рублей в год. С китайской стороны в СССР поступал, в основном, спирт, который выменивался в тайге на золото.

В Приморье контрабандная торговля приняла угрожающие размеры. Чтобы как-то бороться с этим злом власти устроили дополнительные таможенные посты между некоторыми уездами ДВК.

За хозяйственный год с 1 октября 1922 г. по 1 октября 1923 г. суммарный итог всех случаев задержания контрабанды в пределах РСФСР превысил 40 тыс. При этом 90 % всех задержаний, исключая Дальний Восток, распределялось всего между тремя округами: Петроградским (более 14,5 тыс.), Западным (8,8 тыс.) и Украинским (6,5 тыс.). Две трети стоимости всего задержанного контрабандного товара приходилось именно на данные округа.

Это обстоятельство свидетельствовало о более интенсивной борьбе с контрабандой в названных районах и о том, что здесь пролегали самые оживленные пути контрабанды. Только с апреля по сентябрь 1922 г. из Черноморских портов было вывезено контрабандным путем золота, серебра и драгоценных металлов на сумму более 400 тыс. золотых рублей, изъято предметов контрабанды на 250 тыс. руб. золотом.

Помимо контрабанды существовали и другие способы преодоления государственной монополии на внешнюю торговлю. Экспортно-импортные операции совершались частными предпринимателями под прикрытием Внешторга.

В 1930-е гг. сокращаются случаи задержания контрабанды. Кроме того, если раньше контрабанда совершалась преимущественно путем нелегального ее перемещения через границу, то в указанный период большинство контрабандных нарушений представляло собой нарушения установленных требований порядка ввоза и вывоза товаров.

Помимо контрабандной торговли и валютных операций существовал еще один весьма распространенный вид незаконного предпринимательства – содержание притонов. Заведения подобного рода существовали в каждом городе. Они делились на несколько классов и, в зависимости от класса, располагались в разных районах.

Содержатели притонов занимались торговлей наркотиками, сутенерством, а также не брезговали скупкой и перепродажей краденого. Правоохранительные органы прекрасно знали об этом, но ликвидировать притоны не могли. Благодаря прекрасной системе охраны, которая оповещала о приближении милиции, а также благодаря связям во властных структурах, владельцам притонов чаще всего удавалось избежать уголовной ответственности.

Динамика развития нелегального предпринимательства кардинально отличалась от развития остальных отраслей частной торговли. На протяжении 1920-х гг. происходило постоянное увеличение масштабов незаконной предпринимательской деятельности. Чем уже становился легальный частный сектор, тем быстрее развивался нелегальный. К началу 1930-х гг. теневая экономика представляла собой мощную, разветвленную, многоотраслевую систему, способную работать даже в экстремальных условиях тоталитарного государства.

Советско-финляндская война 1939-1940 гг. глазами её участника (по материалам дневника Ф.П.Парилова)

Ходячих Сергей Сергеевич

Сыктывкарский государственный университет

В данной работе предлагается освещение уникального источника по истории советско-финляндской войны 1939-1940 гг. – дневника ее непосредственного участника.

Содержание дневника Филиппа Павловича Парилова (12.03.1906 - 05.05.1955), одного из участников советско-финской войны, уроженца г. Сыктывкара, позволяет нам лучше понять и раскрыть чувства, состояние, психологию простого война. Ф.П.Парилов

– человек своего времени, история его повествования развивается на фоне общероссийской истории. Дневник Парилова сохранила и любезно предоставила нам его дочь Клара Филипповна Попкова. Это две самодельные тетради по 22 и 28 страниц, сшитые друг с другом черными нитками. Обложка дневника картонная, с двух сторон обернутая целлофаном, на титульном листе написано «Ф.П.Парилов». На первой его странице находится боковая запись: «Дневник прошу переслать жене по адресу: Коми АССР, г. Сыктывкар, ул. Горького 7 кв. 22. Париловой Елизавете Федоровне». Записи велись ежедневно, начиная с 13 сентября 1939 г. и заканчивая 5 июня 1940 г., но есть и пропущенные дни (например, с 12 по 30 декабря; с 5 по 19 февраля).

Важным является вопрос отношения воинов к финской войне. Как свидетельствуют материалы дневника – это гнев по отношению к противнику и стремление с ним расправиться. Филипп Павлович Парилов называет финнов «гадами» («быстро разделаться с гадами белофиннами»), а огонь по противнику – «подарком» (финны получили хороший «новогодний подарок в виде ворошиловских килограммов»). Таким образом, в этих записях нашли отражение чувства служения Родине и Стране Советов и патриотизм.

В связи с описанием противника и выражением патриотических настроений хотелось бы осветить отношение автора к Советскому государству, партии и власти. Перед нами Ф.П.Парилов – коммунист, пламенно верящий в победу советского народа в войне против агрессора, готовый с гордостью за любимую отчизну защищать свою страну, ее население, партию и тов. Сталина. Он был человеком своего времени и испытал влияние эпохи. Так, 30 ноября 1939 года в дневнике сделана запись: «Исторический день для всего народа, а для меня новая веха в жизни; сбылась мечта быть участником военных действий в защите интересов Страны Советов с оружием в руках, участвовать в защите северо-западной границы, гор. Ленина – Колыбели революции»; в этот же день «мы отмечали 22 годовщину октябрьской революции». В ночь на 1 января 1940 г. Парилов в первую очередь желает Новому году «быстро разделаться с гадами белофиннами и снова взяться за мирную жизнь по построению коммунизма», отмечает, что прошедший год был «новым торжеством ленинско-сталинской национальной политики в отношении малых зависимых стран».

Из первых уст мы узнаем и об участии автора в боевых действиях. Это была очень тяжелая и мучительная работа, иногда длящаяся в течение нескольких суток. Это и бесконечная канонада пушек («первой заговорила пушка второй батарее»), и длинные переходы через болота, леса и дальние местности («спустились по крутому спуску мы в течение целых суток все время помогая лошадям преодолели болото и лес и снова вышли на дорогу»), и несение ночного дежурства (1 февраля «ночью нес службу патруля ведя наблюдение за воздухом ракетами белофиннов»), и бесконечные опасные рейды в тылы врага – разведывательные походы (22 января «ходил в разведку...»). Описание боевых событий очевидцем и прямым участником войны усиливает ценность данного источника.

Подробно в дневнике Ф.П.Парилова описаны и все военные тяготы: голод, холод, отсутствие необходимой одежды. Ситуация порой доходила до того, что «хлеба получали на 100 чел. буханку и 50 гр. сухарей»; «до сегодняшнего дня не получали 4 дня хлеба, только по 100 грамм сухарей»; «получали на 3-4-10 ч. буханку»; варили и ели конину ввиду отсутствия другого мясного продовольствия: «зарезали лошадь и на обед варили конину с гороховым пюре» (23 февраля), «зарезали 3-х лошадей и варили дополнительно мясо» (25 февраля), «ночью варили конину» (27 февраля). Причина нехватки продуктов питания заключалась в том, что не приезжали продовольственные обозы, особенно ситуация с продовольствием обострилась в период с 19 февраля по 1 марта 1940 г. Так, «обоз бывает обстрелян и есть раненые»; «обоз из Питкаранта не пришел, хлеба не получили» (20 февраля); «обоз из Питкаранта не пришел» (21 февраля); 22 февраля 1940 г. «обоз снова не пришел», 23 февраля тоже самое... и лишь 28 февраля обоз удалось «повернуть обратно». Суровый северный климат также давал о себе знать: 35-градусные финские морозы стали причиной заболевания Филиппа Павловича. Он пишет в дневнике: «чувствую себя плохо, кашель, болит горло». А в ночь на 28 марта ветер и метель были такой силы, что к утру замело вход в землянку: «с вечера начался ветер западный,

со снегом уже когда ложились спать весь вход в землянку занесло снегом. Ночью не мог выйти из землянки...»

Казалось, война отнимает у человека все силы, однако, определенное внимание в дневнике Ф.П.Парилова занимают записи, характеризующие его отношение к родным. Уже в самом начале дневника узнаем о родных и близких автора: жене Елизавете Федоровне, братьях Ване, Сереже, Павлике, в ходе дальнейшего повествования о Васе, сестре, отце. Чувствуется трепетно-нежное отношение к самым дорогим и любимым людям. Так, жену Лизу Филипп Павлович называет «любимой», которую хочется «скорее обнять», а, получив письма от отца и брата, он находится в хорошем расположении духа: «Папа пишет, что живет хорошо, цех работает по-стахановски...». В дневнике сделана запись: «...получил письмо из Коми Совнаркома на мою жалобу, ответили, что приняты меры в обеспечении семьи дровами и ремонта квартиры». Таким образом, даже в самый тяжелый период своей жизни Ф.П.Парилов прежде всего думает и заботится о своих родных и близких. Отправление ходатайства о поставке дров своей жене еще раз свидетельствует о том, что автор дневника – любящий и заботливый муж. Проявляется и определенное беспокойство по поводу отсутствия писем от брата: «что случилось с Васей нет письма с 4 января» (19 февраля). Приведенные записи из дневника Ф.П.Парилова свидетельствуют о теплых и дружеских отношениях автора с его родственниками.

Бесхитростные строки дневника Филиппа Павловича Парилова позволяют нам лучше понять поведение одного из участников советско-финляндской войны, определить мотивы его поступков и действий, проследить влияние эпохи на человека.

Личность и деятельность В.К. Дебогория-Мокриевича в отечественной историографии

Чикунев Максим Петрович

аспирант

Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия

E-mail: maksim-chikunow@mail.ru

Мировоззренческий базис каждого гражданина России в переломные периоды развития государства и социума подвергается критическому переосмыслению, в результате чего прежние общественно-политические представления уступают свое место новым. В настоящее время российское государство и общество переживают один из таких периодов, связанных с поиском идеологических ориентиров, которые, с одной стороны, позволили бы ограничить центробежные процессы, начавшиеся в государстве с конца 80-х – начала 90-х гг. XX в., а с другой – помогли бы найти каждому индивиду его место в современном обществе. В этих условиях проблема выбора пути модернизации социального организма, средств ее осуществления, требуют принципиально нового глубокого переосмысления богатейшего интеллектуального наследия народнического движения второй половины XIX в., для которого тема исторической судьбы России была предметом напряженных историософских и социо-этических поисков.

В результате всплеска антикоммунизма и антиреволюционизма на современном этапе развития исторической науки произошел спад интереса к русскому революционному движению и, в частности, к изучению народничества. За последнее десятилетие увидело свет крайне незначительное число обобщающих монографий по данной теме. С другой стороны, малоисследованными остаются вопросы, связанные с идейной эволюцией отдельных ярких представителей народнического движения. Одним из таких деятелей является В.К. Дебогорий-Мокриевич (1848 – 1826), в духовной эволюции которого своеобразно отразились многие значимые тенденции и узловые противоречия развития народнического сознания.

В молодости В.К. Дебогорий-Мокриевич был видной фигурой в южном революционно-народническом течении: входил в состав Киевской коммуны, вместе со Стефановичем в 1873 г. они организовали кружок «Южных бунтарей». В своих взглядах на пути преобразования российских государства и общества Дебогорий-Мокриевич придерживался анархистского учения М. Бакунина. Общий кризис народнического движе-

ния и последующий переход этого движения в плоскость политической борьбы, стали теми причинами, которые побудили яркого бунтаря-бакуниста пересмотреть свои мировоззренческие ориентиры. В мае 1881 г. В.К. Дебогорий-Мокриевич эмигрировал за границу, где «заялся переоценкой ценностей и... подведением итогов» (Дебогорий-Мокриевич, 1989). В итоге, бывший революционер-народник стал умеренным реформатором, выступившим за постепенный путь преобразования России, когда «государственная централизация сменилась бы возможно большей децентрализацией» (Дебогорий-Мокриевич, 1989).

В историографии и мемуарной литературе В.К. Дебогорий-Мокриевич воспринимается в основном как автор воспоминаний об эпохе 70-х – начала 80-х гг. XIX в.

Все точки зрения к рассмотрению личности и деятельности В.К. Дебогория-Мокриевича условно можно разделить на пять групп, в зависимости от идейных соображений историков и мемуаристов: либеральное направление, охранительная концепция, народнический взгляд, советская историография и современные оценки.

Отличительной чертой исследований либерального направления являются общие замечания, касающиеся революционного периода деятельности В. К. Дебогория-Мокриевича.

Представители охранительной концепции в оценке народника далеки от объективности, к тому же многие факты, приводимые на страницах этих работ, зачастую не соответствуют реальному положению дел.

Сами народники изображают В.К. Дебогория-Мокриевича, за некоторыми исключениями, как яркого лидера, способного подбодрить и вдохновить своих товарищей.

В советской историографии интерес к народническому движению был достаточно высок, вплоть до середины 30-х гг., когда начались репрессии против бывших народников.

Современная историография скупа на работы о Дебогории-Мокриевиче.

Личность и общественная деятельность В.К. Дебогория-Мокриевича по праву занимает достойное место в истории народнического движения 1870 –сер.1890-х гг. XIX века. Полноценный анализ причин и мотивов, общественных взглядов позволит обогатить картину развития народнической идеологии, уяснить соотношение ее революционного и реформаторского направлений.

Литература

1. Анзимиров В.А. (1907) «Крамошники». Хроника из радикальных кружков семидесятых годов. М.
2. Богучарский В.Я. (1912) Из истории политической борьбы в 70-х и 80-х гг. Партия «Народной Воли», ее происхождение, судьбы и гибель. М.
3. Бурцев В. (1923) Борьба за свободную Россию. Мои воспоминания. 1882 – 1922. Берлин, Т.1.
4. Бух Н.К. (1928) Воспоминания. М.
5. Валк С.Н. (1930) Предисловие // Дебогорий-Мокриевич В.К. От бунтарства к терроризму. М., Кн.1.
6. Владимир Карпович Дебогорий-Мокриевич (1929) // Деятели революционного движения в России. Библиографический словарь / Под ред. Ф. Кона. М., Т.2., Вып.1.
7. Владимир Карпович Дебогорий-Мокриевич (1926). Некролог // Каторга и ссылка, № 7- 8.
8. Глинский Б.Б. (1913) Революционный период русской истории. Исторические очерки. СПб., Ч. 2.
9. Голицын Н.Н. (1887) История социально-революционного движения в России 1861 – 1881. Глава десятая. СПб.,
10. Дебогорий-Мокриевич В.К. (1989) Автобиография // Деятели СССР и революционного движения в России. Энциклопедический словарь Гранат. Репринт. изд. М.
11. Дебогорий-Мокриевич В.К. (1998) Из записок народника / Публ. и предисл. В.В. Зверева // Ист. Архив, № 5/6.
12. Дейч Л.Г. (1926) За полвека. М. – Л.
13. Савков В.В. (1999) «От бунтарства к реформизму». Наброски к портрету В.К. Дебогория-Мокриевича // Эхо. Сб. статей по новой и новейшей истории Отечества. М., Вып.2.

14.Троицкий Н.А. (2002) Крестоносцы социализма. Саратов.

15.Комінський В. (1928) Володимир Карпович Дебогорій-Мокрієвич в останні роки його життя. 1917 – 1926 // Академія наук УРСР. Історична секція. Записки. Київ, Т. 29.,Кн. 3.

Система учета беженцев на юге Западной Сибири (1915-1920 гг.)¹⁷

Щетинина Анна Сергеевна

аспирант

Алтайский государственный университет, исторический факультет, г. Барнаул, Россия

E-mail: anyash83@mail.ru

Первые партии беженцев с театра военных действий появляются на юге Западной Сибири в конце июля 1915 г. Об этом свидетельствовало Томское Губернское Отделение Комитета Ее Императорского Высочества Великой княжны Татьяны Николаевны¹⁸. Работы по регистрации прибывающих в Томскую губернию беженцев начались в конце августа 1915 г., регистрацией и учетом занималось регистрационно-статистическое Бюро при Томском городском Комитете по устройству беженцев. Томск в первое время являлся распределительным пунктом для всей губернии, затем эти функции перешли к Ново-Николаевску, а следовательно, и задачи по учету беженцев «в других местах губернии»¹⁹. Первоначально задачей учета беженского контингента было исследование их положения для более рационального расселения и оказания адресной помощи. Также осуществлялся розыск потерявшихся в пути членов семей, для чего брались регистрационные данные. Прежде всего, деятельность по сбору сведений о беженцах осуществляли благотворительные организации, которые в большей степени оказывали помощь беженцам в тот период, нежели государство. Из различных Комитетов губернии по оказанию помощи беженцам в Бюро при Томском городском Комитете по устройству беженцев поступали списки беженцев, на их основании на каждого беженца составлялись алфавитные карточки. По сведениям из списков Отделение Татьянинского Комитета в Томске составило алфавит-справочник, который можно назвать первыми итогами по учету беженцев. справочник включил 6505 фамилий беженцев, зарегистрированных в Томской губернии к началу мая 1916 г.

По форме справочник содержал 5 пунктов:

- 1) фамилия, имя, отчество и возраст главы семьи;
- 2) имена и возраст каждого члена семьи с указанием родственных отношений;
- 3) место прежнего постоянного жительства;
- 4) место жительства во время эвакуации;
- 5) почтовый адрес²⁰.

В этом же году вышел второй, дополненный, выпуск, в который были внесены еще около 2,5 тыс. фамилий беженцев. Подобные справочники были составлены и для других регионов страны.

Можно говорить, что первые попытки учета беженцев имели, прежде всего, благотворительную направленность. Однако это не помешало провести сбор сведений в масштабах практически всей страны и опубликовать их. По данным из справочника по Томской губернии, всего к началу июля 1916 г. в губернии проживало 35824 зарегистрированных беженца. В 3-х уездах, которые после 1917 г. вошли в состав Алтайской губернии, а также в Барнауле, Бийске, Камне и Славгороде на начало июля 1916 г. было заре-

¹⁷ Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 05-01-01281а

¹⁸ Беженцы в Томской губернии. Список семейств беженцев и адреса их. Издание Томского Губернского Отделения Комитета Ее Императорского Высочества Великой княжны Татьяны Николаевны. Вып. 1-й. Томск, 1916. С. 1.

¹⁹ Там же. С.2.

²⁰ Там же. С.2-3.

гистрировано 6877 беженцев²¹. В 1916 г. в данных списках оказались учтены только зарегистрированные беженцы, но при этом было довольно много беженцев, которые в силу разных причин не были зарегистрированы.

Перепись 1917 г. также позволяет произвести учет и анализ такой категории сельского населения как беженцы. Конечно, данная перепись не ставила целью специальный учет беженцев, но то, что они были включены в нее как сельские жители, позволило очень подробно исследовать различные стороны жизни беженцев во время эвакуации. Данная перепись хотя и охватывает большинство беженцев, но все же довольно много осталось неучтенных по городам, так как города, естественно не вошли в сельскохозяйственную перепись.

В июне 1919 г. в Алтайской губернии проходила специальная перепись беженцев. Ее можно назвать первой подробной переписью, которая учла и сельских, и городских беженцев. Итоговый бланк переписи содержит 203 пункта, правда пять из них, видимо по опечатке, не указаны. Информацию можно разделить на 6 блоков: 1) «зарегистрированное беженское население»; 2) «распределение населения обоего пола по занимаемым жилищам»; 3) «число хозяйств»; 4) «обеспеченность работниками мужского пола»; 5) «распределение населения по главным занятиям для добывания средств к существованию в настоящее и ближайшее будущее время»; 6) «возвращение на родину»²². Кроме общих итогов по тому или иному населенному пункту, отдельно итоги переписи оформлялись по национальностям²³. В Алтайской губернии переписью беженцев занимались Земские управы, все данные поступали в Губернскую Земскую управу, где подводились итоги. Перепись 1919 г. не имела в отличие от 1916 г. ярко выраженного благотворительного характера, хотя целью ее проведения помимо учета населения также было оказание помощи беженцам и возможность более эффективного их расселения и трудоустройства.

Следующая попытка учесть количество вынужденных переселенцев была сделана сразу же после восстановления Советской власти. На Алтае она была восстановлена в декабре 1919 г. На этот раз основной причиной переписи являлось не оказание материальной или иной помощи, а подготовка к реэвакуации, нужны были готовые данные «когда появится возможность отправки на родину»²⁴. Учет беженцев проводился на основе их регистрации: все желающие выехать на родину беженцы должны были зарегистрироваться в Управлении по эвакуации населения и получить регистрационные карточки или билеты. На основе регистрации составлялись подробные списки беженцев по волостям. Надо сказать, что существовала и иная цель учета беженцев: многих из них, особенно граждан польской национальности, считали потенциальными шпионами и неблагонадежными лицами. Чтобы иметь за ними контроль, всех иностранных граждан, в том числе и беженцев, пожелавших выехать из России, нужно было зарегистрировать и поставить «на особый учет под надзор милиции Отделов Управления и Губчека»²⁵.

Таким образом, анализ источников позволяет говорить о том, что попытки переписать беженцев предпринимались неоднократно. При смене власти каждое новое правительство проводило регистрацию и учет беженцев. Менялись цели и задачи учета, но форма представления информации в основном оставалась схожей. Наиболее подробные сведения содержали в себе листы переписи беженцев, как в ходе сельскохозяйственной переписи населения 1917 г., так и в ходе специальной переписи беженцев 1919 г. Надо сказать, что не все беженцы были учтены и зарегистрированы. Часть их сами не желали регистрироваться по разным причинам, часть не имела при себе надлежащих документов, что существенно затрудняло их регистрацию. До лета 1920 г. не проводилась регистрация бывших интернированных граждан, попавших после 1917 г. в число беженцев. Часто регистрация и учет касались только определенных групп беженцев: нуждающихся

²¹ Там же. С.3-4.

²² ЦХАФ АК. Ф.225. Оп.1. Д.18. Л.14, 14 (об.).

²³ Там же, Л.7-9 (об.).

²⁴ ЦХАФ АК. Ф.Р-209. Оп.2. Д.11. Л.4.

²⁵ ЦХАФ АК. Ф.Р-10. Оп.4. Д.5. Л.1.

в помощи, желающих вернуться на родину или отдельных национальностей. В итоге учтены были далеко не все беженцы, которые проживали на юге Западной Сибири.

СЕКЦИЯ «ИСТОРИЯ»

ПОДСЕКЦИЯ «ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ»

Образ Германии во Франции в первые годы после войны 1870-71 гг.

Бодров Андрей Владимирович

аспирант, ассистент

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

E-mail: bodrovandrew@yandex.ru

Жестокое поражение Франции в франко-прусской войне 1870-71 гг. заставило французов по-новому взглянуть на место своей страны в Европе. И прежде всего предстояло заново познакомиться с тем загадочным государством, которое так стремительно возникло по ту сторону Рейна, той новой силой, влияние которой теперь чувствовалось во всем. Устоявшиеся стереотипы вступали в явное противоречие с новой реальностью. Неслучайно поэтому А. Мезьер, открывая в конце 1870 года свой курс лекций на филологическом факультете Парижского университета, посвященный творчеству Гёте, говорил о «двух Германиях». Одна «умеренная, миролюбивая Германия», которую он провозглашал великой и подлинной Германией. Другая – «отложившая про запас всю щепетильность и всю умеренность языка амбициозная, жадная, захватническая Германия», Германия, вышедшая из-под руки Бисмарка (Digeon, 1959, p. 162). Другой современник Мезьера, Е. Каро, также посвятил одну из своих статей этой проблеме. По его мнению, представлению о Германии как о глубоко чуждой духу войны стране «поэтов и философов» французы во многом были обязаны мадам де Сталь. (Caro, 1871, p. 6) Именно она создала в своей книге «О Германии» идеал-противопоставление Франции периода консульства. Она описала не реальную Германию начала XIX века, а свои мечты о родной стране. Сейчас же французы пожинали плоды своей веры в эти «химеры». Эту «Германию чувства», утверждал Каро, теперь трудно было отыскать в новой империи «разума и силы». И все же этой новой германской империи недостает «чувства справедливости» и «уважения к праву», которые только, по мнению публициста, и доставляют нации подлинное величие. (Caro, 1871, p. 20)

Явление миру единой Германии оказало сильное воздействие на умы европейцев, и ее образ был во многом отрицательным. Даже те из французов, которые объявляли себя искренними друзьями Германии, не могли принять ее нового облика. Популярнейший в то время писатель Э. Ренан, мечтой всей жизни которого был альянс Франции, Германии и Великобритании, теперь с болью в сердце признавал его воплощение невозможным. Отторжение Эльзаса и Лотарингии стало гарантией вечной ненависти между соседями. Он не мог сдержать своего негодования в адрес Германии, «выставляющей перед миром долг смешным, защиту родины преступной» и восклицал: «Какое печальное разочарование для тех, кому виделось в германской культуре будущее всеобщей цивилизации!» (Ernest Renan et L'Allemagne, p. 133). Но новорожденная империя, и это было очевидно даже её создателям, пока явно не представляла собой единого целого. Формального объединения двух дюжин разных по развитию и укладу государств под скипетром Гогенцоллернов не было достаточно для создания новой мировой державы. На этом и основывались надежды Ренана. Немцы были готовы терпеть прусскую гегемонию, пока она обуславливалась борьбой с Францией. Ему виделось, что с прекращением борьбы этот союз потеряет свой смысл. Консолидация германской нации предопределена исторически, и ее осуществление под руководством Пруссии законно. Но он верил, что прусский принцип построения нации на базе армии неприменим в масштабах всего рейха.

Поэтому Пруссия, в которой концентрировалось все зло и все худшие черты новой Германии, должна неминуемо раствориться в объединенном государстве.

Помимо проблемы партикуляризма пристальное внимание французских писателей было приковано и к усилению влияния социал-демократии в Германии. И отнюдь не случайно: сколь ни была бы готова германская империя к войне с внешним врагом, «революционный дух» мог взорвать ее изнутри. (Lavissee, 1888, p. IX) Изобличение «продвижения революции» в Германии было в том числе и реакцией на попытки Бисмарка представить Францию главной дестабилизирующей силой в Европе, против анархии которой должны объединиться великие державы (можно вспомнить о заключенном в 1873 году «Союзе трех императоров»).

Это продвижение революционных идей помимо всего прочего связывалось и с моральным разложением новой империи. Несомненно, свою роль сыграли яркие картины экономического кризиса в стране после «грюндерской» горячки. Особенно заметной среди этих попыток указать на германские пороки, пожалуй, стала вышедшая в 1875 году книга Виктора Тиссо «Путешествие в страну миллиардов». Тиссо описывал современную Германию в ее повседневной жизни, перемежая наблюдения заинтересованного путешественника – «Незнакомство с соседями было одной из причин всех наших поражений» (Тиссо, 1876, стр. 4) – с ироническими замечаниями злоязычного публициста. Он показывал, как Германия со школьной скамьи неугасимо поддерживала ненависть к Франции, безудержно спекулировала на выкаченных из соседки миллиардах контрибуции, быстро развращаясь на французском золоте, и с энтузиазмом развивала в себе прусский «культ войны». «Раз сойдя со своего цивилизаторского и гуманного пути, она [Германия. – А.Б.] снова вернулась в свои дикие леса», – заявлял Тиссо. (Тиссо, 1876, стр. 5) На основе увиденного он пришел к выводу, что если Франция дорого заплатила за свое поражение, то Германия теперь сполна расплачивалась за свою победу.

Другой характерной чертой создания образа новой Германии стала ее исключительная персонификация в лице своего создателя - германского канцлера О. фон Бисмарка. Именно так, в частности, рассматривал новое государство в своих очерках Ж. Кохен: «Германская империя сводится к одному человеку: господину Бисмарку» (Cohen, 1879, p. 93). Это упрощение выдает тенденцию замещения одного мифа в сознании французов другим. В то же время, здесь явно проявлялись надежды французов на то, что с уходом с политической арены Бисмарка станут возможны и серьезные перемены как в самой Германии, так и в ее взаимоотношениях с Францией.

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что идея некой двойственности Германии очень быстро стала общепринятой во Франции. Следует согласиться с авторитетным мнением Клода Дижона (Digeon, 1959, p. 163) о том, что она превратилась в своеобразную формулу, которая устраивала всех. Принять образ «хорошей» Германии означало забыть о недавней войне, увековечить «плохую» - явственно выступить за реванш. Поэтому французские политики, мыслители и публицисты приняли на вооружение ту теорию, которая позволяла избежать неприятной необходимости выбирать одну из этих крайностей и оставляла необходимое пространство для маневра. Очевидно, что в свете огромного интереса во Франции к новой Германии образ последней усложнялся. Но нельзя не отметить и то, что этот образ в определенной мере представлял собой защитную реакцию французского сознания. Борьба с устоявшимися клише «революционности» и «аморальности» французов заключалась в том числе и в «зеркальном» возвращении их соперникам. Анализ французской публицистики 70-х годов XIX века показывает, что в стране были широко распространены надежды на благоприятное для Франции «перерождение» Германии. Поиск признаков неустойчивости здания новой империи должен был помочь французам в сопротивлении сложившемуся неблагоприятному положению вещей.

Литература

1. Тиссо В. (1876) Путешествие в страну миллиардов: [пер. с фр.]. СПб.
2. Caro E. (1871, 1 Novembre) Les deux Allemagnes. Madame de Stael et Henri Heine // *Revue des Deux Mondes*, 2nd Period, Tome 96, p. 5-20.
3. Cohen J. (1879) *Etudes sur L'empire d'Allemagne*. Paris: Calmann Levy
4. Digeon C. (1959) *La crise allemande de la pensee francaise (1870-1914)*. Paris

5. Ernest Renan et L'Allemagne (s.a.) , textes recueillis et commentes par Emile Bure. New York
6. Lavisse E. (1888) Essais sur L'Allemagne imperiale. Paris: Hachette

**Формирование британской системы управления в Пенджабе
во второй половине 40-х-50-х гг. XIX века**

Демичев Кирилл Андреевич

аспирант

Нижегородский государственный педагогический университет, Россия

E-mail: kadem@mail.ru

Поражение Лахорского государства в ходе первой англо-сикхской войны (1845-1846) можно по праву назвать началом процесса установления британской власти в Пенджабе, подчинение которого не только завершало завоевание Индии, но и создавало удобный плацдарм для британского проникновения в Афганистан и Среднюю Азию, где активизировала свою деятельность Россия. Учитывая значение этого северо-индийского региона, важнейшей задачей колониальной администрации было создание надежной и эффективной системы управления в Пенджабе. В целом в период с 1846 по 1859 г. процесс формирования британской системы управления прошел несколько этапов.

По Лахорскому договору от 9 марта 1846 г., значительная часть сикхской державы переходили под юрисдикцию Ост-индской Компании (территории к югу от Сатледжа, Джалландхар доаб и др.). Хотя английское правительство и брало на себя обязательство не вмешиваться во внутренние дела Лахорского государства, было очевидно, что аннексия Пенджаба является лишь вопросом времени. Так, уже в соответствии с дополнительными статьями к мирному договору, в Лахоре были оставлены британские войска на период реорганизации сикхской армии. Одновременно с этим в Пенджаб прибыл английский политический резидент Генри Лоуренс. Таким образом, на период с марта по декабрь 1846 г. в Пенджабе продолжали функционировать традиционные органы власти и управления, которые хотя и находились в зависимости от английских интересов, однако в целом отражали систему, сложившуюся еще в период правления махараджи Ранджит Сингха (1799-1839).

Осторожная и продуманная политика Генри Лоуренса, а так же расчленение территории Пенджаба и успешное разоружение сикхской армии способствовало укреплению британских позиций в регионе. 16 декабря 1846 г. лахорскому правительству был навязан новый Бхайрвальский договор. По этому договору британский резидент получал неограниченную власть во всех вопросах внутренней и внешней политики Пенджаба. В помощь резиденту назначался целый штат английских помощников. Создаваемому же регентскому совету при малолетнем махарадже отводилась, по сути, лишь совещательная функция при резиденте в Лахоре.

В результате второй англо-сикхской войны (1848-1849) Пенджаб был аннексирован 29 марта 1849 г. После аннексии в Пенджабе встал вопрос о создании новой системы управления. При этом колониальная администрация исходила из того, что недавно завоеванная область должна управляться максимально эффективно при минимальных материальных затратах. Для реализации этой задачи генерал-губернатор Индии создал в провинции Административный совет, в составе трех человек, которые сосредоточили в своих руках всю полноту гражданской, финансовой и судебной власти. Для обоснования новой формы правления было решено рассматривать Пенджаб в качестве колонии Короны. А в силу того, что правительство Индии, как агент королевы, имело неограниченную законодательную и исполнительную власть, то оно обладала и правом передавать эту власть Административному совету.

За время функционирования Административного совета, с апреля 1849 по январь 1853 был выпущен ряд законов, регулирующих нормы гражданского и уголовного права. Позднее эти законы, дополненные другими правительственными распоряжениями, составили законодательную базу провинции. Таким образом, Пенджаб, в отличие от

большинства индийских областей, управлялся, в это время, на основе постановлений издаваемых местными чиновниками.

Во главе Совета был поставлен бывший резидент в Лахоре, Генри Лоуренс. Административный аппарат в Панджабе был первоначально сформирован из 56 чиновников, половина из которых проходила по гражданскому ведомству, а другая половина по военному. Из штата этих чиновников назначались специальные уполномоченные, их помощники и заместители. Для удобства управления провинция была разделена на 7 районов, в каждый из которых назначался специальный уполномоченный, лично ответственный перед Административным советом в Лахоре. Специальные уполномоченные цис-Сатледжских и транс-Сатледжских государств, которые перешли во владение Ост-индской Компании после I англо-сикхской войны, были так же подчинены Административному совету. Все чиновники от представителей Совета до кардаров сосредоточили в своих руках гражданскую, финансовую и судебную власть, что было совместимо с местными добританскими традициями и отвечало требованиям создания сильной администрации в недавно присоединенной провинции.

Следующий этап развития британской системы управления в Панджабе характеризовался усилением вертикали власти в провинции. В феврале 1853 г. Административный совет был упразднен, а его функции передавались главному специальному уполномоченному, который нес личную ответственность перед генерал-губернатором Индии. Первым главным специальным уполномоченным стал брат Генри Лоуренса – Джон Лоуренс. Ему непосредственно подчинялись судебный специальный уполномоченный и финансовый. Судебный специальный уполномоченный был так же сделан начальником полицейского отдела. Кроме того, на него возлагался ряд чисто исполнительных функций: управление системой дорог, наблюдения за образовательными учреждениями и введение в них усовершенствований. Соответственно и финансовый специальный уполномоченный возглавлял сразу несколько отделов. Следует отметить, что такая система управления была введена в Панджабе впервые на территории Индии.

В 1856 г. лорд Дальхузи выступил с предложением изменить статус Панджаба в британской колониальной империи, преобразовав провинцию в Лейтенант-губернаторство. Такая инициатива была связана с необходимостью несколько облегчить генерал-губернатору управление Индией, которое, в связи с активной завоевательной политикой последнего десятилетия, было затруднено. Смена генерал-губернатора в 1856 г. и начало восстания сипаев в 1857 г. затормозили процесс преобразование Панджаба в Лейтенант-губернаторство. Только 1 января 1859 г. провинция приобрела новый статус, а сэр Джон Лоуренс вступил в должность лейтенант - губернатора провинции.

Переход Индии под прямое управление британской короны в 1858 г. не оказал принципиального воздействия на процесс формирования системы управления в Панджабе, так как существующая система была надежна и эффективна. Это выразилось не только в налаженной системе колониальной эксплуатации провинции, но и в создании достаточно крепкой социальной базы британского владычества, что сыграло серьезную роль в подавлении Индийского восстания 1857 – 1859 гг.

Литература

1. Aitchison C.U. (1931) A collection of treaties, engagements and sanads, relating to India and neighbouring countries. Vol. 1. The treaties & relating to the Punjab, the Punjab states and Delhi. Calcutta, Government of India, Central publication branch.
2. Gough Ch. and Innes A.D. (1897) The Sikhs and the Sikh wars: the rise, conquest, and annexation of the Punjab state. London, A.D. Innes & Co, Bedford street.
3. Hunter W.W. (1886) The Imperial Gazetteer of India 1881. Vol. XI. London, Trubner & Co.
4. Marsham J.C. (1869) The history of India, from the earliest period to the close of Lord Dalhousie administration. Vol. III. London, Longmans.
5. Muir R. (1923) The making of British India. 1756-1858. (Described in a series of Despatches, treaties, and other documents, selected and edited with introductions and notes). Manchester; London, Longmans, Green & Co.

**Миротворческие операции ООН в годы «холодной войны»:
основные этапы развития**

Запарий Юлия Владимировна

ассистент, кандидат исторических наук

Уральский государственный университет им. А.М. Горького, г. Екатеринбург, Россия

E-mail: julia.zapariy@mail.ru

Эволюция миротворческих операций ООН – одного из наиболее распространенных методов разрешения конфликтов – является малоизученным аспектом в истории международных отношений. В период «холодной войны» ООН разработала целую систему методов, направленных на предотвращение, сдерживание и прекращение вооруженных действий дипломатическими, несилowymi средствами. Одна из самых ярких страниц истории миротворческой деятельности связана с проведением наблюдательных миссий и операций по поддержанию мира. Механизмы и принципы деятельности миротворческих операций складывались на протяжении длительного периода времени.

Первоначальный этап (середина 1940-х – начало 1950-х гг.) связан с периодом адаптации ООН к условиям биполярного противостояния. Поскольку из-за противоречий между СССР и США переговоры о создании вооруженных сил ООН зашли в тупик, Организация лишилась возможности проводить принудительные акции²⁶. Дальнейшее наращивание миротворческого потенциала ООН стало возможно только в рамках системы мирных методов урегулирования конфликтов, предусмотренных гл. VI Устава ООН. В 1948 – 1949 гг. Совет Безопасности ООН при рассмотрении ситуации в Палестине и на индо-пакистанской границе принял ряд резолюций, заложивших основу деятельности наблюдательных миссий²⁷.

Сначала наблюдатели выполняли вспомогательную роль при комиссиях ООН, созданных в зоне конфликта для осуществления посреднических функций. Поскольку добиться успеха посредникам не удалось, ООН взяла курс на «замораживание» конфликтов. В результате этого наблюдатели приобретают статус самостоятельной миссии, призванной осуществлять мониторинг ситуации и расследование происшествий в зоне конфликта вдоль линии разделения враждующих сторон. Наблюдательные миссии напрямую не могли устранить причины конфликта, но само присутствие наблюдателей позволяло Организации следить за ситуацией и способствовало ослаблению напряженности. Развертывание наблюдателей проходило с согласия враждующих сторон, что предопределило суть концепции миротворческих операций ООН как мирного, непринудительного метода, направленного на локализацию конфликта.

Второй этап охватывает период 1956 – 1965 гг. Смягчение напряженности между сверхдержавами, расширение состава ООН стали предпосылкой активизации миротворческой функции Организации. В ходе урегулирования Суэцкого кризиса Генеральный секретарь ООН Д. Хаммаршельд разработал концепцию операций по поддержанию мира²⁸. Она предусматривала использование военного персонала под эгидой ООН для разделения вооруженных сил участников конфликта²⁹. Первоначально задача миротворческих сил состояла в обеспечении мирного вывода англо-французских войск из зоны канала, а затем – в разъединении израильских и египетских сил. В ходе операций в Конго, Западном Ириане и на Кипре задачи, выполняемые миротворцами, усложнились. Помимо разъединения «голубые каски» осуществляли полицейские функции, оказывали гуманитарную помощь. Таким образом, ООН попыталась выработать целостный подход к урегулированию конфликтов, однако развертывание миротворческих сил чаще всего приводило к «замораживанию» ситуации и сохранения статус-кво.

²⁶ Boulden J. Prometheus Unborn: The History of the Military Staff Committee. Ottawa, 1993. P. 29.

²⁷ Wiseman H. United Nations Peacekeeping: A Historical Overview// Peacekeeping; Appraisals and Proposals. N.Y., 1983. P. 35; International Peace Observation: a History and Forecast. Baltimore, 1966. P. 238.

²⁸ Urquhart B. Hammarskjöld. N.Y.;L., 1994. P. 247.

²⁹ Burns A.L., Heathcote N. Peacekeeping by UN Forces. From Suez to Congo. N.Y., 1963; Rosner G. First United Nations Emergency Force. N.Y., 1959.

Активизация миротворческой деятельности ООН в 1960-е гг. привела к возникновению серьезных противоречий между странами-членами по вопросам учреждения и контроля над операциями. СССР решительно возражал против сохранения за Генеральным секретарем политического контроля над миротворческими силами.

На третьем этапе (в 1965 – 1974 гг.) произошло окончательное оформление концепции миротворческих операций ООН. Работа специального комитета по операциям по поддержанию мира, учрежденного в 1965 г., способствовала разрешению основных противоречий. При создании вооруженных сил ООН на Ближнем Востоке в 1973 г. Совет Безопасности утвердил «компромиссную формулу» распределения полномочий между органами ООН при учреждении операций. Согласно ей Совет Безопасности определяет мандат миротворческих сил, а Генеральный секретарь сохраняет над ними оперативный контроль. Разрешение противоречий способствовало активизации сотрудничества между СССР с ООН в сфере миротворчества. С 1973 г. в миротворческих операциях стали участвовать представители стран советского блока. Таким образом, окончательно была признана легитимность миротворческих операций и созданы условия для повышения их эффективности. С началом нового витка «холодной войны» ООН не учредила ни одной новой миссии. Активизация миротворческой деятельности началась в 1988 г. после возобновления диалога между СССР и США и окончания биполярной конфронтации.

«Первое поколение» миротворческих операций, сложившееся в период «холодной войны», сформировалось не в результате последовательного планирования, а путем интерпретации положений гл. VI Устава ООН. Все попытки придания концепции миротворчества юридически выверенной формы оказались безуспешными. Это давало Секретариату ООН возможность проводить гибкую политику. Противоречия сверхдержав в Совете Безопасности объективно способствовали тому, что Секретариат мог занимать в определенной степени независимую позицию в руководстве операциями. Немаловажную роль в процессе эволюции миротворчества сыграли и страны Западного блока, в особенности США.

Миротворческие операции представляли собой попытку мирового сообщества изолировать региональные конфликты от столкновения сверхдержав. Развертывание наблюдателей и миротворческих сил препятствовало эскалации насилия и создавало предпосылки к политическому урегулированию. Присутствие миротворцев служило гарантией соблюдения договоренностей всеми сторонами конфликта. «Голубые каски» служили источником достоверной и беспристрастной информации о ситуации в зоне конфликта. Присутствие миротворцев сдерживало стремление сторон навязать насильственными методами свое решение конфликта и заставляло искать другие пути урегулирования ситуации. Фактически операции по поддержанию мира стали средством оказания воздействия на региональные конфликты с целью их локализации. На протяжении всего периода «холодной войны» миротворческие операции являлись важнейшим методом многосторонней дипломатии.

Однако нежелание участников конфликта в полной мере сотрудничать с миротворцами часто приводило к складыванию в зоне конфликта «контролируемой тупиковой ситуации». Именно поэтому очень сложно определить эффективность миротворческих операций. Большинство операций были эффективны только в предотвращении возобновления вооруженных действий, всесторонне урегулирование конфликта требовало предварительных договоренностей между сторонами и сотрудничества с миротворческими силами ООН. Очевидно, что согласие, как великих держав, так и участников конфликта является важнейшей предпосылкой успешной миротворческой операции. Данный вывод особенно актуален, в свете активного использования односторонних принудительных мер для прекращения международных конфликтов в последнее десятилетие XX в.

Королевская прерогатива в Англии в эпоху Тюдоров и первых Стюартов**Казарова Галина Сергеевна***аспирант**Днепропетровский национальный университет, Днепропетровск, Украина**E-mail: Kazarova_G@mail.ru*

Проблемы политической истории считаются одним из приоритетных направлений в работах историков, политологов, правоведов. Особое внимание внутри него привлекают вопросы, связанные с властью, властными отношениями. Понятие власти непосредственно сопряжено с королевской прерогативой, которая являлась особой частью общего права Англии.

Целью данной работы является определение сущности королевской прерогативы, сферы ее распространения. Проанализировав источниковую базу и историографический материал необходимо остановиться на основных результатах исследования.

Необходимо отметить, что полномочия монарха, который представлял собой составную часть всей политической системы Англии, как особый институт власти, базировались на совокупности прерогатив. Считалось, что в их границах король владеет полной, абсолютной властью. Королевская прерогатива – неотъемлемая часть личности монарха и его собственность. Многие из прерогатив оставались неизменными на протяжении веков. Среди таких можно выделить те, которые касались вопросов внешней политики: объявление войны, ведение переговоров, заключение мира, и те, которые были связаны со внутренней жизнью страны: назначение членов Тайного совета, различных должностных лиц, амнистирование криминальных преступников, чеканка монеты, регулирование процента золота и серебра в ней.

Исключительной прерогативой королей оставалось предоставление городам права посылать своих представителей в парламент. Тюдоры и Стюарты издавали специальные хартии для незначительных городских поселений, где ход парламентских выборов можно было легко проконтролировать. Так, только в 1562 году Елизавета I, решив обеспечить себе большинство в парламенте реанимировала шесть обезлюдненных городков: Майнхед в графстве Сомерсет, Темпворс, Стокбридж и др., а всего за период своего правления надела такой привилегией почти 60 местечек (Барлова, 1999). Делегаты от них считались полностью свободными от наименьших подозрений в нелояльности. Только при Карле II, боясь усиления его власти, парламент отменил давнюю прерогативу короля, запретив, ему, таким образом, вмешиваться в систему представительства.

Проверка правильности проведения выборов также стала королевской прерогативой. Таким образом, любая неугодная монарху личность могла быть лишена места в парламенте из-за «незаконности» избрания. Со времен Генриха VIII спикер Палаты общин стал назначаться монархом, что приводило еще к большей зависимости последнего от короля. Верховенство короны во взаимоотношениях с парламентом было оформлено статутом 1539 года, согласно которому король получил полномочия единолично издавать ордонансы и прокламации, которые имели силу закона, и хотя этот статут в 1547 году был отменен, преимущество короны над парламентом фактически сохранилось.

Объем власти монарха не оставался неизменным. В период абсолютизма король полностью сосредоточил в своих руках гражданское судопроизводство, ограничил сферу церковной юрисдикции. Актом о Супрематии 1534 года король провозглашался главой национальной церкви, то есть закреплялось верховенство светской власти над духовной. Конвокации высшего духовенства созывались только по приказу короля (Английская реформация, 1990).

Следует отметить, что при первых Стюартах вопрос о прерогативе стал очень остро. В то время, когда Тюдоров мало интересовала проблема теоретического обоснования своей власти, Яков I откровенно высказывался за примат короля над законами и парламентом.

В центре оппозиционной борьбы с королевскими посягательствами оказались судьи общего права. Наибольшую популярность среди них получил Эдуард Кок. Он решительно выступал против расширения прерогативы короля, понимая под ней «всю власть

и привилегии, которое право дает короне» (Кондратьев, 1991). В начале XVII века сторонники абсолютизма попытались использовать право судей толковать английские законы, чтобы поднять статус королевских прокламаций до статуса законодательного акта. Последние считали, что король в праве создавать новые законы посредством своих прокламаций. Судьи, во главе с Э. Коком, отвергли эту попытку, придя к выводу, что прокламациями королю следует напоминать подданным об уже существующих законах, но не создавать новых, так как король имеет только ту прерогативу, которую дает ему право страны.

Вопрос о прерогативе, а в широком смысле о границах королевской власти, со временем все чаще стал обсуждаться в парламенте и судах.

Литература

1. Английская реформация (документы и материалы) (1990)/Под ред. Ю.М. Сапрыкина. – М.
2. Антология мировой правовой мысли (1999) Т. 2. Европа: V- XVII вв. – М
3. Барлова Ю.Е. (1999) «Гнилые местечки» в истории Англии// Вопросы истории, №6
4. Законодательство английской революции 1640-1660 (1946)/ Составитель Н.П. Дмитриевский. М.-Л
5. Кондратьев С.В. (1991) Правовые и политические воззрения Эдуарда Кока// Известия вузов правоведения, №1
6. British Borough Charters (1307-1660) (1943) / Editor by Martin Weinbaum. – Cambridge
7. Elton G.R. (1974) Studies in Tudor and Stuart politics and government Vol.4. Cambridge

Российско-американские отношения в 2000-2004 г.г.: сотрудничество и противоречия

Каширина Татьяна Владиславовна

кандидат исторических наук

Всероссийская Государственная Налоговая академия Министерства финансов РФ

E-mail: Kashirinatv@mail.ru

К моменту прихода к власти российского президента В.В.Путина российско-американские отношения заметно охладели и были близки к точке замерзания. Провозглашенный Путиным внешнеполитический курс сочетал в себе элементы преемственности и прагматизма (унаследованная «многовекторная политика» Е.М.Примакова) и новизны, строился и развивался на адекватном понимании национальных интересов России и ее места в мире.

Президент Путин заметно усиливал акцент на необходимости более тесного сотрудничества с Западом, объявляя стратегический курс на экономическую открытость и интеграцию в мировую экономическую систему.

Новый внешнеполитический курс лег в основу Концепции внешней политики Российской Федерации в июле 2000 г. В документе среди новых вызовов и угроз национальной безопасности называлась тенденция к созданию однополярной структуры мира при экономическом и силовом доминировании США. Для противодействия этому предлагалось добиваться формирования многополярной системы международных отношений. О взаимодействии с США говорилось прежде всего в связи с проблемой обеспечения глобальной стратегической безопасности¹.

Существенный поворот в российско-американских отношениях произошел в результате событий 11 сентября 2001 г., открывший новый этап в отношениях России с США и Запада в целом. На российско-американском саммите в Вашингтоне и в Кроуфорде в ноябре 2001 г. было заявлено о новых стратегических отношениях.

Для улучшения двусторонних отношений большое значение имели подвижки в самом Вашингтоне, прежде всего на концептуальном уровне, что нашло отражение в «Стратегии национальной безопасности США» администрация Дж. Буша-мл. в 2002 г.

Стратегия национальной безопасности рассматривает отношения с международным сообществом в контексте борьбы с терроризмом, ориентирует администрацию страны на проведение более динамичной внешней политики и взаимодействие с основными глобальными центрами силы, рассматривая Россию и Китай в качестве союзников США в борьбе с международным терроризмом².

Президент США Дж. Буш выступил 28 января 2003 г. на совместном заседании обеих палат Конгресса с традиционным посланием о положении страны. Дж. Буш высоко оценил взаимодействие с партнерами по антитеррористической коалиции. «В этот момент общая опасность стирает старые раздоры. Америка сотрудничает с Россией, Китаем и Индией так, как мы не сотрудничали никогда раньше, ради мира и процветания»³.

После террористических преступлений 11 сентября сотрудничество в борьбе с терроризмом между Соединенными Штатами и Россией возросло до беспрецедентных и неопределимых уровней. Области, представляющие общий интерес, охватывали диапазон от обмена финансовыми сведениями, выявления и блокирования террористических активов до соглашений об использовании воздушного пространства американскими военными самолетами, использованными в операции "Прочная свобода" (ОПС). Американо-российская рабочая группа по Афганистану была центральным двусторонним форумом для рассмотрения проблемы терроризма и связанных с ним вопросов.

Новый дух российско-американского сотрудничества позволил Москве и Вашингтону заключить в мае 2002 г. Договор о сокращении стратегических наступательных потенциалов, предусматривающий трехкратное сокращение их развернутых стратегических боезарядов в течение ближайших 10 лет⁴; учредить Совет Россия - НАТО⁵. Не приходится сомневаться в том, что именно позиция, занятая Кремлем 11 сентября 2001 г., во многом способствовала решению США и Евросоюза о признании рыночного статуса российской экономики.

Однако было бы неправильно отрицать и весьма существенные элементы концептуальной новизны в российских подходах. Как подчеркивал Президент В. В. Путин на расширенном совещании с участием послов в МИД России 12 июля 2002 г., «в основе наших сегодняшних отношений - новое прочтение национальных интересов двух стран, а также - схожее представление о самом характере современных мировых угроз... Доверительное партнерство России и США - не только в интересах наших народов. Оно оказывает позитивное воздействие на всю систему международных отношений и потому остается одним из наших безусловных приоритетов»⁶.

Произошло заметное смягчение позиции России по проблемам контроля над вооружениями (Договор ПРО) и расширения НАТО. Де-факто Россия дала согласие на проецирование американской военной силы в постсоветском пространстве (прежде всего, в Центральной Азии, отчасти и в Грузии), которое ранее рассматривалось как зона эксклюзивного стратегического влияния.

Новый, достаточно сложный, этап во взаимоотношениях России с Западом начался с марта 2003 г., когда американо-британские войска без санкции СБ ООН вторглись в Ирак. Отношения нашей страны с Вашингтоном оказались на самой низкой точке с начала президентства Путина. Мог произойти и разрыв, но он не состоялся.

Россия поддержала резолюцию СБ ООН, которая фактически легитимизировала присутствие Соединенных Штатов и Великобритании в Ираке, выразила готовность сотрудничать с ними в послевоенном восстановлении этой страны. Уверенную черту под разногласиями провели встречи Путина и Буша-младшего в Санкт-Петербурге и Кемп-Дэвиде. Как подчеркнул наш президент, благодаря сближению Соединенных Штатов и России удалось создать обстановку доверия и стратегической стабильности в мире... Наше сотрудничество носит не декларативный, а совершенно конкретный и прагматичский характер».

Таким образом, противоречия и стремление к сотрудничеству в российско-американских отношениях были и будут. Россия, провозгласившая в 2000 г. прагматичную внешнюю политику, твердое отстаивание своих национальных интересов, сталкивается и будет сталкиваться со стремлением США к мировому лидерству и отстаиванию своих национальных интересов. Поэтому предельно важно закрепить и развить сферы

общих российско-американских интересов (сферы сотрудничества): стратегическая безопасность, нераспространение ОМУ, борьба с терроризмом, наркоторговлей, международной преступностью. Прагматичное партнерство станет основой для сглаживания противоречий между Россией и США.

Примечания:

1. Концепция внешней политики Российской Федерации. //Российская газета. 11.07.2000.
2. The National Security Strategy of The United States of America. Washington, 2002. www.whitehouse.gov
3. President Bush's State of the Union Address.-www.whitehouse.gov
4. Договор о сокращении стратегических наступательных вооружений. Системная история международных отношений в четырех томах. События и документы. 1918-2003. /Под ред. Богатурова А.Д.. Т. 4. Документы. 1945-2003. /Сост. Е.Г.Капустян и др. М. 2004. С.564-565.
5. Декларация глав государств и правительств стран - членов НАТО и РФ от 28 мая 2002 г. Там же. С.565-569.

Тенденции развития политических партий США

Костяев Сергей Сергеевич

Аспирант, младший научный сотрудник

Институт США и Канады РАН

E-mail: kostyaevss@yahoo.com

Крайне важно подчеркнуть, что за последние десять лет роль партийных структур в Конгрессе США значительно выросла. Основную роль в этом сыграл Т. ДеЛэй, добившийся, по словам одного из лидирующих аналитиков демократов Джима Джордана, «дисциплины, не виданной в течение десятилетий» (1). Во-первых, развивается, введенная Н. Гингричем, спикером Палаты представителей в 1995-1998 гг. и продолженная Т. ДеЛэем, лидером республиканцев в 2002-2006 гг, практика назначения на посты председателей комитетов и подкомитетов не тех, кто имеет наибольший срок пребывания в Конгрессе, а тех, кто демонстрирует наибольшую лояльность руководству партии. Это воспринимается и руководством демократов. Так лидер демократического меньшинства в Палате представителей Н. Пелоси, после принятия, продавленного Дж. Бушем мл. вопреки отчаянному сопротивлению демократов закона 2005 г. «О торговле со странами центральной латинской Америки», на встречах с коллегами, поддержавшими этот закон, пригрозила им выведением из состава наиболее престижных комитетов.

Во-вторых, процветает старый добрый джерримандеризм, Т. ДеЛэй инициировал перекройку нескольких избирательных округов таким образом, что принес своей партии пять дополнительных мест на последних выборах в ноябре 2004 г. При этом, руководство Министерства юстиции одобрило изменение избирательных округов, не смотря на возражения отдела по правам избирателей (2).

В-третьих, возросла роль финансовой поддержки партиями своих кандидатов, традиционно незначительная в американской политической системе. Т. ДеЛэй установил новые стандарты «фандрайзинга», учредив дюжину специальных фондов. Более того, введена практика, при которой «инкамбенты», не имеющие серьезных соперников на перевыборах, обязаны под угрозой лишения своих постов в лакомых комитетах, часть своего предвыборного фонда перечислить в партийную кассу, для финансирования кандидатов, поддерживаемых партийными боссами. Демократы, незамедлительно, воспользовались примером своих оппонентов.

В-четвертых, укрепляются связи с вашингтонскими лоббистскими фирмами. Т. ДеЛэй инициировал т.н. «К Стрит проджект»(3), за который подвергся критике в комитете по этике, настойчиво предлагающий проверенных республиканцев, рекомендованных Т. ДеЛэем, в качестве глав вашингтонских представительств корпораций и бизнес-ассоциаций (4). Таким образом, республиканцы стремятся контролировать доступ лоббистов к процессу принятия решений, не отдавая столь важное дело на откуп личным взаимоотношениям законодателей и лоббистов. Преемник Т. ДеЛэя на посту партийного

кнута (в 2003г.), а затем и временного лидера большинства в Палате представителей Рой Блант (Т. ДеЛэй лишился этого поста в сентябре 2005 г. в связи с судебным обвинением в незаконном финансировании выборов в Техасе, по обвинению прокурора-демократа, известного по расследованиям громких коррупционных дел представителей обеих партий.) имеет не менее тесные связи с вашингтонскими лоббистами, которых он, будучи кнудом, привлекал к подсчету голосов, процессу ведения переговоров по поправкам к законопроектам и т.д. В штате Миссури партийная организация республиканцев – это «семейный бизнес»: сын Р. Бланта – Мэтт является губернатором штата, а младший сын Эндрю – ведущим лоббистом, клиенты которого перечисляют средства в предвыборные фонды отца и старшего брата. Более того, он женат на «лоббистке» компании «Филип Моррис», которая является одним из важнейших клиентов его фирмы. Это весьма распространенная практика, когда один супруг работает в государственном учреждении, а другой/ая представляет интересы компаний, лоббирующих принятие тех или иных решений в этом самом учреждении.

Примечания:

1. The Washington Post, 29.09.2005.
2. The New York Times, 5.12.2005.
3. www.kstreetproject.com
4. The New York Times, 15.02.2005.

Политика консервативного правительства Великобритании в отношении СССР (1922-1923 гг.)

Рябова Ольга Викторовна

аспирант, ассистент

Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина, Рязань, Россия

E-mail: bagor@rambler.ru

22 октября 1922 г. Английское коалиционное правительство Д. Ллойд Джорджа ушло в отставку. Его сменило консервативное правительство во главе с Бонар Лоу, министром иностранных дел стал Керзон. Новое правительство надеялось изолировать СССР на международной арене, откровенно провоцировало обострение двусторонних отношений.

Единственным официальным документом, связывающим Великобританию и СССР, было торговое соглашение от 16 марта 1921 г., в котором равно были заинтересованы обе стороны. Именно этот документ оказался в центре внимания, постепенно стала нагнетаться антисоветская обстановка. В Англии главной отличительной чертой этого было прежде всего недовольство торгово-промышленных кругов результатами договора 1921 г. и исходом переговоров с Л. Уркарттом.

Заключению англо-советского договора 16 марта 1921 года способствовала идея правительства Ллойд-Джорджа о возможности внутреннего перерождения большевизма посредством торговли с Западом. Новая экономическая политика, казалось, подтверждала эту концепцию. Но Генуэзская и Гагская конференции, отказ в концессии Л. Уркартту показали ошибочность подобных расчетов. Все это вызвало глубокое недовольство прежде всего крупного финансово-промышленного капитала, дельцов Сити, подогреваемых бывшими британскими кредиторами в России и собственниками предприятий в России. «Экономическое разочарование» охватило довольно значительные слои средних торговцев и промышленников. Причинами этого было недовольство монополией внешней торговли РСФСР, на основе которой велись дела в Англии, небольшим (по причине голода, отсутствия платежных средств) объемом советских закупок почти во всех отраслях британской индустрии.

Атмосфера «экономического разочарования», сложившаяся в Англии к началу 1923 года, последовательно нагнеталась консервативными кругами во главе с Керзоном и использовалась ими для подготовки политического конфликта с СССР³⁰.

Вопрос о полном признании советского правительства ставился в зависимость от принятия требований Лондона. 23 ноября 1922 г. в палате депутатов новый премьер-министр Бонар Лоу заявляет, что главным условием признания советской России является реституция или компенсация бывшей собственности, отказ от политической пропаганды, признание долгов³¹.

В январе 1923 года Форин Оффис последовательно отказывает в выдаче виз целой группе советских работников экономических ведомств, направляющихся в Англию по торговым делам³². В конце января «Морнинг пост» требует взаимного отзыва торговых представителей из Москвы и Лондона ввиду ограниченного торгового оборота между двумя странами³³.

19 марта на предложение депутата Кенворти предпринять шаги для обеспечения нормальных политических и экономических отношений с СССР премьер-министр ответил: «Правительству точно неизвестно о необходимости предпринять любые такие шаги»³⁴. В том же месяце, во время прений в палате общин в речи Мак-Нейла явно прослепается тенденция доказать, что торговля между двумя странами «практически находится в состоянии застоя» и что даже восстановление дипломатических отношений не улучшит дела³⁵.

«Экономическое разочарование» английской буржуазии стало благоприятной основой для обострения отношений с СССР. Кульминацией данного курса правительства Бонар Лоу – Керзона явился англо-советский конфликт в мае 1923 года.

Начало конфликту положила английская нота от 8 мая 1923 года, получившая в истории название «ультиматум Керзона». В нем выдвигались различные необоснованные обвинения и требования: прекращение антибританской пропаганды в Иране и Афганистане, которой якобы занимались там советские представители, отзыва их, отказа советского правительства от его ответных нот по поводу религиозных «преследований», освобождения задержанных в территориальных водах СССР за незаконных лов рыбы английских траулеров и т.д.

Керзон в своей ноте пытался представить СССР как нарушителя норм международного права. Правительство Великобритании грозило разрывом всех отношений, если требования не будут удовлетворены в ультимативный десятидневный срок.³⁶ не исключалась даже возможность военной интервенции.

Реакция советского правительства была оперативна и более чем определена. В ответной ноте от 11 мая 1923 года указывалось, что обострение обстановки будет иметь взаимно обоюдный характер, что приведет к опасности осложнений в мировых отношениях. Нота решительно отвергла ультиматум и угрозы как средство решения неурегулированных вопросов и ведения нормальных отношений между государствами. В то же время СССР со своей стороны предлагал путем уступок начать обсуждение советско-британских отношений в полном объеме³⁷.

Обострение англо-советских отношений прежде всего и непосредственно коснулось экономических связей двух стран. «Мы теряем интерес к английскому рынку, - заявил Красин, - и вынуждены будем организовать наши закупки и продажи нашего экспортного сырья в других европейских пунктах»³⁸. Таким образом, нарком в своем вы-

³⁰ Шишкин В.А. Становление внешней политики послереволюционной России (1917-30 гг.) и капиталистический мир. СПб., 2002. С. 166.

³¹ Parliamentary Debates. House of Commons. Official report. 5th Session. London, 1923. Vol. 159. Col. 674.

³² Шишкин В.А. Указ. соч. С. 166.

³³ Daily Herald. 1923. 27, 1.

³⁴ Parliamentary Debates. House of Commons. Official report. 5th Session. London, 1923. Vol. 161. Col. 2083.

³⁵ Ibid. Vol. 162. Col. 841-848.

³⁶ ДВП СССР. М., 1962. Т.6. С. 172-173, 297-302.

³⁷ Там же. С. 288-296.

³⁸ Известия. 1923. 15 мая.

ступлении нанес удар по утверждению, имевшему место в английских деловых кругах, что и после разрыва торгового соглашения торговля будет осуществляться через Аркос. Было подчеркнуто, что в случае разрыва отношений ему поручено ликвидировать весь торговый аппарат РСФСР в Великобритании. Для этого вместе с ним отправился директор Аркоса Ю.А. Грожан и глава «Северолеса» С. Либерман³⁹. «Обе эти организации, - отметил Красин, - являются крупнейшими покупателями и продавцами на английском рынке». По прибытии в Лондон 14 мая 1923 года Л.Б. Красин сделал аналогичное заявление. В то же время в заявлении было сказано о перспективах советского экспорта лесоматериалов, нефти, шерсти, льна.

Несколько дней спустя в печати появилось интервью заместителя представителя РСФСР в Великобритании Я.А. Берзина о советско-английских торговых отношениях. Он подчеркнул, что «разрыв торгового соглашения означал бы конец всей торговли между Британией и Россией»⁴⁰.

Изменение позиции деловых кругов Англии в пользу экономического сотрудничества могло оказать серьезное положительное влияние на политику консерваторов в «русском вопросе». Внутренний рынок Великобритании был заинтересован в стабилизации и расширении советских поставок. Деловые круги страны понимали, что денонсация соглашения могла привести к углублению хозяйственных трудностей. Заявление советского представителя произвело достаточно сильное впечатление как в среде бизнесменов, так и на правительство консерваторов. Британский кабинет, поняв безнадежность добиться от СССР односторонних уступок путем угроз, вынужден был уступить, и в июне 1923 г. стороны сочли возникший конфликт исчерпанным.

Таким образом, вопрос жизнеспособности англо-советских отношений находился в прямой зависимости от существования торгового соглашения 1921 года. Сохранение его имело огромное политическое значение для СССР. Взаимодействие двух стран основывалось, прежде всего, на экономических отношениях.

Морально-психологическое состояние (обеспечение) французской армии в конце XVIII – начале XIX веков.

Стровский Михаил Дмитриевич

студент

Московский государственный университет им.М. В. Ломоносова, Россия

E-mail: pira@butovonet.ru

Данная работа посвящена изучению особенностей морально-психологического обеспечения французской армии в конце 18 – начале 19 веков. На примере переломного исторического периода, когда Французская республика, а позднее империя вела беспрерывные войны, автор ставит перед собой задачу исследовать особенности воспитания Наполеоном Бонапартом и высшими офицерами французской армии морально-психологической устойчивости у военнослужащих. В частности внимание было уделено методам, которыми пользовался командный состав для поднятия духа вверенных ему подразделений, а также, в какой-то мере, влияние личности самого первого консула, а затем и императора французов, а также некоторых маршалов на военную деятельность Великой Армии.

Задача автора заключалась в том, чтобы, используя многочисленные источники, которые так или иначе касаются темы морального состояния французской армии в ходе наполеоновских войн, сконцентрировать свое внимание на, так называемом, «человеческом факторе» в военных условиях, который во все времена нельзя сбрасывать со счетов. В ходе военных конфликтов значение его обостряется.

В начале первой главы подробно раскрывается понятие морально-психологического обеспечения войск. Кратко описываются методы воздействия ко-

³⁹ Там же.

⁴⁰ ДВП СССР. Т.6. С. 320.

мандного состава на подчиненных в условиях вооруженных конфликтов, которые применялись до начала наполеоновских войн. Акцентируется внимание на Великой французской революции и появлении истинно народных, а не наемных армий. Особое внимание автор обратил на волонтерные батальоны и на особенности их формирования.

Во второй главе рассматривается приход к власти Наполеона Бонапарта, а также появление целой когорты талантливых военачальников. О формировании личности, идеалов и ценностей большинства из представителей французского генералитета и маршалата нельзя говорить без хотя бы поверхностного знакомства с их происхождением. Значение деятельности некоторых из них в качестве командиров, (Даву, Ней, Мюрат, Ланн) по морально-психологическому обеспечению армии являлось новым явлением для военной науки того времени.

В третьей главе автор предлагает собственную классификацию методов психологического воздействия, применяемых во французской армии для поддержания высокого морального духа и боеспособности.

А) Личный пример. Подвиги высших офицеров, их поведение во время боя, являющееся одним из важнейших слагаемых победы.

Б) Адресность воздействия: бюллетени и прокламации в Великой Армии. Значение первых печатных материалов, издаваемых в походных условиях.

В) Орден почетного легиона и другие формы поощрения. Практика награждения: а) самим императором; б) непосредственно на поле боя.

Г) Возможность прямых контактов солдатской массы с верхушкой Великой Армии. Особенности взаимоотношения генералитета и маршалата с рядовым составом введенных им боевых подразделений.

Д) Карьерный рост в Великой Армии и сравнение с его аналогами в Австрии, Пруссии и России. Влияние справедливого чиновничества на дисциплину и боевой потенциал войск.

Е) Значение императорской гвардии как наиболее организованного и сплоченного корпуса Великой Армии.

Ж) Роль униформы в формировании морального духа французских войск в ходе наполеоновских войн.

Выводы: Наполеоновские войны как школа будущих командиров. Актуальность методов и возможность творческого переложения элементов морально-психологического воздействия эпохи наполеоновских войн на собственные войска в условиях современных вооруженных конфликтов.

Литература

- Соколов О. В.* Армия Наполеона. СПб., 1999.
Шиканов В. Н. Созвездие Наполеона. СПб., 2002.
Chandler, David. The Campaigns of Napoleon. М., 1999.
Щербаков А. Наполеон. Как стать великим. СПб., 2005.
Стровский М. Д. Московская битва. Ек-г., 2005.

Роль американских исследований безопасности в становлении современной теории международных отношений⁴¹**Сушенцов Андрей Андреевич⁴²***аспирант**Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Россия**E-mail: asushentsov@yandex.ru*

Считается общепризнанным факт первенства американской историографии в современной теории международных отношений. Сегодня, как и в середине XX века, американские ученые продолжают определять направление развития молодой науки: сложившаяся закономерность дала повод иронично назвать ее «американской политологией». Хотя началом научного исследования международных отношений принято считать 1919 год, в который была открыта первая кафедра теории и истории международных отношений в Уэльском университете Аберистута, именно США стали истинной «родиной» современной международно-политической аналитики. Подлинно научный статус теория международных отношений обрела в середине 1940-50-х гг., когда усилиями группы американских ученых были инициированы и с успехом проводились систематические прикладные исследования по теории политического анализа и конфликтологии, совокупность которых составила направление исследований безопасности (security studies).

Термин «безопасность», ставший ключевым компонентом современной теории международных отношений, был введен в академический лексикон в 1920–1930-е гг. Сегодня под «безопасностью» принято понимать «состояние защищенности от возможного нанесения ущерба, способность к сдерживанию или парированию опасных воздействий, а также к быстрой компенсации нанесенного ущерба» (Findling, 1989). Столь широкое толкование явления – результат широких теоретических дебатов среди представителей американского междисциплинарного направления исследований безопасности. Плодотворному развитию указанной школы способствовали несколько факторов.

Во-первых, начиная с середины 1940-х гг. американский истеблишмент был глубоко заинтересован в развитии фундаментальных страноведческих и политологических дисциплин, в связи с растущей потребностью к предсказанию поведения главного послевоенного соперника США – Советского Союза. На вершине повестки политического планирования обеих держав в то время стояли вопросы обеспечения собственной безопасности.

По этой причине основное содержание исследований безопасности составили труды по изучению войн. Принадлежащие к направлению исследователи исходили из предпосылки о реальной возможности вооруженной конфронтации между державами и говорили о значительном влиянии военной силы на общество и государство. Таким образом, исследования безопасности можно охарактеризовать как направление, изучающее угрозу использования, использование и контроль над вооруженными силами (Nye и Lynn-Jones, 1988). Школа изучает условия, при которых использование силы наиболее вероятно, исследует воздействие военной силы (угрозы ее применения и т.п.) на отдельных людей, общества и государства, а также анализирует политику государства по подготовке к ведению войны и предотвращению применения силы по отношению к себе.

В-вторых, в ситуации биполярного противостояния второй половины XX века, конфликты между «сверхдержавами» стали разворачиваться на фоне перманентной угрозы ядерной войны. Это придавало драматический характер процессу принятия внеш-

⁴¹ Настоящие тезисы подготовлены по результатам исследований, проведенных в ходе подготовки дипломного сочинения «Современный неореализм как системная теория международных отношений. Кеннет Уолтц и его последователи».

⁴² Автор выражает признательность доценту, к.и.н. Сетову Р.А. и к.и.н. Куликову В.И. за помощь в подготовке тезисов.

неполитических решений и, как следствие, теоретическим работам по международной безопасности в целом.

Появление оружия массового поражения вновь подхлестнуло гонку вооружений, выведя ее на качественно иной уровень. Отныне колоссальные средства вкладывались не только в совершенствование военно-промышленных комплексов стран и создание новых видов вооружений, но, исходя возможности полного взаимного уничтожения в случае войны, и в разработку интеллектуального орудия борьбы с оппонентом. Направление «исследований безопасности» стало напрямую обслуживать официальный внешнеполитический курс США и получать соответствующее статусу финансирование, что способствовало формированию политико-академического комплекса страны (Morgenthau, 1969). Результатами деятельности исследовательских групп тех лет стали теория рационального сдерживания, теория широкомасштабной военно-политической конфронтации, опирающаяся на наличие и возможность использования ядерного оружия, теория стабильности и локального ядерного столкновения и другие.

В-третьих, благодаря притоку в страну способных аналитиков из Европы, пополнивших группу гражданских экспертов по вопросам безопасности, в середине XX века был чрезвычайно укреплен «интеллектуальный суверенитет» США в этой области.

Отличительными особенностями направления исследований безопасности следует назвать открытость публикации большого числа интеллектуальных продуктов, массовое тиражирование книг и статей, широкую распространенность концепций школы в политико-академическом комплексе США, средствах массовой информации и общественном сознании. Отметим, что подобные разработки, предпринимавшиеся в СССР, относились к компетенции специальных научных учреждений и разведывательных органов, и по сей день остаются закрытыми (Косолапов, 1998). Благодаря сложившейся к тому времени в США системе финансирования научных разработок (бизнес → государство → НГО → научные институты), ведущую роль в поддержке исследований по международной безопасности стали играть крупные частные фонды: Фонд Форда, Фонд Карнеги, Фонд Джона Олина, Фонд МакАртуров, Фонд Смита-Ричардсона и др. Эта схема давала возможность военным и деловым элитам США пользоваться услугами широкого круга гражданских специалистов при формировании внешней политики страны, в том числе при необходимости вынесения решения о применении военной силы.

Современная картина теории международных отношений в значительной степени определяется произошедшим в ней в 1960-70-х гг. синтезом двух направлений – исследований безопасности и общественных наук, что повлекло за собой превращение прикладных исследований в социальную дисциплину. В качестве таковой школа исследований безопасности сконцентрировала свое внимание на определении логических предпосылок и условий использования силы в международных отношениях. Отныне разработка практической теории стала проходить в три этапа: создание – апробация – применение, а основной задачей всего направления стало достижение наиболее полного знания о значении военной силы для международных отношений (Walt, 1991).

На волне повышения наукоемкости прикладных исследований была по-новому интерпретирована теоретическая основа исследований безопасности – парадигма политического реализма (Waltz, 1979). Вопреки популярным в годы «разрядки» либеральным теориям, неореализм Уолтца указал на непреходящее значение фактора силы в международных отношениях и существование объективных ограничений на ее применение. Это способствовало новому осмыслению основных регуляторов государственного поведения – анархичной природы международной среды и проистекающей из нее постоянной угрозы войны.

Литература

1. Косолапов Н. А. (1998) Тема I. Теоретические исследования международных отношений // *Мировая экономика и международные отношения*. М.
2. Findling, J.E. (ed.) (1989) *Dictionary of American Diplomatic History*. Second edition. Westport.
3. Morgenthau H. J. *A New Foreign Policy for the United States*. For the Council on Foreign Relations. N.Y., 1969

4. Nye, J.S., Lynn-Jones S. (1988) International Security Studies: A Report of a Conference on the State of the Field // International Security. Vol. 12.
5. Walt, S.M. (1991) The Renaissance of Security Studies // International Studies Quarterly. Vol. 35, #2.
6. Waltz, K.N. (1979) Theory of International Politics. Boston.

Ганзейский торговый союз и пиратство в Балтийском море в XIII-начале XV веков

Цуканов Михаил Юрьевич

студент

Донецкий национальный университет, Донецк, Украина

E-mail: samareva@dongu.donetsk.ua

Характерной чертой развития торговли в эпоху развитого (высокого) Средневековья (конец XI-XV века), её важной составляющей, был грабёж. В этот пери-од морской разбой получил преимущественное развитие там, где проходили важнейшие торговые пути, прежде всего в водных бассейнах Северной Европы: Балтийском и Северном морях и проливе Ла-Манш. Морской разбой (иными словами - пиратство)- незаконный захват, ограбление или потопление торговых и других гражданских судов, совершаемое в открытом море частновладельческими и другими судами (Большая советская энциклопедия, 1975, с.550; Універсальний словник – енциклопедія, 1999, с.1064).

Средневековый пират относился к грабежу так, как в более поздние времена купец к приобретению разных товаров за определенную плату. Купцы защищались от разбойников всеми доступными им средствами, а когда представлялся случай, и сами нападали на своих коллег, грабя их без зазрения совести (Маховский Я., 1992, с.19). В средние века почти каждый купец был в какой-то степени и разбойником, промышлявшим на суше или на море, в зависимости от путей, по которым велась торговля, и, наоборот, каждый пират в той или иной мере занимался торговлей.

Данная работа посвящена роле пиратства в торговле и международных отношениях в бассейне Балтийского моря - одной из самых оживленных торговых путей эпохи развитого Средневековья. Её цель - выяснение взаимоотношений балтийского пиратства и крупнейшего регионального торгового союза - Немецкой (Тевтонской) Ганзы.

Важнейшей чертой средневекового развития Германии была областная централизация. В этих условиях города были лишены поддержки со стороны центральной власти, которая оказалась не в состоянии защитить их от своеволия князей, гарантировать безопасность торговых путей, защитить немецкое купечество за границей (Подольяк, 1999, с.1). Городам не оставалось ничего другого, кроме как объединяться и самостоятельно отстаивать свои интересы в самой Германии (Священной Римской империи) и за её пределами. Наиболее ярким примером образования подобного рода является немецкая (тевтонская) Ганза (от средне - нижненемецкого Hansa- союз, товарищество)- торговый союз северогерманских городов во главе с Любеком, существовавший в XIII-XVII веках (до 1669 г.) (Большая советская энциклопедия, 1963, с.98). Ганза- термин, имеющий много значений в средневековом торговом праве, но чаще всего под ним подразумевают купеческое общество. Это термин, употреблявшийся преимущественно во Франции и Фландрии и позднее проникший в Германию (Джевелегов, 1904, с.117). Главная роль Ганзы заключалась в монополизации посреднической торговли между основными экономическими районами балтийского побережья. Также этот союз имел целью совместное содействие очищению моря и дорог от разбойников, взаимную поддержку при частых войнах, распространению любекского права (Там же, с.123). Первоначально в регионе существовало несколько конкурировавших друг с другом Ганз. Лондонская Ганза (столица- Брюгге) объединяла до 50 английских, французских и фламандских городов; в Кёльнскую Ганзу (Кёльн) входили прирейнские (вестфальские) города; в состав Вендской Ганзы (Любек) входили саксонские и померанские города; Готландская Ганза (Висби) имела свои представительства в городах восточной Балтии (Пруссия, Лифляндия). Последняя Ганза имела свой двор в Великом Новгороде. Начиная с XIII века, из всех вышеперечисленных ганзейских союзов наибольшую силу и влияние приобрёл

Вендский союз городов (Вендская Ганза). Главным результатом деятельности Вендского союза стало объединение материального и процессуального права, унификация правил торговли, пошлин и создание единых денежных знаков. В середине XIV века объединение ганзейских городов во главе с Вендской Ганзой стало реальностью. Теперь союз ганзейских городов, названный «Немецкой (или Тевтонской) Ганзой», мог с большим успехом проводить свою внутреннюю и внешнюю политику, вести совместную торговую деятельность за границей, цель которой – всесторонняя помощь купцам союза в проведении их торговых операций. В период своего расцвета, на рубеже XIV-XV веков Ганзейский союз объединял до 160 балтийских городов.

Создание Ганзы повлекло за собой усиление влияния городов союза (особенно, немецких) в политике и торговле стран региона. В 1367 году союз одержал победу над Данией, что значительно укрепило его положение в регионе. Большие успехи имела поначалу Ганза в борьбе с пиратством. Однако в конце XIV века пиратство в регионе приобрело значительный размах.

Одной из самых могущественных среди пиратских сообществ региона было пиратское «братство витальеров». Зачатки этого братства уходят в глубину веков. К этой организации, как и к любому другому пиратскому сообществу, примыкали беглецы, преследуемые законом, отдельные лица, считавшие себя обиженными и искавшие справедливости, лёгкой наживы или попросту падкие на приключения. «Братство витальеров» базировалось на острове Готланд. Деятельность витальеров приняла наиболее широкий размах в годы, когда во главе братства стоял Клаус Штёртебеккер. Под его руководством пираты совершали успешные нападения на приморские города Ганзы и смежных стран. В этот период политическое положение витальеров было двойственным: с одной стороны они были вне закона, а с другой – часто служили Ганзе в качестве каперов. Каперство- пиратство, направленное против какой-то определённой страны или группы стран и пользующееся покровительством правительства (Можейко, 1994, с.3). В 1387 г. этот тандем оказал помощь Швеции в борьбе с Данией. К концу XIV века окрепшая Ганза, которая сама не гнушалась занятиями пиратским промыслом, стала тяготиться соседством с витальерами, результатом чего стали экспедиции против братства 1394, 1398 и 1401 годов. Окончательно братство было уничтожено в 1432 году.

Таким образом, балтийское пиратство сыграло огромную роль в торговых и международных отношениях в регионе. Действуя «партизанскими» методами оно могло противостоять отдельным государствам, но не смогло противостоять мощному Ганзейскому союзу и оказалось на обочине международной политики в регионе. Балтийское пиратство, на мой взгляд, оказалось только орудием и заложником в конкурентной борьбе Ганзейского союза с государствами региона. Его уход с исторической сцены региона был делом времени.

Литература

1. Большая советская энциклопедия (В 30-ти т.). Т.4. (1963)/ Под ред.Е.М. Жукова. М.: Советская энциклопедия.
2. Большая советская энциклопедия (В 30-ти т.). Т.19. (1975)/ Под ред. А.М. Прохорова. М.: Советская энциклопедия.
3. Джевелегов И.Р. (1904). Средневековые города. СПб.
4. Маховский Я. (1992). История морского пиратства. К.: изд-во СП «Свенас».
5. Можейко И.В. (1994). Пираты, корсары, рейдеры: Очерки истории пиратства в Индийском океане и Южных морях (XV-XX века). СПб.: ТОО «Санта».
6. Подоляк Н.Г. (1999). Частносеньориальные города Мекленбурга и торгово-политическая система Ганзы в XII-XV веках: Автореферат диссертации на получение степени доктора исторических наук/ НАН Украины. К.
7. Універсальний словник-енциклопедія. (1999)/ Під ред. М.Ю. Поповича. К.: Ірина.

**Становление университетского образования и его взаимоотношение
с католической церковью в странах Западной Европы в XIII веке**

Филатова Мария Александровна

студентка

Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия

E-mail: M.Filatova@tltsu.ru

Растущим городам и крепнувшим государствам требовалось все больше профессиональных и грамотных людей. К образованию все чаще прибегали знать. Пришел черед образования высших школ, которые возникли вполне органично на рубеже XII и XIII веков. Становление университетов в Европе начала XIII века, в период ее стремительного взлета, проявившегося во всем, было обусловлено стечением многих обстоятельств, в числе которых – расцвет торговли, зарождение денежной экономики, рост городов, демографический подъем, складывание сословий с их самосознанием, успехи церкви, расцвет науки и латинской литературы, появление литературы на «народных языках».

Сам термин «университет» (*universitas*⁴³) обозначал первоначально всякое объединение людей, связанных общими интересами и имеющих особый правовой статус. Этот термин означал «целостность», «совокупность». В то же время слово *universitas* означало также «товарищество», «купеческая гильдия», «цех», «коммуна». С точки зрения права он означал любой тип корпорации или сообщества. Также встречается такое название университета, как «*studium generale*⁴⁴», т.е. «всеобщая школа», и представляет собой институт высшего образования, учрежденный или во всяком случае получивший такое признание со стороны представителей всеобщей власти: папы или императора. Этот термин появился гораздо позже, чем *universitas* и встречается реже. Впрочем, встречаются и такие словосочетания как *magistri et discipuli* («учителя и ученики»), означавшие собственно корпорацию с особыми выборными органами самоуправления и большими привилегиями (Буряк, 2003)

Средневековые университеты возникли не одновременно и не сразу по всей территории Европы. Они возникали либо на основе бывших кафедральных (епископальных) школ, либо в городах, где жили прославленные учителя, всегда окруженные способными учениками. Немного позднее появляется новая тенденция: университеты основываются различными государями, и по ходатайству церкви. К концу XIII века, университеты превратились в важнейшие центры культурной жизни Европы. Здесь зарождались и распространялись научные, правовые и теологические идеи. Они стали центрами подлинной «интеллектуальной энергии», подготовки светской и церковной элиты. К 1300 г. было создано 18 университетов, из которых 15-16, безусловно, действовали. В некоторых уже обучалось по несколько тысяч студентов, представлявших различные регионы Европы. Многие университеты в это время приобрели общеевропейскую известность.

Университеты оказались нужны как церкви, так и государству: стали требоваться высококвалифицированные юристы, летописцы, дипломаты, опытные и образованные проповедники, знатоки церковного права и т.п. Вместе с этим королевская власть всюду стремится использовать университеты для нужд, складывающихся централизованных государств, а папство для проведения в жизнь своей теократической программы, путем осуществления контроля образовательного процесса. Как отмечает В. Роуг, «папы видели в университетах и средство распространения, и место изучения своих указов» (Роуг, 1991). В произведении Григория Паламы, видного богослова конца XIII века, мы находим осуждение интереса к светским наукам: «... некоторые люди, сочтя маловажной стоящей перед христианами целью, ... променяли богопознание на мирную мудрость и хотят ввести ее в собор философствующих во Христе» (Послушник и школяр, наставник и магистр: средневековая педагогика в лицах и текстах, 1996).

⁴³ **Universitas** - целое (вещей). Латино-англо-русский словарь философских терминов.

⁴⁴ **Studium** – усердие, старание, намерение; **generalis** – всеобщий.

Церковь, как защитник интеллектуалов в городе, выдавала лицензии на преподавание. Уваров П. Ю. отмечает, что, городские власти не торопились признавать ученых, лишь закрепляли их местную церковную юрисдикцию и предписывали чиновникам заботиться об их спокойствии (Уваров, 1984).

Чем более укреплялись независимые государственные структуры, тем более заметным становилось их присутствие и влияние в жизни университетов. При этом считалось особой привилегией для города открыть новый университет. Как известно, в 1200 году жалованная грамота Филиппа II Августа официально закрепила статус Парижского университета. В 1224 году знаменитым императором Фридрихом II был основан Неаполитанский университет, в котором впервые стали изучать и обсуждать натурфилософские трактаты Стагирита и сочинения его исламских комментаторов. Далеко не всем таким новым образованиям удалось выстоять, многие проекты так и оставались на бумаге, какие-то центры приходили в упадок, так как общим и необходимым условием возникновения университетов остается существование благоприятного социального и культурного окружения.

Заинтересованность светских властей в существовании университетов заключалась в том, что светские государи ожидали от них интеллектуальной и практической поддержки в становлении и консолидации правительственных и административных учреждений. Кроме того, государственная власть рассматривала наличие университетов и как украшение и общественное достояние. Университетская пышность стала внешним символом богатства и достоинства городов и государств.

Городские власти предоставляли преподавателям и школярам различные привилегии и льготы. Так в привилегии короля Франции Филиппа II Августа парижским школярам говорится: «...ради безопасности школяров вынесли такое решение: все горожане Парижа должны принести присягу, что будут давать свидетельские показания в целях установления истины, в случае если они увидят, что какому-нибудь школяру нанесли ущерб светским лицом» (Документы по истории университетов Европы XII – XV вв., 1973). Более того, учащиеся были освобождены от любых налогов, были обеспечены проживанием в городских домах на льготных условиях. В основном отношения между светскими властями и университетами исходили из взаимной выгоды (Рутенбург, 1986).

Итак, университет – новая структура, возникшая на рубеже XII и XIII веков, играла большую политическую, духовную и даже экономическую роль в жизни средневекового общества и вызывала немалый интерес у светских и церковных властей.

Литература.

- Буряк В.В. (2003) Институализация европейского знания//Ученые записки Таврического национального университета. № 11 (45)
- Документы по истории университетов Европы XII – XV вв. (1973) Воронеж.
- Послушник и школяр, наставник и магистр: средневековая педагогика в лицах и текстах/Под ред. Матулис Т.Н. (1996) М.
- Роуг В. (1991) Университет как явление средневековой культуры // Вестник высшей школы, № 8
- Рутенбург В.И. (1986) Университеты итальянских коммун// Городская культура: Средневековье и начало нового времени. Л.
- Уваров П.Ю. (1984) Характерные черты университетской культуры//В сб.: Из истории университетов Европы XIII-XV вв. Воронеж.
- Хрестоматия латинских текстов средневековых авторов (с комментариями)/ Под. ред. В.С.Соколова и Д.А.Дрбоглава. (1956) М.

Дипломатия Юхана Адлера Сальвиуса в контексте шведско-имперских отношений завершающего периода Тридцатилетней войны

Ходин Алексей Анатольевич

студент

Смоленский государственный университет, Смоленск, Россия

E-mail: alex.hodin@mail.ru

Вторая половина 30-х годов XVII века стала одним из самых сложных периодов в истории нескольких европейских государств, связанных в первую очередь с началом становления принципов Вестфальской системы. Со стороны Стокгольма просматривалась явная заинтересованность в успешных, детально проработанных переговорах в условиях лавирования между Французским королевством и имперскими властями. Необходимо обратить внимание на то, что процесс формирования баланса сил в Европе был тесно связан с конфессиональным вопросом, на фоне которого разворачивались наиболее значимые дипломатические события.

Одной из значительных фигур шведской дипломатической школы данного периода являлся Юхан Адлер Сальвиус, посредством дипломатии которого решались важнейшие вопросы как конфессиональных, так и военных противоречий.

На основе источниковых данных был рассмотрен ряд составляющих дипломатических ходов, позволивших определить влияние политико-конфессионального и личностно-психологических факторов на весь ход шведских переговоров, что впоследствии повлияло на исход Вестфальского конгресса, изменившего соотношение сил в Европе вплоть до конца XVIII века.

В течение 1637-1638 годов приоритетное значение для дипломатии Сальвиуса определялось прагматическими позициями, пренебрегая некоторыми конфессиональными оценками. Занимательным представляется также тот момент, что его действия относительно исполнения полномочий королевы Кристины, так и канцлера А.Оксеншерны имели тенденцию к изменению в зависимости от уровня дипломатического представительства с противоположной стороны. Важной особенностью деятельности дипломата стало стремление активизировать переговоры с чинами Империи в совокупности, что способствовало усилению психологического фактора на позиции антишведского лагеря.

Одной из насущных проблем стал вопрос об обеспечении армейских подразделений Швеции в пределах Империи, причем лозунги протестантской солидарности, характерные для эпохи конфессионализации, постепенно утрачивают свое значение, как это было при жизни Густава Адольфа, и сменяются откровенно завоевательной политикой, что в свою очередь наложило отпечаток и на характер шведской дипломатии. Канцлер А. Оксеншерна, от имени королевы Кристины, был заинтересован в удовлетворении финансовых интересов Швеции, мотивируя это деятельным участием королевства в защите интересов князей против габсбургского универсализма. В задачу Сальвиуса входило, кроме прочего, заполучить гарантии у территориальных князей, касательно возмещения шведской стороне потерь, соизмерив их в денежном эквиваленте. При неудовлетворительном решении этого вопроса он был также заинтересован в получении соответствующих гарантий путем сохранения за Швецией Висмара и Стральзунда в качестве залога на легитимных началах. Подобный ход шведской политики был обусловлен, скорее не желанием заполучить реальную денежную сумму для содержания армии в имперских землях, это была в большей степени попытка закрепить уже сложившееся влияние Стокгольма в северо-имперских территориях, в том числе и для предотвращения возможных попыток Кристиана IV датского к возобновлению союзнических переговоров с императором. Швеция стремилась, во что бы то ни стало, укрепиться на близлежащих к Дании территориях для последующей координации своего влияния на Ютландском полуострове, что нашло свое отражение уже в 1643 – 1645 годах походом Леннарта Торстенсона в Ютландию.

Нельзя упустить из внимания и способы закрепления дипломатических успехов Юхана Сальвиуса, во многом почерпнутые им из инструкций вышестоящей власти. Прежде всего, было необходимо добиться ратификации того или иного соглашения на

уровне императорской власти. В Балтийском вопросе проявлялся особый интерес постановлением дружественных курфюрстов для последующего апеллирования данными решениями (в качестве представителей Империи) по отношению к противостоянию императора. Такой прием неоднократно использовался для установления баланса между императором и сословиями Старой империи с одной стороны, а также между различными группировками в коллегии курфюрстов и в рейхстаге с другой. Однако Швеция также как и Французское королевство ни коим образом не желала полного краха проимперской партии ведущего к ее возможному уничтожению. Тонкая дипломатическая подоплека двух государств предполагала лишь борьбу за увеличение своего влияния в складывающемся равновесии общеевропейской политической системы. Главная сложность для шведской стороны на этом этапе заключалась в нерешительности королевы Кристины, стремившейся, во что бы то ни стало, заключить мир с Веней, готовой пойти на весьма необдуманные, в оценке риксканцлера, уступки. К тому же, контролируя переговоры, позиция Кристины в большей мере соответствовала профранцузской ориентации, с чем не мог полностью согласиться главный регент королевства. В представлении королевы фигура Юхана Сальвиуса, который проявлял чрезмерное упорство и отвергал выгодные предложения императора, была непригодной в большой политической игре, объясняя это в первую очередь недостатком оценки Сальвиуса общей политической ситуации и его концентрацией лишь на улаживании финансовых вопросов с Парижем. Тем не менее, деятельность Юхана Адлера Сальвиуса заняла значительное место в развитии системы международных отношений в Европе середины XVII века и во многом способствовала становлению внешних составляющих факторов шведского Великогодержавия.

В итоге, исследование шведской дипломатии на примере личностно-психологического фактора деятельности Юхана Адлера Сальвиуса выявило ряд тактических направлений, посредством которых осуществлялась подготовка участия Стокгольма в крупномасштабных переговорах в Оснабрюке, наложивших огромный отпечаток на формирование основ Вестфальского соглашения 1648 года. При этом заметим, что важность дипломатической позиции Сальвиуса во многом состояла из учета взаимозависимости социально-политической структуры Старой империи, что во взаимосвязи с профессиональным элементом и территориальными факторами позволило не только достигнуть, но и сохранить будущие успехи шведской дипломатической школы XVII века.

Источники и литература

1. Acta Pacis Westphalicae. Instruktionen. Frankreich. Schweden. Kaiser. Band I. Münster.
2. (1962).
3. Der Westfälische Friede von 1648. Deutsche Textausgabe der Friedensverträge von Münster
4. und Osnabrück. Berlin. (1942).
5. З.Ивонин Ю.Е.(2004) Универсализм и территориализм. Старая империя и территориальные государства Германии в раннее новое время. 1495-1806. Т.1. М.
6. Jespersen, K.J.V. (1997) Die nord- und osteuropäische Staatenwelt und der Westfälische Friede. // Westfalen. Hefte für Geschichte. Kunst und Volkskunde. Münster.
7. Lindqvist, H. (1996) Historien om Sverige. När Sverige blev stormakt. Stockholm.
8. Oredsson, S.(1993) Gustav Adolf, Sverige och Trettioåriga kriget. Historieskrivning och kult. Lund.
9. Press, V. (1991) Kriege und Krisen. Deutschland 1600-1715. München.
10. Roberts, M. (1979) The Swedish Imperial Experience. 1560-1718. Cambridge.

Альтернативный потенциал партии „Зеленых” ФРГ в 1980-е гг.

Чорногор Ярослав Алексеевич

младший научный сотрудник

Институт мировой экономики и международных отношений НАНУ, Киев, Украина

E-mail: yarch@mail.ru

Во второй половине XX в. сформировалась система доминирования на политической арене ФРГ троих партий: СДПГ, ХДС/ХСС и СвДП. Основная борьба велась между

СДПГ и ХДС/ХСС, для СвДП отводилась роль партнера по коалиции в случае, если две основные партии не способны самостоятельно сформировать правительство. Лишь в 1983 г. было положено конец монополии троих партий на власть. На парламентских выборах 1983 г. партии „Зеленых” удалось преодолеть 5% барьер и провести в Бундестаг 28 своих депутатов [1, С. 12]. На политической арене ФРГ появилась реальная альтернатива „старым” партиям.

Партия „Зеленых” (ПЗ) ФРГ - сравнительно молодая политическая организация, на федеральном уровне существует с 1980 г. Партия стала политическим проявлением „новых социальных движений”, которые имели массовый характер в 70-х годах и поднимали экологические и социальные проблемы.

Первая попытка участия в парламентских выборах 1980 г. закончилась для „Зеленых” поражением, они набрали 1,5% голосов [2, С. 130]. Этот результат не соответствовал уровню поддержки партии со стороны избирателей, а был обусловлен противостоянием СДПГ и ХДС/ХСС. За место федерального канцлера боролись действующий на тот момент глава коалиционного с СвДП правительства Г. Шмидт (СДПГ) и баварский премьер-министр Ф.-Й. Штраус (ХДС/ХСС). И не смотря на неудовольствие гражданами политикой правительства СДПГ („социальный демонтаж”, размещение американских ракет на территории ФРГ), личность Штрауса, известного своими правыми взглядами, заставила избирателей выбирать за принципом „меньшего зла”. Победу в очередной раз получила СДПГ во главе со Г. Шмидтом. Эта ситуация была серьезным разочарованием для активистов ПЗ, но „Зеленым” удалось учесть недостатки в работе и значительно усилить партию в следующие годы [3, С. 66].

Период с конца 1980 г. и до начала 1983 г. можно считать начальным периодом становления ПЗ [4, С. 898]. Партия не была однородной за своей организационной структурой и идеологической направленности. Идеологическая позиция „третьего пути” сосуществует с „левыми” взглядами. Кроме того, это был период значительного развития „зеленого” экологического движения, который распространился, кроме акций антиатомного характера, на выступления антивоенного направления, за мир и разоружение. Появилась потребность решение новых проблем, например, борьба против размещения на территории ФРГ американских ракет. ПЗ активно включились в эту борьбу [5].

Актуальность этой проблемы в обществе и высокая политическая активность ПЗ содействовала увеличению численности членов и сторонников партии. Усиление авторитета ПЗ проявлялось в успехах на местных и земельных уровнях. В 1983 г. сложилась удачная для „Зеленых” ситуация с отставкой социал-демократического правительства и проведением внеочередных парламентских выборов. „Зеленые” смогли использовать такую возможность и, опираясь на свой оппозиционный потенциал, попали в Бундестаг. В политике появилась новая организованная сила, которая составила конкуренцию основным парламентским партиям ФРГ.

За период своего развитие ПЗ заметно изменилась: из „антипартийной” партии, части экологического движения протеста она превратилась в „традиционную” партию реформ. Для каждого этапа были характерны свои особенности. Ротация депутатов от ПЗ и императивный мандат были отменены со временем, а особенный механизм принятия решений (обязательный учет позиции партийного меньшинства), квоты для женщин в партийном руководстве и ориентация на потребности партийных низов – базиса, остались и теперь. На идейно-программном уровне ПЗ отказались от части радикальных требований изменения общественного строя, и обращает больше внимания на решения актуальных экологических, экономических и социальных проблем.

ПЗ стала политическим инструментом протестных движений на политической арене ФРГ и продолжила активно брать участие в акциях протеста антиатомного и антивоенного характера. Кроме того, ПЗ много внимания уделяла проблемам социальной сферы, защите прав женщин и пожилых людей. Депутаты парламента от ПЗ активно использовали трибуну для антиракетной борьбы. Антивоенные акции поддерживались выступлениями депутатов от ПЗ в парламентах всех уровней. „Зеленые” в парламенте выступали против американского плана СОИ (стратегические оборонные инициативы) и возможности участия в нем ФРГ, а также против проектов активизации Западной Европы-

ского Союза (ЗЕС) [6, С. 6-13]. В деятельности фракции ПЗ важное место занимала также экология, и большинство внесенных предложений были по этой теме [7, С. 5].

Важной сферой деятельности ПЗ была борьба в защиту демократических прав и свобод. „Зеленые” берут участие в демонстрациях и других акциях протеста против практики „запрета на профессии” и требовали их отмены, активно работают над раскрытием политических и финансовых скандалов, таких как „афера Флика” (дело про подкуп политиков со стороны представителей большого капитала). „Зеленые” вносят ряд предложений по улучшению социальных возможностей для молодежи и женщин [8]. Много внимания „Зеленые” посвятили солидарности с народами стран „третьего” мира, осуждению агрессивной внешней политики США, расистских и диктаторских режимов.

Благодаря активной позиции „Зеленых” в политических и социальных аспектах общественной жизни ФРГ, они смогли получить поддержку избирателей и попасть в 1983 г. и 1987 г. в Бундестаг. Необычность требований, которые отличались от традиционных представлений о политике, обеспечили „Зеленым” наличие небольшой, но стабильной электоральной базы. На политической арене ФРГ утвердилась партия нового типа, для которой были важны экологические и социальные ценности, а не идеологические доктрины. Партия „Зеленых” ФРГ прошла сложный путь развития, через успехи и неудачи, через внутривнутрипартийные споры и давление со стороны больших парламентских партий. Партия „Зеленых” смогла выдержать испытания, сохранив черты демократических движений протеста, и заняла за своим политическим весом и влиянием, место альтернативной „третьей” силы на политической арене ФРГ.

Литература:

1. Kleinert H. Vom Protest zur Regierungspartei. Die Geschichte der Grünen. — Frankfurt a. M., 1992. — S. 12.
2. Schwarze J. Geschichte, ideologie und programmatik der Grünen. — München, 1999. — S. 130.
3. Гинцберг Л.И. Массовые демократические движения в ФРГ и партия „зеленых”. — М., 1988. — С. 66.
4. Raschke J. Die Grünen: Wie sie wurden, was sie sind. — Köln, 1993. — S. 898.
5. Истягин Л. Г. Общественно-политическая борьба в ФРГ по вопросам мира и безопасности (1949-1987 гг.). — М., 1988.
6. Grünes Bülletin. — November-Dezember 1984. — S. 6-13.
7. Die Grünen. — 4.02.1984. — S. 5.
8. Frankfurter Allgemeine Zeitung. — 1985. —21. Oktober.

Роль Южной Америки в германской политике экономической «автаркии», 1933–1939

Шеина Валерия Алексеевна

аспирант

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Россия

E-mail: vsheina@gmail.com

После прихода к власти в Германии в сентябре 1933 года лидеры национал-социалистской партии взяли курс на активное экономическое проникновение в Южную Америку. Уже в первые несколько лет нацистского режима объёмы торговли многократно возросли. Немецкие промышленные и финансовые магнаты считали латиноамериканское направление чрезвычайно перспективным – например, Макс Илгнер, глава крупнейшего в Германии химического и фармацевтического концерна ИГ Фарбенинду-стри. (Ilgner, 1938, S.13) Для рассмотрения в качестве торговых партнёров Германии вы-браны Аргентина и Бразилия – государства с самым большим внешнеторговым оборо-том в Латинской Америке 1930-х годов: в 1938 году на них приходилось 3,25% мировой торговли и больше 50% латиноамериканской. (Statistisches Jahrbuch..., 1939/1940, S.160-161). К тому же, в Аргентине и Бразилии до Второй Мировой войны проживала самая многочисленная в регионе немецкоязычная диаспора: около 236 тысяч человек – в Ар-

гентине и 600 тысяч в Бразилии (уже в результате массового бегства еврейского населения из Германии в Новый Свет). (Jackisch, 1989, p.36) Многие немцы в Латинской Америке симпатизировали тогда национал-социализму; это давало возможность НСДАП проводить активную идеологическую политику в регионе, а промышленно-финансовым кругам – укреплять там позиции немецких фирм и банков.

Рост интереса Германии к Латинской Америке во многом был обусловлен неблагоприятной внешнеэкономической конъюнктурой начала 1930-х годов. Тогда правительства многих стран резко повысили цены на экспорт сырья, а стоимость промышленных товаров на мировом рынке упала к 1933 году на 9%. (Petzina, 1977, S.126) И это – при отрицательном сальдо внешнеторгового баланса Германии. В этих условиях немецкому правительству не хватало валютных запасов, чтобы оплачивать импорт сырья и продовольственной продукции, необходимых для форсированного развития военно-промышленного потенциала Германии.

Ещё в 1933 году немецкое правительство приняло концепцию экономической «автаркии» в качестве государственной программы. Эта политика, которой придерживалось и руководство Советского Союза с конца 1920-х годов, «предполагала создание самодостаточной, независимой от внешних источников снабжения экономики, которая могла бы даже в случае военной блокады удовлетворить основные потребности страны». (Мельников, 1959, С.49) Согласно программе, Германия в перспективе должна была самостоятельно обеспечивать себя промышленными товарами и сырьем, в том числе искусственным. Если Советский Союз мог отгородиться от всего мира «железным занавесом», обладая – как тогда казалось – неисчерпаемыми природными ресурсами, то у Германии не было собственных источников сырья. По логике событий программа экономической «автаркии» предполагала завоевание в будущем «жизненного пространства» (Lebensraum).

Однако в 1933 году промышленность Германии не была готова к масштабным завоеваниям, и создать условия для роста немецкой экономики можно было, только обеспечив стабильный уровень импорта. Выход был найден Ялмаром Шахтом – президентом Рейхсбанка и министром финансов; он предложил в 1934 году правительству так называемый «Новый план». Согласно этой экономической программе, Германия должна была найти новых торговых партнёров – поставщиков сырья и продовольствия с ёмким рынком сбыта для немецких товаров – и заключить с ними клиринговые договоры. Приняв «Новый план» в качестве официальной экономической программы в 1934 году, немецкое правительство тем самым официально отвергло принцип свободной торговли и сделало ещё один шаг на пути соперничества с Соединёнными Штатами, которое к концу 1930-х годов переросло в войну двух систем.

Новыми рынками для Третьего рейха стали Балканские государства и Латинская Америка. В 1934 году немецкая торговая экспедиция Отто Кипа заключила клиринговые договоры с правительствами Аргентины, Бразилии, Чили, Колумбии и Уругвая. Для расчётов по клиринговым договорам вводилась специальная валюта – аски-марка; это условие было необычайно выгодным для Германии с её дефицитом валютных средств. Торговые партнёры Германии, которые вели с ней «компенсационную торговлю», обязывались снизить налоги на импорт немецкой промышленной продукции. Эта система была основана на принципе, сформулированном Ялмаром Шахтом: «Главная идея немецкой внешнеторговой политики: покупать только там, где мы можем продать наши товары». (Schacht, 1969, S.123)

«Компенсационная» политика, которую Германия проводила в торговле со многими странами Европы и Азии, принесла наиболее впечатляющие результаты именно на южноамериканском направлении. Уже в 1935 году поставки Южной Америки в Германию выросли на 37,48%, а к 1938 году этот регион занял одну из лидирующих позиций в немецкой внешней торговле: на него приходилось 14,9% всего немецкого импорта. (Schröder, 1969, S.345-346) Доля Аргентины и Бразилии составляла более половины этого потока. Аргентина была в 1930-е годы крупнейшим поставщиком мясных продуктов в Германию; кроме того, она занимала второе место после Южноафриканского Союза по импорту шерсти, четвёртое место – по импорту пшеницы. Бразилия была для Германии источником кофе, сахара, какао и многих полезных ископаемых, включая чёрные и

цветные металлы. «Компенсационная» торговля между Германией и Южной Америкой бесперебойно развивалась вплоть до начала Второй Мировой войны, когда по инициативе Соединённых Штатов была создана «зона безопасности» шириной 300 миль вокруг американского континента, в пределах которой не могли находиться корабли воюющих государств.

При помощи компенсационной торговли немецкому правительству удалось в 1930-е годы обеспечить стабильный уровень импорта сырья и продовольствия, и это сыграло далеко не последнюю роль в подготовке Германии к войне. Клиринговые договоры позволили национал-социалистам создать «большое экономическое пространство» (Großwirtschaftsraum), в пределах которого торговля велась по правилам, установленным Германией. Эту систему можно рассматривать как первый шаг на пути Германии к экономической «автаркии».

Литература

1. Мельников, Ю.М. (1959) США и гитлеровская Германия, 1933-1939. М.
2. Ilgner, M. (1938) Exportsteigerung durch Einschaltung in die Industrialisierung der Welt. Jena
3. Jackisch, C. (1989) El nazismo y los refugiados alemanes en la Argentina, 1933-1945. Buenos Aires
4. Petzina, D. (1977) Die deutsche Wirtschaft in der Zwischenkriegszeit. Wiesbaden
5. Schacht, H. (1969) 1933; Wie eine Demokratie stirbt. Düsseldorf-Wien
6. Schröder, H.-J. (1969) Die „Neue deutsche Südamerikapolitik“. Dokumente zur nationalsozialistischen Wirtschaftspolitik in Lateinamerika von 1934 bis 1936 // Jahrbuch für Geschichte von Staat, Wirtschaft und Gesellschaft Lateinamerikas, Band 6, S. 337-371
7. Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich. 1939/1940 (1940) Berlin.

ПОДСЕКЦИЯ «ИСТОРИЯ ДРЕВНИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ»

Сципион и Геркулес

Леус Владимир Александрович

аспирант

Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, Россия

E-mail: leus1983@mail.ru

Легенда о Сципионе Африканском окончательно сформировалась ко времени эпохи Августа. Но не всегда можно уверенно определить точное время возникновения отдельных ее элементов. Важно отметить, что античность не оставила нам полного описания Сципионовой легенды и сведения о ней весьма отрывочны. Легенда возникла еще при жизни Сципиона, позднее она формировалась, обогащаясь новыми сюжетами и изменениями уже известных. Проследить за этими метаморфозами трудно, но, осмыслив развитие легенды, можно будет выяснить отношение античных авторов к Сципиону и его эпохе. По меткому замечанию Ф. Уолбанка, если бы не осталось никаких иных свидетельств, то величие Сципиона и его значение для римского государства можно предположить исходя только из самого факта существования легенды (Walbank, 1967. P. 69).

Известно, что Ганнибал претендовал в своем походе через Альпы на божественное покровительство Геркулеса. В своем повествовании Ливий упоминает, что после взятия Сагунта Ганнибал отправился в Гадес, где он исполнил прежние обеты Геркулесу и дал новые (Кораблев, 1981. С. 66). Этот шаг Ганнибала свидетельствует о необходимости убедить своих воинов, союзников и врагов, что божество сражается на стороне карфагенян и победа его армии обеспечена (Лансель, 2002. С. 104).

Естественным ответом на пунийскую пропаганду могло стать желание римлян найти своего героя, окруженного ореолом божественного покровительства. Такого рода отношения уже не были необычными для римской религии, уже испытывавшей некоторое влияние со стороны греческих культов. Сколько было достойных полководцев – Квинт

Фабий Максим, Марк Клавдий Марцелл, Луций Эмилий Павел! Но ни о ком из них не сложилось столько чудесных рассказов и преданий, сколько их возникло вокруг фигуры Публия Корнелия Сципиона, победителя Ганнибала. Наиболее обширны его связи с Юпитером и Геркулесом (Walbank, 1967. P. 55. Anderson, 1928. P. 31–37).

Наиболее раннее сравнение Сципиона с Геркулесом следует искать в комедии Плавта «Амфитрион». Плавт был современником Сципиона и его произведения должны были быть злободневными. Произведения Плавта часто служат источником по изучению эпохи Пунических войн. Комедия «Амфитрион» датируется около 190 г. до н. э. и в качестве зрителей ее могли видеть как ветераны кампаний Сципиона, так и он сам. Фигурный анализ пьесы Плавта сделал в специальной работе К. Галинский (Galinsky, 1966. P. 203–235). Он утверждает, что Сципион сравнивается в пьесе и с Юпитером, и с Амфитрионом. Меркурий в 27 строке представляет Юпитера как человека, несмотря ни на что: *humana matre natus humano patre*. Строго говоря, это строка относится только к актеру, играющему роль Юпитера, но она могла означать и то, что «нынешний Юпитер», Сципион, не более чем простой смертный.

Теперь обратимся к другому современнику Сципиона, поэту Эннию – певцу его подвигов. Вклад Энния в Сципионову легенду значителен. Считается, что ему принадлежит первенство в создании канонического круга римских героев – Либер, Эак, Диоскуры, Геркулес и Ромул – позднее сыгравших свою роль не только в обожествлении римских императоров, но даже повлиявших на учение о христианских святых. Предполагают, что Энний также пытался героизировать и Сципиона (Бобровникова, 1997. С. 42). И основным доказательством этого было двустишие Энния, сохраненное Цицероном (Rep. fr. 6), Сенекой (Ep. 108. 34) и Лактанцием (Div. Inst. I. 18): *Si fas endo plagas caelestum ascendere cuiquam est, || Mi soli caeli maxima porta patet...*

Верно, что идея героизации вовсе не римская, но Энний и не был римлянином, он родился в Калабрии, Великой Греции, где процветал культ героев. Предположение, что сам Сципион способствовал продвижению в Риме греческой идеи героизации и апофеоза аргументировано отвергнуто Х. Скаллардом (Scullard, 1970. P. 22).

Круг римских героев, следуя за Эннием, повторяет Гораций (Carm. IV. 8), где под *Calabrae Pierides*, скорее всего, подразумевается Энний, превознесший Сципиона более чем подвиги великого полководца. Далее Гораций перечисляет людей, перенесенных в божественные выси.

И еще одно, насколько можно судить, современное Сципиону свидетельство. В Капуе было найдено золотое кольцо, на котором помещен портрет, подписанный *Heracleidas*. Изображение ассоциируют со Сципионом Африканским. Форма кольца, тип портрета и исполнение указывают на то, что изготовлено оно было в период конца III – начала II вв. до н. э. Более того, в античной традиции встречается упоминание о существовании перстня с изображением Сципиона: Валерий Максим (III. 5. 1) сообщает, что Луций, сын Сципиона, носил кольцо, *in quo caput Africani sculptum erat*. Нас больше всего интересует надпись. Но, к сожалению, из доступной мне литературы об этой находке сообщает лишь Х. Скаллард (Scullard, 1970. P. 250).

Дальнейшее развитие тема Геркулеса в легенде о Сципионе получает в поэме Сиция Италика «Пуническая война». И наиболее значителен эпизод, когда Сципион находится на распутье двух дорог, как пишет А. Р. Андерсон (Anderson, 1928. P. 36). Публий, безбородый юноша, обдумывая, стоит ли ему возглавить войско римлян в Испании, встречает Наслаждение (*Voluptas*) и Доблесть (*Virtus*), которые предлагают ему выбрать ту, за кем он последует. Призыв Доблести обладает явно большей ценностью. Доблесть говорит, что души простых смертных попадают в мрачные подземелья, а тем, кто обязан своим зарождением роду богов, открыта дверь неба. И затем следует описание подвигов уже известных нам героев.

Секст Аврелий Виктор, автор IV в. н. э., в приписываемом ему труде «О знаменитых мужах города Рима» открывает свою краткую биографию Сципиона словами, что младенца Сципиона обвила змея, не причинив ему никакого вреда. Аналогичным образом змеи, подосланные Герой, появились у младенца Геркулеса и также тот остался невредим. Правда этот рассказ Аврелия Виктора имеет довольно позднее происхождение, ведь еще Цицерону не было известно о существовании такой легенды о Сципионе.

Но перечисленные выше фрагменты Цицерона, Горация, Сенеки, Силия Италика, Лактанция, *De viris illustribus* можно принять за литературное упражнение – некий топос, «общее место» для более поздних авторов, сравнивавших полководца древности с легендарным греческим героем. И очень важно отделить ядро легенды о Сципионе от позднейших напластований. При отсутствии надежных свидетельств, относящихся к эпохе Сципиона, я все же считаю, что идея сравнения Геркулеса и Сципиона зародилась еще при жизни последнего.

Литература

1. Бобровникова Т.А. Сакрально-правовые и философские взгляды Квинта Энния // Древнее право. *Ius antiquum*. М., 1997. № 1 (2). С. 40–44.
2. Кораблев И.Ш. Ганнибал. М., 1981.
3. Лансель С. Ганнибал. М., 2002.
4. Anderson A.R. Heracles and His Successors // *Harvard Studies in Classical Philology*. 1928. Vol. 39. P. 7–58.
5. Galinsky G.K. Scipionic Themes in Plautus' *Amphitruo* // *Transactions and Proceedings of American Philological Association*. 1966. Vol. 97. P. 203–235.
6. Scullard H.H. *Scipio Africanus: Soldier and Politician*. London, 1970.
7. Walbank F.W. The Scipionic Legend // *Proceedings of the Cambridge Philological Society*. 1967. Vol. 13. P. 54–69.

Афина Ассесия: постановка проблемы

*Савинов Александр Александрович*⁴⁵

аспирант

Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского

E-mail: alexandr_savinov@list.ru

При изучении греческой религии основными примерами являются крупные святилища и храмовые комплексы. Подобные Афинскому акрополю, дельфийскому храмовому комплексу или олимпийскому. Однако наряду и ними возникали и укреплялись совсем не большие по площади и общеэллинскому значению святилища, которые, будучи во многом схожи со ставшими «классическими» Парфеноном или святилищем Аполлона в Дельфах, оставались во многом уникальны и самобытны. Особенно ярко, как мне кажется, вышеупомянутые черты проявляются в культе находящемся не на земле Эллады (здесь имеется Балканский полуостров), а в греческих (или относительно греческих) полисах побережья Малой Азии. Одним из крупнейших городов-государств малоазийского побережья является Милет, древний город в Ионии, у устья р. Меандр. Появление греков в Милете относится, примерно, к XVI в. до н. э. (Gorman V. 2001) В XIV в. это был крупный ахейский город с мощными, хорошо укрепленными стенами. На рубеже II–I тыс. до н. э. в Милет переселилась новая волна греков – ионийцы (Greaves A. 1998). Согласно античной традиции, около 1100 года до н. э. ионийцы из Аттики во главе с сыном афинского царя Кодра Нелеем заселили Милет (Кобылина М. М. 1965, Борухович В. Г. 1985). В VIII–VI вв. он становится торговым, ремесленным и культурным центром античности (Wycherley R. E. 1942, Webster T. B. L. 1936, Roebuck C. 1953, Akurgal E. 1962).

Однако речь пойдет не совсем о Милете, а о полисе не далекопод названием Ассес. Информации о нем очень не много. Геродот пишет, что во время войны лидийцев с Милетом, царем Алиаттом был сожжен храм Афины Ассесии. По возвращению же в Сарды Алиатт занемог и отправил послов в Дельфы узнать причину. Пифия дала ответ, что бог не даст им пророчания, пока они не восстановят сожженный храм Афины, что у Ассеса в земле милетян (Hdt. I.19). В последствии Алиатт воздвиг два храма Афины Ассесии вместо одного и

⁴⁵ Автор выражает благодарность доц. Габелко О. Л., поскольку идея статьи родилась после прочтения его монографии «История вифинского царства».

исцелился от своего недуга. Как оказывается, эта история уже в античности была известна многим авторам. Николай Дамасский (Fr. 54), Геродиан (Herod.), Полиэн (Strat. VI.47), Стефан Византийский (Ethnica), сообщают нам о храме Афины в Ассесе (Полиэн, Геродиан, Стефан Византийский поясняют, что заимствовали свой рассказ).

Вот, пожалуй, что и вся информация об Ассесе у древних авторов. В таком случае необходимы ответы могут дать археологические данные. Раскопки Милета и его окрестностей ведутся 1903 года. Материал за пять лет (1903–1908 гг.) был опубликован Армином фон Герканом в 1925 году в его книге «Калабектепе, храм Афины и его окрестности». Примерно в конце 30-х годов, а затем снова в 1955–1957 гг. экспедицией руководил Карл Вайкерт, он занимался систематизацией материала. В 1968 году свет увидела статья Алфреда Малковица и Вольфганга Ширинга под названием «Древний храм Афины близ Милета» (Mallwitz A., Schiering W. 1968), спустя 7 лет Малковиц (Mallwitz A. 1975) публикует новую работу «Внешний вид и устройство нового храма Афины не далеко от Милет». И наконец в 2000 году появляется вторая часть «Исследований Милета», которая представляла собой монографию Винфрида Хелда «Храм Афины в Милете» (Held W. 2000), в которой подробнейшим образом проанализирован археологический материал. Данные археологии преподносят следующую картину: в самом Милете и окрестностях находятся три святилища Афины. Самое древнее из них датируется примерно IX в. до н. э., следующий по хронологии храм VI в. Более позднее святилище IV в. В расчет не берется. Но с уверенностью сказать о каком из них рассказывает Геродот можно только примерно. Скорее всего, это было храмовое сооружение VI в., однако точного ответа могут дать лишь новые археологические материалы в окрестностях Милета касающиеся культа Афины или точная локализация полиса Ассес, с дальнейшим выявлением его священных мест.

Литература.

1. *Akurgal E.* The Early Period and the Golden Age of Ionia // *AJA.* 1962. Vol. 66. No. 4. P. 369–379.
2. *Cook R. M.* Ionia and Greece in the Eighth and Seventh Centuries B.C. // *JHS.* 1946. Vol. 66. P. 67–98.
3. *Dümmler F.* Athena // *RE.* Bd. II. 2. Stuttgart, 1896. Sp. 1941–2020.
4. *Gerkan, von A.* Kalabaktepe, Athenatempel und Umgebung. Berlin, 1925.
5. *Gorman V.* Miletos: The ornament of Ionia. London, 2001.
6. *Greaves A.* Milet: a History. London, 1998. P. 74–131.
7. *Held W.* Das Heiligtum der Athena in Milet // *Milesische Forschungen.* Mainz, 2000.
8. *Mallwitz A.* Gestalt und Geschichte des jungeren Athenatempels von Milet // *IstMitt.* 1975. Bd. 25. 67–90.
9. *Mallwitz A., Schiering W.* Der alte Athenatempel von Milet // *IstMitt.* 1968. Bd. 18. S. 87–160.
10. *Roebuck C.* The Economic Development of Ionia // *CPI.* 1953. Vol. 48. No. 1. P. 9–16.
11. *Webster T. B. L.* Ionia in the Sixth Century B. C. // *G&R.* 1936. Vol. 6. No. 16. P. 1–18.
12. *Wycherley R. E.* The Ionian Agora // *JHS.* 1942. Vol. 62. P. 21–32.
13. *Борухович В. Г.* Архаический Милет (Проблемы социально-политической истории) // Проблемы политической истории античного общества. Л., 1985. С. 4–28.
14. *Габелко О. Л.* История Вифинского царства. СПб., 2005. С. 5–6.
15. *Кобылина М. М.* Милет. М., 1965.

Религиозные преобразования царя Антиоха IV в Иудее

Смирнов Святослав Викторович

студент

Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского

E-mail: smirnosv3@yandex.ru

Воцарение Антиоха IV на престоле государства Селевкидов ознаменовало собой начало нового фазиса в развитии государства. Новый политический курс и два успеш-

ных похода в Египет ненадолго вывели страну из кризиса, который имел место в период правления Селевка IV. Но на фоне, казалось бы, общего благополучия ярко выделяется инцидент с Иудеей. Как можно расценивать разграбление Иерусалима царскими войсками и попытки самого царя уничтожить иудейскую религию?

Разразившаяся междоусобная война в Иерусалиме в 168 г. до н. э. заставила царя в срочном порядке покинуть Египет и разрешить возникший конфликт силой. Всю вину за такие действия Антиоха можно возложить на олигархические кланы самих евреев. Фактически, если бы они не начали войну между собой, и тем самым не спровоцировали царя, то вряд ли Антиох стал заострять внимание на этом регионе. Вся иудейская литература этого периода фиксирует глубочайший кризис еврейского общества. Процессы эллинизации так сильно затронули Иудею, как ни одну другую область державы Селевкидов (Will E. 1982). И сами иудеи прекрасно это осознавали. Нет, пожалуй, ни одного иудейского апокалипсиса этого периода, в котором бы не говорилось об отступниках среди иудеев (*Dan.* 11. 32; *Ps. Sal.* 4. 1–3; итс.). Действия Антиоха породили в Иудее мощнейший национальный подъем, который вылился в войну за независимость. Сложно сказать, что бы было в том случае, если бы царь не вмешался во внутренние дела Иудеи. Но Антиох поступал как разумный правитель: народ, поднявший восстание, должен был понести наказание. Ситуация усугублялась еще тем, что мятежная Иудея находилась в тылу царского войска, стоявшего в то время в Египте. Однако иудеи могли действовать с подачи Рима (Scullard H. H. 1951). В подтверждение того необходимо заметить, что иудеи уже предпринимали попытки отправить послов в Рим (*II Mach.* 4. 11). Тогда становится ясным, почему Антиох так быстро отреагировал на призыв изгнанных Товиадов о помощи (*Jos. De bello.* I. 1).

Но есть объяснение и действиям царя в отношении религии иудеев. Посидоний и пересказывавший его Диодор Сицилийский в своих трудах, в контексте описаний деяний Антиоха, выделяют утверждение о замкнутости евреев, их нежелании идти на контакт с другими народами (Poseid. Fr. 109. J 87 = Phot. Bibl. 244 p. 39 a 34. 2; *Diod. XXXIV-XXXV.* 1, 3). Это свидетельство Посидония о ксенофобском характере еврейской культуры является, пожалуй, самым показательным из всех сохранившихся от эпохи эллинизма (Berthelot K. 2003).

Значит, причина всех гонений на иудеев может заключаться в отличии их традиций и религии от греческих представлений. Получается, что, по сути, весь уклад жизни евреев был ксенофобским, а значит, этот народ не был способен встать на курс будущих реформ селевкидского царя, направленных на укрепление централизации государства. И с этой точки зрения действия Антиоха носят вполне оправданный характер. Конечно, много проще уничтожить или придать репрессиям непослушный народ, чем пытаться учитывать его религиозно-культурное наследие в процессе осуществления общегосударственных реформ.

Таким образом, можно говорить, что Антиох Эпифан в своих действиях преследовал исключительно политические цели (Sherwin-White S., Kuhrt A. 1993). К таковым можно отнести и введение царского культа на территории Иудеи, призванного, скорее всего, поднять авторитет царской власти, и никак не указывающего на попытки унификации всех культов в державе.

Итак, возможно отметить две основные причины столь жестоких действий Антиоха Эпифана. Во-первых, все гонения на иудеев в этом регионе – лишь дело самой иудейской олигархии, вовлекшей в свои междоусобицы греческую силу, что повлекло за собой вполне предсказуемые последствия, во-вторых, религиозно-культурная традиция иудеев, призванная к отрицанию всего чужеземного. С этой позиции царь просто расчищал дорогу будущим государственным реформам.

Литература.

1. Berthelot K. Poseidonios d'Apamée et les juif // JSJ. 2003. Vol. 34.
2. Sherwin-White S., Kuhrt A. From Samarkhand to Sardis. Berkeley–Los Angeles, 1993.
3. Scullard H. H. Roman Politics, 220–150 b.c. Oxford, 1951.
4. Will E. Histoire politique du monde hellénistique (323–30 av. J.-C.). Nancy, 1982. T. 2.

Конные «разведчики» Александра Великого**Соколов Игорь Юрьевич**

студент

*Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского**E-mail: ingvarhist@yandex.ru*

Обозначенная тема интересна по двум причинам. Во-первых, считается, что Александр был хорошо осведомлен о ситуации в Персии и о местоположении вражеских войск, а так же об условиях местности, по которой предстояло пройти его войску (Шофман А. С. 1972). Отчасти он собирал эту информацию еще до начала похода, но большую часть сведений предоставляло ему подразделение, о котором здесь пойдет речь. Во-вторых, период IV века до н. э. – это период когда главное место в сражениях постепенно начинает занимать конница, что в свою очередь не могло не отразиться и на этом отряде (Блаватский В. Д. 1946).

Этих всадников источники обозначают двумя терминами: «продромы» и «сариссофоры» (Arr. Anab. I.12.7; I.13.1–2; I.14.1–2; I.14.6). Они входят в состав разведчиков, который также дополнен илой гетайров. Сразу отметим, что термин «разведчики» здесь, не вполне соответствует современному его пониманию. Для периода Александра это достаточно большой, по преимуществу, конный отряд, который движется перед войском и часто вступает в стычки с малыми силами противника. Этимология самого термина, который переводится на русский язык как «разведчики» указывает на то, что для них важно было получать информацию при помощи зрения (Chantraine P. 1968). В этом заключалась основная их функция в этом качестве. Осуществлению поставленных задач, безусловно, способствовало вооружение этого контингента, основной составляющей которого были уже упоминавшиеся продромы. Они были легковооруженными. Информация об этом содержится на фреске из так называемой «гробницы Кинча». Всадники сражались длинными копьями, которые источники обозначают как сариссы (Ibid. I.14.1; I.13.1), вторым наступательным оружием был меч, в основном греческих и скифских типов. Голову воина защищал шлем, а тело, вероятно легкий панцирь, который имел кожаную или льняную основу, на которую в верхней его части крепилась металлическая пластина, прикрывавшая верхнюю часть груди, а иногда шею (Мелюкова А. И. 1979). Все это так же частично подтверждается изображениями из Казанлыкского склепа, который считается фракийским (Мавродинов Н. 1954), а так же археологическими находками на территории древней Фракии (Мелюкова А. И. 1979). Вообще вопрос об этническом происхождении продромов в исторической литературе остается дискуссионным (Head D. 1982), но ряд доводов в пользу того, что это были фракийцы можно продолжить. Имеется ряд сообщений о наличии у фракийской пехоты копий, называемых сариссами, и данные о кампании Филиппа во Фракии 339 г. до н. э., где на него напали трибаллы, и он был сброшен с лошади ударом сариссы, как об этом рассказывает Дидим (In Demosth. col. 13.v.3–7) (Дройзен И. Г. 1995, Brunt P. A. 1963, Milns R. D. 1966, Tarn W. W. 1950, Коннолли П. 2001). М. Маркл считает, что в это время македонские всадники еще не были вооружены длинными копьями и что именно после этого инцидента конница «друзей» получила подобное оружие (Markle M. M. 1978). Кроме того, есть сообщение Диодора, где он перечисляет контингенты армии Александра, переправившиеся в Азию, и продромы, которые указываются вместе с пеонийцами, открыто называются фракийцами (Diod. XVII.17.3–5). Интересно, что в этом сообщении обозначенные варварские племена имеют общее командование, указана так же их общая численность, чего нет для других контингентов. К тому же, Арриан в одном из отрывков напрямую указывает на то, что пеонийцы входили в состав продромов (Arr. Anab. III.8.1). Однако есть отрывки, где первые и вторые упоминаются отдельно (Ibid. I.14.6; III.12.3; I.14.1–2). В итоге получаем, что фракийские и пеонийские контингенты постоянно действуют вместе, а значит, и первые и вторые выполняют функции продромов. Вероятно, этим обстоятельством объясняется некоторая сбивчивость наших источников. Из этого же можно сделать вывод о сходстве вооружения этих отрядов.

Этимология термина «продром» указывает на то, что эти всадники не только находились впереди войска на марше, но и первыми начинали сражение (Chantraine P. 1996, Liddel H. G., R. Scott. 1996). Об этом свидетельствуют данные о первых крупных столкновениях Александра и персов: битвы при Гранике (Ibid I.14.6) и Иссе (Ibid II.9.2) (Фуллер Д. 2003, Дельбрюк Г. 1999).

Таким образом, получаем, что продромы и сариссофоры это одно и то же подразделение, которое входит в состав «разведчиков». Продромовы выполняли ряд важных функций в армии Александра, связанных в первую очередь с разведкой и рекогносцировкой. Они же первыми начинали сражение, подготавливая тем самым основной удар конницы «друзей», который, как правило, и являлся решающим. Эти контингенты были легковооруженными, о чем свидетельствуют данные источников и сам род занятий продромов. Их вооружение состояло из длинного копья, меча, «фракийского шлема» и, возможно, какого-то легкого панциря. Из этого же можно сделать вывод о том, что эти подразделения набирались из соседних с Македонией варварских областей. Что же касается терминологии, то ее двоякость, вероятно, является следствием стремления античных авторов к максимальному обозначению тех функций, которые выполняло данное подразделение.

Литература.

1. Блаватский В. Д. Битва при Фате и греческая тактика IV в. до н. э. // ВДИ. 1946. № 1.
2. Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. СПб., 1999.
3. Дройзен И. Г. История эллинизма. Ростов-на-Дону, 1995.
4. Коннолли П. Греция и Рим: Энциклопедия военной истории. М., 2001.
5. Мавродинов Н. Живопись античной гробницы в Казанлыке // ВДИ. 1954. № 2.
6. Мелюкова А. И. Скифия и фракийский мир. М., 1979.
7. Фуллер Д. Военное искусство Александра Великого. М., 2003.
8. Шофман А. С. Армия и военные преобразования Александра Македонского // ВДИ. 1972 №1.
9. A Greek-English Lexicon / Comp. by H.G. Liddel, R. Scott, rev. by H.S. Jones. Oxford, 1996.
10. Brunt P. A. Alexander's Macedonian Cavalry // JHS. 1963. Vol. 83.
11. Chantraine P. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Histoire des mots, Vol. 1–3. Paris, 1968.
12. Head D. Armies of the Macedonian and Punic Wars, 359 b.c. to 146 b.c. Goring-by-Sea, 1982.
13. Markle M. M. The Use Sarissa by Philip and Alexander of Macedon // AJA. 1978. Vol. 82. № 4.
14. Milns R. D. Alexander's Macedonian Cavalry and Diodorus XVII. 17. 4 // JHS. 1966. Vol. 86.
15. Tarn W. W. Alexander the Great. Oxford, 1950.

Македония в период после битвы при Пидне и до восстания Андриска

Юрин Алексей Игоревич

студент

Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского

E-mail: zubyia@mail.ru

Битва при Пидне положила конец Третьей Македонской войне. Это событие считается переходной моментом в развитии внешней политики Рима. Теперь он становился самым могущественным государством Средиземноморья, что вскоре привело к отказу от политики патроната-клиентелы в межгосударственных отношениях в сторону образования римских провинций (Errington R.M. 1971, Briscoe J. 1967, Шофман А.С. 1963).

Но пока не было образовано провинции в Македонии, вместо этого она делилась на четыре республики. Причины этого следует искать как во внутреннем положении самого Рима (борьба различных групп в сенате), так и взрывоопасная ситуация в Македо-

нии (Шофман А.С. 1963, Scullard Н.Н. 1952). К тому же опыт первых отдаленных провинций (Ближняя и Дальняя Испании) показал, что управлять было ими сложно: здесь постоянно вспыхивали восстания местного населения. Возможно, подобных явлений Рим пытался избежать в Македонии, даровав ей «свободу» (то есть освобождение от царского господства и отсутствие непосредственного римского управления). Помимо этого, Македония сохраняла свои законы и самоуправление в городах. Римляне обязали македонян выплачивать подать; запрещалось рубить корабельный лес, разрабатывать золотые и серебряные рудники и ввозить соль (Liv.XLV.18,29).

Сама Македония была разделена на четыре независимые друг от друга республики, во главе каждой из которых стоял совет представителей civitates (Larsen J.A.O. 1976, Derow P.S. 1989).

Некоторые исследователи полагают, что полностью запрещались экономические и социальные контакты между разными республиками (Errington R.M. 1971; Scullard Н.Н. 1952). Однако в письменных источниках об этом упоминаний нет. Ливий лишь сообщает (XLV.29.10), что воспрещались браки и купля-продажа земли и зданий между представителями разных республик.

Не до конца ясны обстоятельства, связанные с торговлею солью. Дероу (Derow P.S. 1989) полагает, что лишь дарданам предоставлялось исключительное право ввозить соль. Но Ливий (XLV.29.11-13), описывая этот момент, использует слово commercium, которое следует в данном случае переводить как право торговать. Более того, согласно тому же Ливию (Ibid.), дарданы имели право покупать соль в Третьей республике, то есть экспортировать, а не импортировать соль. Ввоз соли воспрещался, как указано выше. Однако, не понятны мотивы римлян в данном мероприятии, поскольку в Македонии имелись свои места добычи соли.

Разделение Македонии на четыре республики носило не географический характер. Из всех естественных ориентиров точным можно назвать лишь реку Аксий, разделявшую Вторую, Третью и Четвертую республики (Liv.XLV.29.5-9).

Македония дробилась, вероятнее всего, по этническому принципу. Каждую республику населяли несколько небольших племен, живших только в одной республике (Liv.XLV.30.3-6). Исключение составляют пеонийцы. В силу своей многочисленности и сплоченности их область Пеония была разделена между Второй, Третьей и Четвертой республиками.

Подобная мера, собственно как и разделение Македонии, служило цели ослабления чувства единства македонян и других племен. Ясно, что из-за подобного разделения республики стали неравными в экономическом плане.

Самой сильной в этом отношении становилась Первая республика, обладавшая богатыми природными ресурсами (Liv.XLV.30.3). Вторая и Третья республики находились в более или менее хорошем экономическом положении. Четвертая же республика оказывалась самой отсталой в силу своей отдаленности от городских центров остальной части Македонии и в силу большого влияния на эти области варваров (Liv.XLV.30.7).

После упразднения монархии центр политической жизни переносится в города, в особенности в столицы четырех республик. Города являлись также важными пунктами экономической жизни страны. Считается, что внутренняя торговля по сравнению с транзитной и внешней не получила должного распространения (Шофман А.С. 1963). Некоторые исследователи утверждают, что после 167г. до н.э. прекратили свое существование любые экономические связи между республиками (Errington R.M. 1971; Scullard Н.Н. 1952). Такая точка зрения кажется маловероятной. Этому нет подтверждений в письменных источниках. Скорее всего, торговля, как внутренняя, так и внешняя, продолжалась.

О последующий годах до восстания Андриска (150-148гг. до н.э.) у нас имеются обрывочные сведения (Polyb.XXXI.2.12; 17.2; XXXV.4.10-11), и все они сходятся в одном: внутри македонских республик постоянно происходили смуты. В итоге из-за сложного внутреннего положения вспыхнуло восстание Андриска, после подавления которого четыре республики прекратили свое существование. Вместо них была образована провинция Македония, куда вошли также Эпир и Иллирия.

Литература.

1. *Errington R.M.* The Dawn of Empire. Rome's Rise to World Power. London, 1971. P. 221
2. *Briscoe J.* Rome and the Class Struggle in the Greek States 200-146 B.C. // PP. 1967. № 36. P.3–20;
3. *Шофман А.С.* История античной Македонии. Казань, 1963. Ч. 2. С. 296.
4. *Larsen J.A.O.* Representative Government in Greek and Roman History. Berkeley-Los Angeles, 1976. P. 103–104;
5. *Derow P.S.* Rome, the Fall of Macedon and the Sack of Corinth // САН². P. 318.

ПОДСЕКЦИЯ «ИСТОРИЧЕСКАЯ ИНФОРМАТИКА»

Международная ассоциация “History and Computing” в ресурсах сети Интернет

Горбачева Надежда Георгиевна

студентка V курса

*Пермский государственный университет, Историко-политологический факультет,
Пермь, Россия*

E-mail: Gorbacheva@psu.ru

В 2006 году исполняется двадцать лет с момента основания крупнейшей международной организации, объединяющей историков, использующих компьютер в исторических исследованиях и образовании. Международная ассоциация “History & Computing” (АНС) за два десятилетия своего существования сыграла важную роль в развитии процессов информатизации и компьютеризации исторической науки и образования, в возникновении и становлении такой новой и важной области исторического знания как историческая информатика.

Изучение Ассоциации, анализ направлений ее деятельности и функционирования национальных отделений невозможно сегодня без рассмотрения ресурсов сети Интернет.

При фразовом запросе “Association for History and Computing” и его вариациях в различных поисковых системах (как российских, так и зарубежных) число ссылок составляло не менее 3 506 единиц. Однако, несмотря на то, что не все полученные ссылки релевантны, можно убедиться в достаточно большом количестве ресурсов, посвященных АНС. Не ставя задачи рассматривать все информационные ресурсы, содержащие любую информацию по АНС, дадим краткий обзор наиболее крупных и значимых ресурсов.

Наиболее крупные ресурсы, связанные с деятельностью Международной ассоциации “History & Computing” можно разделить на следующие группы:

- сайт Международной ассоциации “History & Computing” и его зеркала;
- сайты и страницы национальных ветвей и региональных отделений АНС и организаций, входящих в ее состав;
- ресурсы конференций, проводимых АНС и ее отделениями;
- ресурсы, посвященные различным аспектам деятельности Ассоциации.

Сайт АНС (grid.let.rug.nl) содержит в себе разностороннюю информацию по составу и деятельности АНС, научным мероприятиям (конференциям), проведенным Ассоциацией. На сайте расположены уставные документы (такие, как Конституция АНС), даны адреса национальных ветвей АНС, ассоциированных организаций и других информационных ресурсов. Особый интерес представляют публикации дискуссионных статей.

При изучении истории АНС невозможно обойтись без стенограмм заседаний Совета АНС. Этот ресурс доступен на странице О. Боонстры, секретаря Ассоциации (<http://www.ru.nl/ahc/secretar.htm>). Безусловный интерес представляют и личные страницы лидеров АНС – П. Доорна (https://www.dans.knaw.nl:10091/nl/over_dans/organisatie/peter_doom/), М. Таллера (<http://www.hki.uni-koeln.de/people/thaller/mt.html>) и других.

К сожалению, не вся обнаруженная по АНС информация доступна. Особое сожаление вызывает невозможность использования электронной версии Журнала АНС.

Большой интерес представляют сайты национальных и региональных ветвей АНС. Изучение расположенного на них материала позволяет выявить общее и специфику в проблематике деятельности, организации и функционировании национальных отделений, представить вклад каждой ветви в развитие исторической информатики.

Среди просмотренных, наиболее информативны сайты национальных ветвей АНС – российской (aik.org.ru), американской (www.theaahc.org), канадской (www.chahc.ca/cchc-cchi) и британской (www.gla.ac.uk/centres/hca/ahc) и ряда других. Сходство по содержанию этим сайтам придает наличие истории национальных отделений, периодически обновляющиеся новостные страницы. Как правило, в открытом доступе на них находятся многие издания отделений (в том числе и периодические), библиографическая информация, ссылки на различные тематические ресурсы и т.д. Важно, что российское и американское отделения выставили в открытый доступ собственные периодические издания. Интересно заметить, что на сайтах американского, британского отделений АНС представлена информация и о проведенных летних школах и тематических тренингах. Так, краткий обзор со ссылками на ресурсы о проведенных школах можно найти на сайте американской ветви АНС по адресу <http://www.mcel.pacificu.edu/JANHC/JANHCII2/NOTICESII2/NoticesII2.HTML>.

На сайтах этих организаций расположена и информация о конференциях АНС и ее национальных отделений.

Следует отметить, что в практике АНС принято создание специальных сайтов ее крупных конференций. В этом плане выделяется сайт XVI Международной конференции Ассоциации “History and Computing” (www.ahc2005.org), которая проводилась 14-17 сентября 2005 года в Нидерландах. На сайте выставлены тезисы докладов, программа конференции, список членов организационного комитета и участников конференции. Страницы сайта, посвященные XV Международной конференции АНС (www.rhd.uit.no/ahc), также содержат программу конференции, тезисы докладов и многие презентации. Кроме сайтов крупных конференций АНС (а они проводятся Ассоциацией один раз в два года), существуют и страницы, посвященные ежегодным конференциям национальных отделений. В них также представлена вся необходимая информация об этих научных встречах.

Для обсуждения научных проблем, вопросов, связанных с развитием АНС и обмена мнениями был создан Дискуссионный лист (www.h-net.msu.edu/~ahc/). Такая форма диалога научного сообщества создает возможность интерактивного участия в обсуждении насущных проблем. Отслеживать изменения в АНС позволяют рассылки, относящиеся к разным вопросам деятельности Ассоциации.

Кроме рассмотренных, специальных, созданных Ассоциацией и ее региональными отделениями, в глобальной сети существуют и иные ресурсы, содержащие информацию об АНС. Чаще всего это справочные материалы, характеризующие АНС в целом и отсылающие к ресурсам самой Ассоциации. К таковым, например, относятся публикации в электронных энциклопедиях (Википедия - en.wikipedia.org/wiki/Association_for_history_and_computing).

Представленный обзор позволяет сказать, что Международная ассоциация “History and Computing” и ее деятельность достаточно хорошо представлена в ресурсах сети Интернет. Это создает благоприятные возможности для изучения деятельности международного сообщества, истории становления и развития такого важного направления в исторической науке, как использование компьютерных технологий в научных исследованиях и образовании. Ресурсы Интернет позволяют увидеть актуальные проблемы развития Ассоциации и ее национальных ветвей, стержневые направления и перспективы в исторической информатике. Однако, несмотря на обилие ссылок на разные информационные ресурсы, связанные с деятельностью АНС, многие из них, даже очень важные, не работают.

Сравнительный анализ трудовых конфликтов в металлообрабатывающей и текстильной промышленности ЦПР в 1895-1901 гг. (на основе базы данных)

Дорофеев Мария Александровна

студентка

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: tantra-nan@mail.ru

История рабочего движения в России интересует многих отечественных и зарубежных историков. Именно стачечное движение в дореволюционной России в значительной степени определило дальнейшее развитие страны. Главная цель данной работы – это создание электронного ресурса, основанного на базе данных, включающей сведения такого источника, который содержал бы наиболее полные и по возможности сопоставимые данные; разработка её структуры и анализ полученных данных. Важной задачей работы также является сопоставление результатов анализа сведений созданной базы данных по стачечному движению в металлообрабатывающей отрасли промышленности с аналогичной базой данных, характеризующей трудовые конфликты на текстильных фабриках того же периода .

Исследование конфликтов между рабочими и предпринимателями на предприятиях дореволюционной России получило в последние 10-15 лет новую источниковую базу - многотомное издание "Рабочее движение в России. 1895 - февраль 1917 г. Хроника" (Рабочее движение в России. 1895 - февраль 1917 г. Хроника. Вып. I-VI. М., 1992-1999). В 1992 – 2005 гг. вышли в свет 9 томов, содержащих описание тысяч стачек и других трудовых конфликтов в российской промышленности 1895-1903 гг. Это издание впервые включило достоверные, информативные и однородные данные о тысячах трудовых конфликтов в российской промышленности на рубеже веков. В подготовке выпусков Хроники были использованы не только архивные фонды, но и материалы прессы. Это – нелегальные, а позднее – легальные газеты и журналы конца XIX – начала XX веков, содержащие информацию о рабочем движении. «Исходной для сбора сведений о большинстве форм борьбы явилась разработанная методика сбора сведений о стачке как одной из основных форм борьбы пролетариата» (Рабочее движение в России. 1895 - февраль 1917 г. Хроника. Вып. I. М., 1992, с. 12). Таким образом, в хронике представлены первичные данные о каждом конфликте, что делает этот вторичным источник поистине уникальным в отечественной историографии.

На основе материалов "Хроники рабочего движения" нами была создана база данных по трудовым конфликтам на металлообрабатывающих фабриках и заводах Центрально-Промышленного Района в 1895-1901 гг. Создание БД осуществлялось нами на основе СУБД Microsoft Access. Все данные о трудовых конфликтах в металлообрабатывающей отрасли промышленности ЦПР с 1895 по 1901 гг., содержащиеся в "Хронике рабочего движения", находятся в одном файле "Hronica.mbd". БД состоит из двух таблиц (отношений): "Главная", созданная для ввода данных из статей "Хроники", и "Реквизиты", предназначенная для размещения ссылок на первичный источник. БД содержит более 20 информационных полей и более 100 записей по числу трудовых конфликтов за рассматриваемый период в указанном регионе. Собранная в БД информация позволяет проводить анализ по самым различным аспектам трудовых конфликтов, выявляя динамику средней численности участников трудовых конфликтов, их продолжительность, результаты и т.д. Созданная реляционная структура позволяет нам делать запросы с самыми разнообразными параметрами одновременно к обеим таблицам. Также необходимо отметить, что структура базы является весьма гибкой и позволяет добавлять любое поле и таблицу. Это было использовано в нашей работе и к «привычной структуре» базы, использованной другими исследователями ранее, было добавлено поле, вносящее информацию о наличии агитационных элементов на протяжении стачки.

В докладе проводится сравнение трудовых конфликтов в двух ведущих отраслях дореволюционной российской промышленности – текстильной и металлообрабатывающей (анализ стачечного движения рабочих-текстильщиков ЦПР был проведен на кафедре исторической информатики МГУ ранее). В результате проведенного анализа выявлен

ряд отраслевых особенностей в форме проведения и организации забастовок, в характере требований рабочих, реакции властей и администрации предприятий и т.д.

Мы не будем подробно описывать все те возможности, которые предоставляет исследователю представленная база данных, а лишь остановимся здесь на некоторых из них. Поскольку ядром базы данных является массив информации о стачечном движении в металлообрабатывающей промышленности в ЦПР в 1895-1901 гг, мы рассмотрим некоторые основные характеристики этого движения. Важно отметить, что полученные в процессе анализа базы данных параметры были использованы не только для составления более объективной картины, характеризующей трудовые конфликты в металлообрабатывающей промышленности, но и для сопоставления с данными, полученными при анализе базы данных, созданной на основе трудовых конфликтов в текстильной промышленности ЦПР в 1895-1901 гг. Наиболее показательной характеристикой является динамика общей численности участников трудовых конфликтов. Например, если в текстильной промышленности всплеск массовой борьбы рабочих приходится на 1897 г., то в металлообрабатывающей промышленности – на 1896 г., когда общее число рабочих, участвующих в трудовых конфликтах равнялось 4156 человекам. При анализе же динамики средней численности участников трудовых конфликтов «пики» средних значений как в текстильной промышленности, так и в металлообрабатывающей, приходится на 1899 год – 830 и 573 участника трудовых конфликтов соответственно. Первое место по продолжительности занимают однодневные трудовые конфликты – 62% от общего числа, самые же малочисленные конфликты – это те, которые проходили более 6 дней – около 1% от общего числа. Интересным для анализа также является соотношение результатов трудовых конфликтов. Необходимо отметить, что процент трудовых конфликтов с неизвестным исходом в "Рабочее движение в России. 1895 - февраль 1917 г. Хроника" весьма высок и составляет, как и в текстильной промышленности, около 26%. На основе имеющихся параметров мы получаем следующие данные: самый маленький процент от общего числа стачек в металлообрабатывающей промышленности составляют те из них, результатом которых являлось неудовлетворение требований рабочих – лишь 25%, а самый большой процент, где требования частично удовлетворены - 41%. Иная картина вырисовывается в текстильной промышленности, где, наоборот, самый маленький процент составляют те стачки, где требования были частично удовлетворены – 20%, а самыми многочисленными являются стачки с неудовлетворительным результатом – более 30%. В докладе приводится сравнительный анализ стачечного движения с использованием таблиц сопряженности и других статистических приемов.

Разработанная нами БД «Трудовые конфликты в металлообрабатывающей отрасли промышленности ЦПР в 1895-1901 гг.» и результаты анализа содержащейся в ней информации будут представлены на сайте кафедры исторической информатики в середине 2006 г.

Анализ данных о грузоперевозках Севастопольского торгового порта в 1867 – 1886 гг.

Коваленко Анастасия Геннадьевна

E-mail: violent_violet@mail.ru

После окончания Крымской войны у правительства не было иного пути восстановить разрушенный Севастополь, кроме как открыть севастопольский порт для международной торговли. В 1866 г. было учреждено Севастопольское карантинное агентство, деятельность его была начата в январе 1867 г. В том же году был упразднен военный порт, а еще раньше - военный карантин. И таможня, и Карантинное агентство были подчинены Феодосийским Таможенному и Карантинному округам соответственно. С 1867 г. Севастополь является международным коммерческим портом. Работы, в которых выявлялись бы роль и место Севастополя во внешней торговле России, практически отсутствуют. Наличие косвенных упоминаний и примерных данных в первую очередь говорит о существовании источников, на основе которых можно заниматься более глубоким изучением деятельности Севастопольского торгового порта, чему и посвящено настоящее исследование.

В фонде Карантинного агентства в Севастопольском архиве сохранились документы о товаро- и судообороте порта до 1888 года Таможенных книг по данному периоду, к сожалению, не сохранилось, что в принципе неудивительно, учитывая богатое военное прошлое Севастополя. От книг Карантинного агентства таможенные книги отличаются более точной и полной информацией о типе груза, его количестве, отправителе и получателе. Содержание книг – это опросы капитанов и показания шкиперов, бравшиеся со всех пришедших к Севастопольскому порту судов согласно Карантинному уставу.

Книги Карантинного агентства охватывают период 1867 – 1886 гг., но в общей массе данных есть пробелы. Так, полностью отсутствуют данные за 1868, 1869, 1871, 1874, 1881 годы. За остальные годы, кроме 1876 и 1885, не хватает данных за некоторые месяцы, в основном осенние и зимние, и только за два упомянутых выше года (1876 и 1885) сохранились полные данные о заходах судов в Севастополь. Объяснить отсутствие данных можно двумя причинами: либо они существовали, но физически не сохранились до настоящего времени, либо в соответствующие годы и месяцы не было заходов кораблей в порт. Вторая причина может быть применима как раз к осенним и зимним месяцам. Хотя Севастопольский порт является незамерзающим, в осенне-зимний период судоходство значительно ослабевает из-за штормов. Пробелы в данных, приходящиеся на период войны с Турцией, тоже вполне объяснимы. Намного труднее объяснить пробелы в данных за весенние или осенние месяцы, так как на эти месяцы обычно приходится самое большое количество приходящих судов. Это наводит на мысль, что отсутствующие книги существовали, но в силу неизвестных нам причин не сохранились.

Главной трудностью при анализе грузоперевозок стали пробелы в данных, а именно – ситуации, когда в источнике были отражены только несколько месяцев одного года. Тем не менее, за два года (1876 и 1885) сохранились полные записи по каждому месяцу за весь год, на основе которых были построены графики динамики грузоперевозок по месяцам внутри каждого года. Однако для восстановления отсутствующих данных требовался общий график, который строился следующим образом: сначала были построены отдельные графики для 1876 и 1885 гг., затем для каждого месяца было получено среднее количество заходов судов за этот месяц. На основе полученных средних значений для каждого месяца и был построен эталонный график помесечной динамики грузоперевозок.

Исходя из доли перевозок за каждый месяц «эталонной» годовой динамики, были реконструированы данные по тем месяцам, по которым отсутствуют сведения в источнике. Таким способом были получены оценки числа заходов судов в недостающих месяцах и построены графики динамики заходов кораблей в Севастопольский порт помесечно за каждый год. За годы 1870, 1882, 1886 сохранившихся данных для реконструкции было слишком мало (всего 3-4 месяца), поэтому графики динамики заходов судов за эти годы не приводятся, а все исследования проводились по тем годам, по которым имеются реальные данные не менее чем за 5 месяцев. После реконструкции данных по каждому году в отдельности, был построен общий график заходов судов в Севастопольский порт, на котором видно, что в период 1867 - 1877 гг. наблюдается некоторое затишье и даже спад интенсивности перевозок. Затем оно сменяется резким ростом интенсивности и пиком в 1878 - 1879 гг., во время военных действий, а после войны, в 1880 - 1885 гг. четко виден стабильный рост числа перевозок.

Однако Карантинные книги – не единственный источник для изучения деятельности севастопольского порта. Второй источник – это Обзор внешней торговли России, из которого были взяты данные по Севастополю за указанные годы. Принимая во внимание особенности источника – обобщенность и полноту, можно сказать, что результатами анализа содержания этого источника носят общий характер, без той детальности, которую предоставляли книги Карантинного агентства. Однако на материалах этого источника, на материалах Обзора, есть возможность анализировать не только грузопоток импорта, но и данные об экспорте товаров и сырья, что особенно важно для выяснения роли и места Севастополя во внешней торговле России. Так, можно утверждать, что для Севастополя доминирование того или другого направления грузопотока в разные годы очевидно: до 1876 г. Севастополь ориентировался на импорт более чем на экспорт, а с 1877 г. Севастопольский порт вполне справедливо можно называть экспортным.

Особую роль в данном исследовании занимает изучение и анализ национальной принадлежности кораблей - флагов, под которыми они совершали свои рейсы. Для анализа были взяты данные о флагах, содержащиеся в Обзоре внешней торговли, как наиболее полные, достоверные и упорядоченные. Основной поток грузоперевозок осуществлялся на российских и турецких судах, роль которых, в свою очередь, менялась в зависимости от времени и политической ситуации. Как в экспорте, так и в импорте, период существенных колебаний роли кораблей, как с турецким, так и с российским флагом, после 1880 года сменяется периодом относительной стабильности. Единственное отличие в данном случае – это конец изучаемого периода, 1886 г., когда роль турецких судов растет, а роль российских наоборот, уменьшается.

В отличие от Карантинных книг, в Обзоре представлена информация обо всех без исключения товарах, прошедших через Севастопольскую таможенную, однако главный интерес для нашего анализа представляют только основные товары, т.е. лидирующие по количеству. Просуммировав количество каждого груза за весь изучаемый период (отдельно для экспорта и импорта), мы получили список основных товаров. В экспорте лидируют зерновые культуры (пшеница, рожь, ячмень, овес), мука и железо. В импорте – уголь, хлопчатая бумага, рельсовое железо и цемент. Учитывая потребности развивающегося города, набор основных импортных товаров вполне объясним. Уголь и рельсовое железо ввозились для строительства железной дороги, о чем свидетельствуют многие источники. Цемент, по всей видимости, был необходим для строительства как самого города, так и порта, т.к. они развивались в зависимости друг от друга и достаточно быстро. Подробное изучение экспорта и импорта товаров через Севастополь позволяет рассмотреть сразу два аспекта истории города: изучение экспорта дает представление о роли Севастополя во внешней торговле России, т.к. Севастополь официально считался экспортным портом, а изучение импорта позволяет нам судить об общей ситуации в городе и о его развитии.

Методика, применявшаяся в данном исследовании, т.е. использование местных архивных материалов в сочетании с официальными статистическими данными, может быть успешно применена и для исследования деятельности других коммерческих портов Крымского полуострова.

Литература.

1. Книги Карантинного агентства, Государственный архив г.Севастополя, фф.19, 22.
2. Обзор внешней торговли России по европейской и азиатской границам за 1867 – 1886 гг., издание Департамента таможенных сборов, СПб, 1868 – 1887 гг.

Лидеры коммунистического движения России в начале XX и XXI вв.: сознание личности и коллективное бессознательное народа

Путилин Сергей Владимирович

аспирант

Курганский государственный университет, Курган, Россия

E-mail: poutilin@yandex.ru

Социокультурная ситуация в современной России во многом напоминает обстоятельства столетней давности. «Мы обнищали», «нас угнетают», «Настал предел терпению» - раздавались крики отчаяния россиян в начале XX века (Хрестоматия, 2003, с. 351). Незавершенность модернизационных процессов во всех сферах жизни общества привели к низкому уровню материального благосостояния значительной части населения, отсутствию средних социальных слоев и, наконец, к коренной ломке всего государственного и социального организма в 1917 году. Что мы наблюдаем сегодня? «Ужасающее материальное положение», «трудно сводить концы с концами» - это фразы россиян начала XXI века (Якушева Т. В., 2003). В современной России бедность является одной из «острейших социальных проблем» (Федотовская, 2003, с 213), периодически происходят различные демонстрации и волнения, по-прежнему не сформирован устойчивый средний класс. Следовательно, в обществе имеет место напряженность. Надолго ли хватит терпения у людей? Эти обстоятельства принято называть объективными.

В сложных исторических условиях особую роль играют субъективные факторы – люди, которых принято называть историческими личностями. Поэтому является актуальным исследование и сравнение психологических особенностей личностей В. И. Ленина В. И. и Г. А. Зюганова - двух лидеров радикального (коммунистического) движения России и их воздействие на народные массы. Как известно, психика человека включает в себя два крупных элемента: сознание и бессознательное.

Реконструкция психики лидеров радикального (коммунистического) движения в России и воздействие на население осуществляется с помощью четырех компьютерных программ: URS v. 1.1, WordTabulator v. 2. 2. 3, Пси Офис в. 2. 1, Vaal mini. Для анализа создается электронная источниковая база (различные личностные произведения, ориентированные на общественность), которая включает в себя около 4 млн. знаков произведений В. И. Ленина и 5 млн. знаков трудов Г. А. Зюганова.

Иерархия ценностей сознания рассматриваемых личностей формируется с помощью программы URS, которая подсчитала частоту употребления всех слов - значений в файле (во внимание принимались только слова, употребляемые свыше 100 раз в тексте источника). В. И. Ленин наиболее часто упоминает слова «рабочие» (14,2%) и «государство» (12,2), а для лидера КППФ ключевыми ценностями являются «люди» («люди», «человек», «человечество», «общество», «народ») (19%) и Россия (17%). Что обозначают данные понятия? С помощью программы WordTabulator выясним ближний контент-анализ основных значений. В представлениях лидера большевиков «рабочие» ассоциируются с социальной группой, общностью («рабочий класс», «рабочих масс», «рабочим движением»), а «государство» трактуется как «машина» и «власть» («государственная власть», «государственная машина»). Для Г. А. Зюганова слова «человек» и «народ» связаны, главным образом, с большим количеством («миллионов человек», «тысяч человек»), «Россия» же понимается им в качестве определенной целостности («единая Россия», «целостность России») и территориально-государственного устройства («российская федерация», «российская государственность», «российское государство»). Следовательно, у В. И. Ленина наблюдается классовый подход к социальным отношениям и достаточно абстрактный по отношению к территориальному образованию людей. Г. А. Зюганов, напротив, сознательно избегает классовых различий в отношении людей, а страна изображается в максимальной конкретике.

Бессознательный компонент психики лидера и коллективное бессознательное народа находятся в тесном взаимодействии, что в большинстве случаев не осознается ни с одной, ни с другой сторон. Одним из возможных путей выявления подсознательного воздействия исследуемых текстов на людей является применение программы поиска «вложенных» (находящихся внутри или на «стыках») слов (Пси-офис) и анализа фоносемантического воздействия слов (Vaal-mini). Благодаря программе Пси-офис мы имеем возможность увидеть все «вложенные» слова по их длине (количеству букв), а внутри данных категорий по количеству. У Ленина самое длинное слово («естественноисторического») состоит из 24 букв и употребляется 1 раз (0,01%), а самое короткое «вложенное» слово («про») состоит из трех букв и используется чаще всего в источниках (29,7%). Примечательно, что «вложенные» слова из 10 («государств»), 9 («государст») и 7 («государ») букв обозначают одно явление (государство), в сумме они составляют 23 % и фактически занимают по количеству раз второе место. Слово «про» в русском языке является либо предлогом, либо приставкой со значением действия, направленного сквозь, через что-нибудь и ради, для кого-чего-нибудь. Эти слова в подсознании людей формировали необходимость действий ради государства, что естественно для истории. Впоследствии в государстве произошла революция 1917 года. Самое длинное слово подсознания, формируемое текстами Г. А. Зюганова, состоит из 23 букв («широкораспространенным») и употребляется один раз (0,01), а самое короткое слово из 3 букв («ого») встречается крайне часто (36%). Между тем, в его текстах имеются слова из 14 («государственно»), 11 («государстве»), 10 («государств»), 9 («государст») и 7 («государ») букв, обозначающих один исторический феномен – государство и, в общей сложности, составляющие 22, 8 % они располагаются на втором месте среди бессознательных ценностей. Слово «ого» в русском языке выражает удивление и оценку. Оценка и удивление

по отношению к государству получает широкое распространение. Таков смысл подсознательного воздействия трудов современного коммунистического лидера на россиян.

Остается еще одно обстоятельство: фоносемантическое (соответствие между звуком и значением) воздействие слов источника на аудиторию. Текст В. И. Ленина воспринимается подсознательно следующими эмоциональными характеристиками: злой (9%) и холодный (9%), величественный (7,9%), веселый (7,5%), сильный (7,4%), простой (7%), яркий (6,5%), светлый (6,2) и хороший (6). Источники, авторство которых принадлежит Г. А. Зюганову, вызывают у людей иные эмоции: злой (11,3), холодный (10,1), сильный (8,1), веселый (8%), величественный (7,7), простой (7) и светлый (6,4). Если сравнивать тексты двух политических деятелей, то необходимо заметить определенные изменения: слова воспринимаются в подсознании людей более злыми (+2,3%), холодными (+1,1), сильными (+0,7) веселыми (+0,5), и светлыми (+0,21), менее величественными (- 0,2) и менее хорошими (-3,2), но остаются такими же простыми. Таким образом, слова Владимира Ильича вызывали в умах и душах читателей меньше чувства зла и холода при наличии большего хорошего эмоционального заряда, чем современные коммунистические тексты Геннадия Андреевича. Главная тенденция – увеличения зла в подсознании людей.

Литература

1. Зюганов Г. А. Книги и статьи // www.cprf.ru
2. Ленин В. И. Сочинения // www.cccp.narod.ru; www.aha.ru; www.cprf.ru;
3. www.stel.ru
4. Федотовская Т. А. (2003) Социальные аспекты проблемы бедности в современной России // www.budgetrf.ru
5. Хрестоматия по истории России (2003). М.
6. Якушева Т. В (2003) Что вызывает недовольство // bd.fom.ru

Анализ обобщенных характеристик раскулаченного хозяйства (опыт применения дескриптивной статистики по материалам архивов Южного Урала)

*Раков Алексей Александрович*⁴⁶

аспирант

Российский государственный гуманитарный университет, Россия

E-mail: domovoi_online@mail.ru

В этом году исполняется 76 лет началу массовой коллективизации сельского хозяйства в СССР. Срыв хлебозаготовок в 1928 году привёл к свёртыванию НЭПа и началу массовой коллективизации сельского хозяйства.

Актуальность выбранной темы объясняется недостаточной степенью изученности драматического процесса раскулачивания крестьян Южного Урала в 30-х гг. Своевременность реконструкции социального портрета раскулаченных подчеркивается как признанием современной историографией необходимости изучения микроистории⁴⁷, так и выходом в свет работ, посвященных воссозданию социального портрета других категорий репрессированных: «бывших»⁴⁸ или «лишенцев»⁴⁹.

⁴⁶ Автор выражает благодарность д.и.н., профессору Л.И. Бородкину за помощь в подготовке тезисов.

⁴⁷ Ковальченко И. Д. Теоретико-методологические проблемы исторических исследований: заметки и размышления о новых подходах // Новая и новейшая история. 1995. №1. С. 3-33; Он же. Историческое познание: индивидуальное, социальное и общечеловеческое // Свободная мысль. 1995. №2. С. 111-123; Бессмертный Ю. Л. Некоторые соображения об изучении феномена власти и о концепциях постмодернизма и микроистории // Одиссей. Человек в истории. М., 1995. С. 12.

⁴⁸ Смирнова Т. М.. Социальный портрет «бывших» в Советской России 1917-1920 годов. (По материалам регистрации «лиц бывшего буржуазного и чиновного состояния» осенью 1919 г. в Москве и Петрограде) // Социальная история. М., РОССПЭН, 2000. С. 87-126.

⁴⁹ Социальный портрет лишенца (на материалах Урала): Сб. документов / Сост. Е. В. Байда, В. М. Кириллов, Л. Н. Мазур и др.; Отв. ред. Т. И. Славко. Екатеринбург, УрГУ, 1996; Тихонов В. И., Тяжелыникова В. С., Юшин И. Ф. Лишение избирательных прав в Москве в 1920-1930 годы. М., Мосгосархив, 1998.

Необходимо отметить, что наиболее массовый контингент раскулаченных составляли кулаки II категории, процесс раскулачивания которых на Южном Урале и стал предметом данного исследования.

На данном – «пилотном» – этапе исследования на материале рассекреченных личных дел раскулаченных по II категории в 1930 году и анкет к выселению из 7 фондов 4 областных и местных архивов была создана база данных в виде электронных таблиц Microsoft Excel 2003, включающая в себя 277 единиц (крестьянских семей) из 26 сельсоветов (предварительные итоги). Используя методы дескриптивной статистики, позволяющие работать с массовыми источниками и повышающие их информационную отдачу, была проведена математическая обработка содержащейся в БД информации.

Основными источниками настоящего исследования являются личные дела раскулаченных, анкеты к выселению или списки кулацких семей, внесенные общегражданским собранием, имеющие хорошо разработанный формуляр, который позволяет перевести их данные в электронный формат источниково ориентированной базы данных, и списки лишенных избирательных прав, из которых в первую очередь и выбирались «кулаки»⁵⁰. При этом следует отметить, что у списков «лишенцев» не только нет разработанного формуляра, но и вообще какой-либо постоянной информационной структуры.

При анализе удалось установить следующее: из рассматриваемых 277 семей 61,37% составляли русские, 33,94% украинские. Всего в этих семьях проживало 1560 человек, из них трудоспособных – 926 человек (59,36%), нетрудоспособного возраста – 634 человека. Престарелых глав семейств было лишь 17 человек. Немногим менее трети хозяйств возглавляли зрелые люди в возрасте 36-45 лет, причём лишь в 8 хозяйствах главой была женщина, из них только одна была пожилой. Средний возраст домохозяев – 44,37 года (разброс от 18 до 76). Средний размер семьи – 5,63 человека (разброс от 1 до 14 человек). Сложных семей – 49,10%, нуклеарных – 50,90%.

Посевная площадь составляла в среднем в 1928-29 с/х году 5,63 десятины (от 0 до 51,75 десятин). Лошади – в среднем 3,76 голов (0-8). Коров было 3,37 головы (от 0 до 29).

Итак, количество хозяйств, имеющих пахотный надел выше дореволюционной нормы 17 и более дес. – 111. Лошадей более 4 голов – 86 семей, коров более 3 – 92 семей. Из этих трёх показателей два любых или все три имеет 91 двор. Именно это количество семей по формальным признакам может считаться действительно зажиточными. Но пофамильный анализ показывает, что в 42-х из них жили сложные семьи, которые при разделе имущества неминуемо стали бы середнячками. Получается, что из двухсот семидесяти семи раскулаченных семей по имущественному положению лишь 49 подпадают под категорию «кулацких». В рассматриваемый период признаки кулацкого хозяйства были сформулированы в Постановлении СНК СССР от 21.05.1929 года «О признаках кулацких хозяйств, в которых должен применяться Кодекс законов о труде».

Частотное распределение раскулаченных согласно пунктам Положения СНК СССР от 21.05.1929 г.

№ п/п	Соответствующий пункт Положения	Количество раскулаченных в соответствии с этим пунктом
1.	Систематическое применение наемного труда	157
2.	Наличие сложных с/х машин	49
3.	Сдача внаем сложных с/х машин	22
4.	Сдача внаем отдельных помещений	10
5.	Наличие нетрудовых доходов	19

⁵⁰ Славко Т. И. Раскулачивание // ГУЛАГ: его строители, обитатели и герои: (Раскулачивание и гонение на Православную церковь пополняли лагеря ГУЛАГа) / Иванова Г. М., Славко Т. И., Весновская Г. Ф. и др.; Под ред. Добровольского И. В. – Франкфурт / Майн: М., Международное общество прав человека, 2001. С. 133.

Хотя бы один из вышеперечисленных пунктов присутствует только у 175 семей, соответственно, 36,82% семей были раскулачены незаконно. В результате же пофамильного анализа всех семей по совокупности признаков мы получаем в максимуме 158 семей, причины раскулачивания которых можно хоть как-то объяснить.

Почему же были раскулачены остальные? Если обратиться к данным налоговых сводок по единому сельхозналогу за 1927-28 год, то число хозяйств Уральской области, имеющих доход более 1 тысячи руб., равнялось 1135. Вместе с тем, в среднем на каждое хозяйство здесь приходилось 8,8 едока. Поэтому средний доход на 1 едока составил 114 руб. Можно сделать вывод, что по предложенной официальными органами классификации кулацких хозяйств в Уральской области в данный период было меньше тысячи. Если же учесть, что в последующие годы их численность в результате различных чрезвычайных мер только уменьшалась, можно представить себе, насколько эта цифра была меньше, чем декларировалось официальными органами.

Осенью 1929 г. это число доходных хозяйств составляло 1,6% всех крестьянских дворов на Урале. К лету 1930 г. было раскулачено 30 тысяч хозяйств (2,6%) или на 18,5 тыс. больше, нежели было зажиточных хозяйств. Естественно, что в этих условиях, стремясь перевыполнить план, раскулачивали не только зажиточных, но и середняков, используя все возможные и невозможные обвинения.

Таким образом, можно сделать вывод, что основным удар кампании по раскулачиванию был нанесён по экономически крепким, но отнюдь не кулацким крестьянским хозяйствам, что вызвало разрушение их традиционной структуры, мощности и возможности дальнейшего развития. Отчуждение крестьян от собственности на землю и орудия производства привели, в свою очередь, к атрофированию чувства хозяина и заинтересованности в результатах своего труда и положило начало кризисным явлениям в сельском хозяйстве Урала, которые проявляются и в конце века.

Этноконфликты на Северном Кавказе в XX в.: создание источников-ориентированной базы данных (на основе данных «Этнические конфликты в СССР. 1917-1945 гг.»)

Скворцова Ирина Валерьевна

канд.ист.наук, доцент

Кубанский государственный технологический университет, Краснодар, Россия

E-mail: ir_skvo@mail.ru

В последнее десятилетие XX в. в отечественной историографии стали разрабатываться ранее закрытые темы. Одна из них – этнические конфликты в России, позднее в СССР. Материал первоисточников в статьях и монографиях, сборники документов позволили сформировать довольно солидную источниковую базу. Важно разобраться в причинах их возникновения, требованиях сторон, способах разрешения конфликтов.

Один из этноконфликтных регионов – Северный Кавказ. Анализ литературы по этнической истории, депортации, в регионе показал, что при описании этноконфликтов в основном используются материалы одних и тех же фондов уже опубликованных в тематических сборниках или сборниках документов. В качестве недостатка можно назвать эмоциональность и необъективность некоторых исследователей (особенно представителей т.н. наказанных народов), а отсюда и неполное привлечение материала для анализа тех или иных фактов. Можно избежать субъективности и всесторонне проанализировать изучаемые явления, используя статистические методы и компьютерные технологии. Они позволяют работать как с неопубликованными материалами, так и с массивом вторичных данных.

В сети Интернет в рамках проекта «Электронные публикации в сфере культуры и гуманитарных знаний» была размещена электронная база данных «Этнические конфликты в СССР. 1917-1945 гг.» (Сост.: Е. Зубкова, С. Константинов, Д. Люкшин, Т. Филиппова). Объем базы данных составляет около 2500 информационных карточек с развернутыми формализованными данными и архивным описанием (время, место, субъекты, предмет, форма выражения, способы разрешения конфликта, информатор, его адре-

сат, форма представления информации). В ее основе материалы центральных архивов (ГАРФ, РГАСПИ и др.). Однако база данных представлена в текстовом редакторе. К выборке по Северо-Кавказскому региону, к уже существующей информации, были добавлены сведения из некоторых фондов (в основном материалы региональных северокавказских архивов), а также опубликованных сборников документов не вошедшие в основную электронную базу данных. Т.о., база была дополнена информацией.

Вся информация, относящаяся к Северному Кавказу, реализована как источник-ориентированная база данных в СУБД Access. Ее структура представлена информацией о конфликте (формализованная информация), его локализации (физико-географическое положение объекта), местонахождении документа (архив, вторичная информация). Т.е., использовалась справочная и учетная информация.

Т.о., информационные объекты представлены 3 таблицами: «Конфликт», «Территория», «Источник». Основная информация находится в таблице «Конфликт». Т.к., база реляционная, запрос можно делать сразу по нескольким таблицам, применять фильтры, использовать отчеты и др. Для анализа информации используются статистические методы. Результаты представляются в графическом виде.

Основная задача создаваемой БД – доступность информации обо всех этноконфликтах на Северном Кавказе. Сведения могут пополняться и использоваться как исследователями, так и представителями властных структур. Впоследствии предполагается создание географической информационной системы для изучения этноконфликтов в северокавказском регионе.

Экономическое положение общин Пермской Епархии в 1962 г. Опыт классификации посредством статистического анализа.

Андрей Сметанин

студент

Данное исследование затрагивает тему экономического положения приходов Пермской Епархии на конкретном временном срезе (1962 г.). При такой постановке вопроса исследуется не развитие явления, а исключительно его особенности. Выбор данного временного среза объясняется состоянием источниковой базы (документы рассекречены лишь до 1965 г.) и недостаточной исследованностью периода «усиления пропаганды атеизма» на конкретно-историческом материале. На современном этапе Русская православная церковь представляет собой закрытый экономический институт, а потому вопрос об её экономическом положении сохраняет актуальность. Исследование основано на архивных материалах фонда Уполномоченного Совета по делам русской православной церкви при Совете Министров СССР по Пермской области [1]. Цель исследования – выделить типы религиозных общин по их экономическому положению и дать характеристику этих типов.

Кластерный анализ – метод многомерного анализа данных, решающий задачи *классификации*, «разбивающий совокупность объектов на группы схожих объектов» [2]. В качестве правила объединения выбран эффективный метод Варда, а в качестве меры – квадрат евклидова расстояния.

Полученные данные позволяют собрать «портрет» среднестатистической церкви Пермской области в 1962 году. Для исчисления среднего дохода церкви в качестве показателя выбрано не среднее арифметическое, которое сильно зависит от крайних и случайных значений, а *медиана*. Средний доход церкви в 1962 году равняется 12855 рублям. 59,6% дохода образуется от продажи свечей, 18,8% от платы за совершение обрядов, примерно 7% приносит «тарелочно-кружечный сбор». Расходы церковью превышают доходы (13431 рубль). 20% расходовалось на содержание священнослужителей, 12% - на обслуживающий персонал, 6% - на содержание хора, около 1,5% - на обязательные платежи (земельная рента, страховка, налог со строений). 11% - на добровольной основе отчислялось в Епархию. В среднем 15% доходов уходило в Фонд мира: эти пожертвования были навязаны РПЦ со стороны властных органов и их доля в структуре расходов косвенно свидетельствует о степени контроля над церковью со стороны местных властей. Эти девять пунктов бюджета церкви мы и будем анализировать.

По итогам кластерного анализа получена дендограмма, на которой отчётливо выделяются два крупных кластера, обладающих достаточно сильными различиями, потому здесь мы можем говорить о выделении типов. Внутри каждого из них можно выделить ещё по два кластера. Сведём средние значения по каждому типу в таблицу и сравним со средними по всей совокупности. Наиболее сильные отклонения от средних значений являются типологическими чертами.

	свечи	сбор	обряды	Штат	хор	обслуга	комм. услуги	Фонд Мира	Епарх.
Кл №1	51.3	7.4	25.7	24.6	6.6	11.7	1.3	16.2	12.4
Кл №2	68.8	9.1	9.5	11.3	2.5	11.9	1.8	23.5	8.9
Средние	60.2	7.1	18.8	19.3	5.6	12	1.5	15	11.2

Доля доходов от тарелочно-кружечного сбора, расходы на содержание обслуживающего персонала и доля коммунальных платежей у обоих типов примерно равны, а потому не являются типологическими чертами.

Вычисления показывают, что церкви первого типа в среднем в два раза богаче (39,2 тыс. против 16,2). Церкви 1-го типа (24 шт.) характеризуются более низкой долей в структуре доходов поступлений от продажи свечей, но более высокой от совершения обрядов. А церкви 2-го типа (20 шт.), соответственно, наоборот. На деле это означает незначительное число обрядов, свершаемых в церквях 2-го типа. Подтверждением тезиса о низкой обрядовой активности у церквей 2-го типа может служить и более низкая доля средств, расходуемых на содержание священников. У таких церквей меньше количество служителей, поэтому они могут совершить меньшее количество крещений, отпеваний и пр. Корреляционный анализ для всей совокупности показал значимую зависимость между расходами на священнослужителей и доходами от обрядов.

Церкви первого типа расходуют больше средств на хор и больше отчисляют в Епархию. Между величиной дохода и тратами на певчих также установлена значимая корреляция (чем богаче церковь, тем больше тратит на хор). В то же время религиозные общины второго типа вынуждены платить большие взносы в Фонд Мира (почти четверть всех доходов), что говорит о сильном давлении со стороны местных властей.

Примечательно, что к первому типу отнесены 7 из 9 приходов, находящихся в городах. Можно сделать вывод, что концентрация населения имеет существенное влияние на формирование бюджета.

Таким образом, кластерный анализ выделил два типа, между которыми церкви Епархии поделились почти поровну. Если попытаться дать сущностную трактовку выделенных типов, то необходимо отметить, что первый из них является несомненно более жизненным и финансово устойчивым, в то время как второй демонстрирует кризисные черты: меньший штат священнослужителей, низкая обрядовая активность, давление местных властей. Столь же очевидно, что церкви 2-го типа имели определённые проблемы с привлечением паствы, потому что церковь не может эффективно функционировать без поддержки верующих. Это ставит перед исследователем более сложный и пока открытый вопрос – соотносятся ли приходы второго типа с населёнными пунктами более низкой религиозности.

Литература.

1. ГАПО. Ф. р-1205, оп.2, д. №2.
2. Каменева С.В. Статистические методы в политических науках. – Пермь: Издательство «Пушка», 2004.

**Профессиональный состав населения г. Москва в конце 19 в. по данным переписи
Москвы 1882 г.: пространственно-типологический анализ**

Ульянов Олег Михайлович⁵¹

соискатель

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Россия

E-mail: oleg.ulianov@gmail.com

Ход процесса урбанизации и развития городского населения во второй половине 19 – начале 20 вв. в Российской Империи в целом и в Москве в частности привлекает все большее внимание современных исследователей (Гончаров, 2002; Белов, 2005). Изучению населения Москвы – второй столицы Российской империи и крупнейшего города Центрально-промышленного района – посвящено немало работ, сфокусированных как на общих (Гаврилова, 2001), так и на "локальных" (Деннигхауз, 2000) вопросах истории населения города. Однако большая часть этих работ выполнена без использования таких методов исторического анализа данных, как многомерный статистический анализ и ГИС-методики.

Применение этих методов актуально в связи с наличием хороших массовых исторических источников - материалов однодневных переписей городского населения. Всего в Москве в пореформенное время было проведено четыре переписи (в 1871, 1882, 1902, 1912 годах) и одно промежуточное счисление – в 1907 году⁵². Наибольший интерес для анализа представляют данные переписей 1882 и 1902 годов, на основе которых была поставлена задача проведения пространственно-типологического анализа города с помощью методов многомерного статистического анализа с особым акцентом на сословной и профессиональной структуре населения.

Важно отметить, что таблицы по сословному и профессиональному делению населения опубликованы не только по всему городу в целом, но и по полицейским участкам (39 участков), отдельно для женского и мужского населения (Перепись 1882, 1886). При выполнении статистических анализов данные обрабатывались без разделения по полам, т.к. методически неправомерно использовать только данные по мужскому или женскому полу для характеристики населения города в целом. Учитывая, что в качестве минимальной территориальной единицы перепись рассматривала полицейский участок, именно их в дальнейшем мы будем использовать в качестве объектов территориального деления города.

Для выделения пространственных кластеров, объединенных на основе сходства сословной или профессиональной структуры населения, применялся кластерный анализ, хорошо себя зарекомендовавший в исторических исследованиях (Бородкин, 1986)

На основе профессиональной структуры населения, было выделено 5 пространственных кластеров, значимо отличающихся друг от друга и позволяющих провести содержательную трактовку. Так, в один пространственный кластер были объединены участки, располагающиеся в центре Москвы – Пречистинский 1,2, Арбатский и др. – в них максимально высок процент населения, указавших в качестве своей профессии "домашняя прислуга и переменные поденные работники", людей, живущих на доходы от капиталов и рент, и занятых на различной гражданской службе. Наибольшее число полицейских участков (20 из 39) объединяет пространственный кластер, где максимальное по городу число жителей занято в текстильной промышленности (производстве одежды) и торговых промыслах. Здесь также велик процент поденных работников. Очевидно, что участки, входящие в этот кластер, определяют своеобразное "профессиональное лицо" города в начале 80-ых гг. 19 в. Отдельную группу составили участки, где сосредоточено население, занимающиеся извозом ("промышленность по передвижению", как они обозначены в данных самой переписи (Перепись 1882, 1886, с. 125)) – это Мещанские 2,3 и 2 Рогожский участки. По остальным своим характеристикам этот кластер близок к пре-

⁵¹ Автор выражает признательность профессору, д.и.н. Бородкину Л.И. за помощь в подготовке тезисов.

⁵² Подобные переписи в пореформенное время были проведены еще более чем в 60 городах, причем в некоторых из них не по одному разу (Гозулов, 1941, с. 252-253).

дыдущему. Особняком стоят еще два кластера, один из которых объединил участки, где располагались военные части, которые и определяли профессиональный облик данных территорий города, – это Хамовническая 1, Серпуховская и Лефортовская 3 части, расположенные на периферии тогдашней Москвы. Последний кластер объединил еще три периферийных полицейских участка, где большая часть населения занималась "обработкой волокнистых веществ" (Перепись Москвы 1882, 1886, с. 127). Важно отметить, что профессиональная структура Москвы достаточно тесно связана с сословным составом ее жителей⁵³. Так, первый из указанных кластеров почти полностью совпадает с выделенным по результатам анализа сословной структуры пространственным кластером, включившим в себя "элитную" часть населения Москвы.

Таким образом, на основе проведенного статистического анализа появляется возможность количественно оценить и сравнить различные участки города, выявить области, для которых характерна общность сословно-профессиональной структуры. Продолжение исследования видится в разработке данных переписи 1902 г. и привлечении ГИС-методов.

Литература

1. Белов А.В. (2005) Москва, московские пригороды, пригородные поселения во второй половине 19 – начале 20 века (город и процессы урбанизации сельских окраин). М.
2. Бородкин Л.И. (1986) Многомерный статистический анализ в исторических исследованиях. М.
3. Гаврилова И.Н. (2001) Население Москвы: исторический ракурс. М.
4. Гозулов А.И. (1941) Местные переписи населения до революции // Ученые записки Ростовского-на-Дону экономического института. Т.1. Ростов н/Д, с. 249-307.
5. Гончаров Ю.М. (2002) Сословный состав городского населения Западной Сибири во второй половине 19 - начале 20 веков // Города Сибири 18 – начало 20 веков. Барнаул, с. 36-64.
6. Деннингхауз В. (2000) Московские немцы в зеркале дореволюционной статистики (1871-1917) // Немцы России и СССР, 1901-1941 гг. Материалы международной научной конференции. М., с. 31-41
7. Перепись Москвы 1882 г. (1886) Вып. 3. М.
8. Ульянов О.М. (2005) Пространственно-типологический анализ социальной структуры населения крупного города пореформенного времени (по материалам переписи населения Москвы 1882 г.) // Процессы урбанизации в Центральной России и Сибири. Барнаул, с. 9-30.

Демографические характеристики населения Севастополя в 60-х гг. XIX в. по материалам метрических книг.

Хабарова Ольга Владимировна

аспирант

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Россия

E-mail: olhabarova@yandex.ru

В историографии, посвященной исследованиям по истории г. Севастополя, до сих пор не рассматривался вопрос о демографическом поведении населения города. Отчасти это было связано с проблемой анализа существующих массовых источников – метрических книг. В докладе представлены результаты исследования, в ходе которого в СУБД Access была создана база данных, включающая материалы записей метрических книг города Севастополя: Севастопольской Петропавловской церкви, Митрофаньевской церкви придела Севастопольского адмиралтейского собора и Севастопольской Петропавловской церкви на Северной стороне. В ходе исследования рассматривались метрические записи о рождениях, бракосочетаниях и смерти за 1865-1866 гг., к этому времени

⁵³ Подробно пространственно-типологическая структура населения Москвы в к. 19 в. на основе данных о сословной структуре населения приведена в статье автора (Ульянов, 2005)

состав населения стабилизировался, и само население города несколько увеличилось. Всего в базе данных представлено 592 записи по регистрации рождений, 184 записи по регистрации крещений и 363 записи по регистрации смертей.

Период истории города Севастополя от окончания Крымской войны 1853-1856 гг. и вплоть до начала 70-х гг. XIX в. можно охарактеризовать как период наибольшего упадка и разрушения. После 349 дней осады города, шести бомбардировок и нескольких попыток штурма, большая часть его зданий была полностью разрушена, а оставшаяся – серьезно повреждена. К 1856 г. в Севастополе осталось всего 14 «малоповрежденных» зданий, по подсчетам руководителя инженерной обороны города генерал-майора Э.И. Тотлебена за период осады на Севастополь обрушилось 1 356 000 артиллерийских снарядов противника, а очистка бухт от затопленных кораблей продолжалась более 10 лет (Первая оборона Севастополя 1854-1855 гг. // www.sevastopol.info/work/sevastopol/hist_1oborona.htm). При этом надеяться на спешное восстановление города не приходилось: по условиям Парижского мирного договора России запрещалось иметь на Черном море военно-морской флот, а также строить крепости и военно-морские базы. Севастополь, создававшийся именно в качестве военно-морской базы России и в течение продолжительного времени не имевший сухопутного снабжения, не представлял для империи ценности в качестве административного или торгового центра. На его финансирование по этой причине отпускались весьма скромные средства. До начала 1870-х гг. Севастополь фактически лежал в руинах.

Недавняя война, бедственное положение города, его крайне медленное восстановление не могли не оказать существенного влияния на социальный состав населения Севастополя и его демографические характеристики. Население города этого периода было сравнительно немногочисленно, по сведениям на 1861 г. в городе было только 8.218 жителей (см. Дьяконову).

Основное изменение в социальном составе жителей, как и предполагалось, – это резкое изменение соотношения военных и гражданских специальностей. Военнослужащие теперь составляли небольшую часть жителей, гораздо больше было тех, кто значился как «отставной» военный. Закономерным следствием изменения статуса города стало и увеличение «отставных» в профессиональных группах, связанных со строительством и ремонтом кораблей – эти специальности остались невостребованными в течение долгого периода. По соотношению социальных и профессиональных групп можно также сделать определенные выводы о социальном составе прихожан церквей. Так, например, оставшиеся на военной службе наиболее часто обращались в Митрофаньевскую церковь, Петропавловскую церковь чаще, чем другие, посещали мещане, а Петропавловская церковь на Северной стороне посещалась преимущественно жителями этого отдаленного района города.

Демографическое поведение жителей также существенно изменилось. Все три основных показателя (рождаемость, брачность и смертность) оставались приблизительно на одном уровне на протяжении двух рассматриваемых лет: в 1866 г., по сравнению с 1865 г. на 4,5% увеличилась рождаемость и на 6 % уменьшилась смертность. Резко изменилась сезонность рождаемости и брачности, а также соотношение законно и незаконнорожденных детей и первых и повторных браков. Наибольшее число рождений приходилось на июль, апрель и август (65, 61 и 56 человек из 590 родившихся соответственно), а наименьшее – на ноябрь и декабрь (45 и 39 человек соответственно). В марте и декабре церковь не совершала обряд венчания из-за постов, в 1865-66 гг. также не было браков в июне, а в августе и феврале было зарегистрировано по одному браку. Наибольшее же число браков отмечено в январе (18 из 92 браков), а также происходил определенный подъем брачной активности в период с сентября по ноябрь. Процент незаконнорожденных, несмотря на трудные условия жизни в городе, в 1865-66 гг. был гораздо ниже, чем в начале века, всего 3 %, и всего один подкидыш. Резко уменьшилось число повторных браков, из 92 браков повторными для мужчин было только шесть, а для женщин – семь. Средний возраст женихов был около 21-27 лет, а невест – 16-20 лет. Сезонность смертности также существенно изменилась, наиболее высокой теперь стала смертность в середине лета и осени. Возрастной состав умерших изменился незначительно, по-прежнему наибольшей смертностью была младенческая, в возрасте до года.

Среди причин смерти населения основными оставались «младенческая», «простуда», «понос», «чахотка», «сухота», «водяная», «горячка», «от старости». Было зафиксировано несколько случаев раковых заболеваний, апоплексии, утонувших в море, а также случай смерти от ран из-за взорвавшейся бомбы и случай самоубийства.

В метрических записях есть сведения и о вероисповедании родителей ребенка и жениха и невесты. Среди преобладающего большинства православных есть упоминания о супругах или венчавшихся других конфессий: 16 католиков, двое лютеранского исповедания и один униат из 552 отцов; две женщины католического исповедания и одна лютеранского среди 590 матерей и 10 католиков, один лютеранин и один протестант среди женихов.

Представленные в докладе сведения продолжают наши исследования социальных и демографических характеристик жителей Севастополя в XIX в. и будут сравнены с результатами изучения метрических книг города в первой четверти XIX в.

Литература

1. Метрическая книга Севастопольской Петропавловской церкви за 1865-1867 гг. Государственный архив г. Севастополя (ГАГС). Ф. 33. Оп.1. Д.5.
2. Метрическая книга Митрофаньевской церкви придела Севастопольского Адмиралтейского собора за 1862-1866 гг. ГАГС. Ф.5. Оп.1. Д.8.
3. Метрическая книга Севастопольской Петропавловской церкви, что на Северной стороне за 1861-1866 гг. ГАГС. Ф. 34. Оп. 1. Д.4.
4. Дьяконова И.А. Строительство Севастополя во второй половине XIX в. // www.sevdig.sevastopol.ws/gal/gal_old/stroit.html
5. Севастополь: история города от основания до современности. // http://www.sevastopol.info/work/sevastopol/hist_1oborona.htm
6. Севастополю – 200 лет.1783-1983 гг. Сборник документов и материалов.(1983) / Сост. Г.И. Ванеев и др. Киев.: Наукова думка.1983.

ПОДСЕКЦИЯ «АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОЛОГИЯ»

Палеолитические комплексы плато Мангышлак

Абдыканова Аида Калыдаевна

аспирант

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия

E-mail: abdykanova@mail.ru

Территория Западного Казахстана расположена на стыке нескольких историко-культурных областей: Средней Азии на юге, обширных пространств Центрального, Восточного Казахстана и Сибири на севере, Южного Казахстана, Монголии и Китая на востоке и юго-востоке, Кавказа и Ближнего Востока на западе и юго-западе. В связи с появлением новых данных по палеолиту сопредельных территорий актуальность изучения эволюции палеолитических индустрий Казахстана резко возросла в последнее время. Тем не менее, степень исследованности палеолитической эпохи региона носит неравномерный характер, наиболее изученными в силу определенных условий являются, как правило, лишь отдельные физико-географические районы. На территории Казахстана одним из таких физико-географических регионов, позволяющих выполнять общие палеореконструкции, традиционно считается восточное побережье Каспийского моря. Детальное изучение палеолитических местонахождений плато Мангышлак дает возможность приступить к решению комплекса проблем связанных с расселением древних популяций на территории аридной зоны Центральной Азии.

В основном палеолитические памятники полуострова Мангышлак известны благодаря исследованиям Института геологических наук им. К. И. Сатпаева АН Каз. ССР за период 1960 по 1969 гг. Коллекции собранные на Мангышлаке (долины Шахбагата, Кумакапе, абразионные морские террасы в районе северного побережья полуострова Тюб-

караган) позволили известному археологу палеолита Казахстана А. Г. Медоеву, который занялся изучением коллекций с 1963 году, представить общую хронологическую схему палеолита Казахстана. А также увязать ее с единой геохронологической шкалой антропогена.

На основе данных памятников близ залива Сарыташ, изученных А. Г. Медоевым за 1963-69 гг. прослежены основные этапы эволюции палеолитических культур Мангышлака. Им же выделялись две самостоятельные линии развития в палеолите Казахстана, ранее представленные Х. А. Алпысбаевым как две пространственные зоны с различающимися технико-типологическими характеристиками каменных индустрий. Позднее Б. Ж. Аубекеров представляет уточняющую схему двух провинций: Каспийско-Аральско-Иртышскую и Сары-Арка-Тяньшаньскую. С первой из них был соотнесен палеолит полуострова Мангышлак. На Мангышлаке эволюция памятников палеолита представлена следующим образом: культура леваллуа-ашель I (собственно ашель) трансформируется в II (мустье). Комплексы типа Шахбагата I, Онежек I уже представляют поздний палеолит. Для раннего этапа этого индустриального ствола характерны господство в первичном расщеплении техники леваллуа, наличие рубил, колунов, кливеров, а также присутствие техники комбева.

В 1998 году Российско-Казахстанской экспедицией на территории плато Мангышлак было обнаружено 6 палеолитических местонахождений с поверхностным залеганием артефактов, расположение которых приурочено к выходам кремнистых пород. Отмечается разнообразие, различная степень сохранности поверхности археологического материала, а также присутствие в комплексах бифасиально обработанных орудий. Исследования проводились в районе впадины, отделяющей плато Мангышлак от плато Устюрт. В следующем 1999 году тем же экспедиционным отрядом были зафиксированы еще 17 новых местонахождений, расположенных на различных высотных отметках.

В целом палеолитические комплексы Мангышлака и Узенья представлены выборочными сборами с пунктов 1-7, 9-14 полученными в результате исследований 1998 года и пунктов 11, 12, 15, 15а, 16-21, 23 и 25 обнаруженных в 1999 году. В результате исследовательских работ 1998-99 гг. в районе полуострова Мангышлак в целом с 23 местонахождений были получены коллекции каменных артефактов общей численностью 1479 экземпляров, за исключением сколов десквамации, не являющихся артефактами.

Состояние поверхности артефактов, сопоставленное с их морфологией позволяет выделить хронологическую неоднородность коллекций. Более того, дает возможность выделить различные хронологические группы внутри материала. Находящиеся на поверхности каменные артефакты по степени сохранности поверхности делятся на четыре основные группы: от сильнодефлированной до недефлированной.

Сильнодефлированный комплекс коллекции, наиболее приемлемо датировать эпохой раннего и возможно началом среднего палеолита. В целом, несмотря на малочисленность изделий, можно отметить, что техника расщепления камня главным образом направлена на получение отщепов крупных и средних размеров, доля орудий незначительна. Примечательны нуклеусы, у которых произведенное крупное снятие охватывает практически всю плоскость скалывания, что может рассматриваться как раннее проявление леваллуазских традиций. Среднедефлированную серию артефактов, несмотря на малочисленность выразительных нуклевидных изделий, опираясь на некоторые особенности сколов индустрию можно характеризовать, как направленную для получения отщепов. Вероятнее всего, индустрию следует относить к среднему палеолиту. Индустрия слабодефлированного комплекса рассматривается в рамках переходного этапа от позднего этапа среднего к начальному этапу верхнего палеолита. Техника первичного расщепления слабодефлированной серии артефактов, представлена параллельным и субпараллельным принципами скалывания, индустрия направлена на получение заготовок – отщепов, пластинчатых отщепов и пластин. Следует отметить проявление ранних приемов торцового расщепления. Недефлированный комплекс можно отнести к верхнепалеолитическим временным рамкам. В целом отмечается ортогональная, параллельная, и призматическая техника расщепления, направленная на получение заготовок – отщепов и пластин. Наличие в индустрии относительно большого количества преформ и нуклевидных форм можно объяснить тем, что на заключительном этапе верхнего палеолита

местонахождения являлись специализированными мастерскими на выходах сырья, где происходил отбор сырья и его апробирование

Оценивая результаты исследований в целом проведенных на плато Мангышлак, следует отметить, что они ясно свидетельствуют о процессе заселения древним человеком восточного побережья Каспийского моря в течении плейстоцена. Основные технико-типологические характеристики памятников палеолита в регионе дают все основания предполагать, что формирование и развитие комплексов происходило на автохтонной основе, с течением времени переходящих на более качественный уровень, демонстрируя непрерывную технологическую цепочку развития от домустьерских комплексов до появления и совершенствования верхнепалеолитической техники расщепления. В тоже время четко прослеживаются определенные генетические связи в динамике развития палеолитических комплексов региона и сопредельных территорий, что объясняется, по всей вероятности влиянием миграционных потоков древнейших популяций с Запада.

Литература

1. Деревянко А. П., Таймагамбетов Ж. К., Петрин В. Т., Гладышев С. А., Зенин А. Н., Зенин В. Н., Искаков Г. Т. (1999) Исследования памятников эпохи палеолита на плато Мангышлак в 1999 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Том V. – Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН. – С. 42-45.
2. Медоев А. Г. (1972) Радиальная система изготовления нуклеусов в древнем палеолите Сары-Арки и Мангышлака. // Поиски и раскопки в Казахстане. Алма-Ата. - С. 138-152
3. Медоев А. Г. (1982) Геохронология палеолита Казахстана. Алма-Ата. - 64 с.

К вопросу об интерпретации тамгообразных знаков одной плиты из Крымского Приазовья

Антонов Егор Евгеньевич

студент

Российский Государственный Гуманитарный Университет, Москва, Россия

E-mail: iskatel17@mail.ru

Речь пойдет о тамгообразных знаках, обнаруженных на плите во вторичном использовании в облицовке позднего оборонительного рва «Цитадели» городища Артезиан в Крымском Приазовье (Винокуров Н. И., 1998). Этот эпитафический памятник был опубликован и описан Н. И. Винокуровым. (Винокуров Н. И., 2004)⁵⁴. В представленной вашему вниманию статье сделана новая попытка интерпретации тамгообразных знаков «артезианской» плиты.

Для начала позволю себе вкратце рассказать о самой находке.

Плита из плотного известняка имела размеры 800/880 x 812 x 286/310 мм, на ней сохранились остатки надписи на древнегреческом языке, 2 монограммы и 12 тамгообразных знаков.

Надпись на древнегреческом практически не читаема. Для нас информативен лишь размер букв, восстановленный по разметке: 18 – 22 мм. Это позволило Н. И. Винокурову предположить, что плита была установлена у въездных ворот в стене или башне на уровне человеческого роста.

⁵⁴ Здесь и далее описание плиты, монограмм и тамгообразных знаков дано по этой публикации. Во избежание повторений ниже ссылки на нее приводиться не будут. Там, где упоминается лишь имя автора публикации, подразумевается она же.

Знаки и монограммы расположены на плите в следующей последовательности:

№ 1 - ; № 2 - ; № 3 - ; № 4 - ; № 5 - ; № 6 - ; № 7 - ; № 8 - ; № 9.1 - ; № 9.2 - ; № 10 - ; № 11.1 - ; № 11.2 - ; № 12 - ; № 13 - ; № 14 - .

Знаки №№ 1 – 6 располагались в одном ряду, знак № 7 располагался между №№ 2 и 3, но значительно ниже них, знаки №№ 8 – 14 в хаотичном порядке занимали левый верхний угол плиты.

Знак № 1 – это монограмма Аспурга, аналогичная таким же изображениям на монетах. Знак № 2 вполне обосновано расценивается рядом исследователей, как «царская» тамга Аспурга (см, например: Драчук В. С., 1975. С. 68).

Знаки №№ 3 и 4 прямых аналогий не имеют, но по стилю весьма близки № 2.

Такое же стилистическое единство образует тамга № 5 и монограмма № 6 со знаком № 1. Монограмму № 6 Н. И. Винокуров прочитывает, как «МА», и приводит целый ряд предположений относительно принадлежности этой монограммы: Митридату VI Евпатору, Махару, Аспургу, Митридату VIII, сыну Асандра или вовсе какому-то неизвестному лицу.

Знак № 5 весьма схож со знаком , встречаемым на боспорских монетах 8 г. до н. э. – 7 г. н. э. и ранее соотносимым со вторым правлением Динамии. Однако позднее такая точка зрения вполне основательно была подвергнута сомнению (см. например: Соломоник Э. И., 1959.; Драчук В. С., 1972. С. 14.; Драчук В. С., 1975. С. 61, 67.).

Н. И. Винокуров соглашается с точкой зрения В. В. Латышева, высказавшего предположение, что знак , как и монограммы КНЕ и ПАР относились ко времени нахождения у власти Аспурга, до его утверждения Римом (8 г. до н. э – 14 г. н. э.).

Особенно интересен знак № 7. Одно его расположение уже вызывает интерес: располагаясь между №№ 2 и 3, он к тому же и перекрывается последним. Это говорит о его более раннем нанесении на плиту.

Знаки №№ 8 - 14 вписаны между знаками №№ 1 – 7. Интересно, что знак № 8 нижней частью огибает верх последней буквы монограммы КНЕ. Прямых аналогов знакам №№ 8 – 10 нет, происхождение знаков №№ 11 – 14 кажется мне весьма сомнительным.

В знаках №№ 1 – 7 Н. И. Винокуров склонен видеть некие «хронологические реперы, показывающие смену династий на Боспорском престоле». С моей точки зрения, такое предположение вряд ли можно считать правильным. Только в интерпретации двух знаков из семи нет сомнений (№№ 2), пять остальных пока рано соотносить с кем-либо из наследников Аспурга. Настораживает и стилистическое единство тамгообразных знаков №№ 2, 3, 4, 5, 7. Во всяком случае, сам же Н. И. Винокуров высказывает мысль о том, что знак № 3 – вариация тамги Аспурга, с этим царем же он связывает знак № 5 и один из вариантов интерпретации монограммы № 7.

Здесь стоит обратить внимание еще на один момент: кажется странным, что в одном ряду подряд идут, как минимум, два знака одного и того же царя (№№ 1 и 2). Не проясняет ситуацию и допущение, что знаки №№ 3, 5 и 7 относятся к Аспургу. Вероятно, в таком случае, тамги-репера должны были маркировать какие-то изменения в политике Аспурга (связанные с отношениями с Римом?). Несмотря на то, что мы являемся свидетелями того, сколь быстро могут меняться действия человека в зависимости от внешних причин, такая вероятность в случае с Аспургом мала, хотя и ее не стоит до конца отвергать. Во всяком случае, очевидно, что династического ряда здесь не получается.

Если, соглашаясь с Н. И. Винокуровым, допустить, что знаки №№ 8 – 10 (- 14?) являются тамгами местных родов, то последовательность знаков Аспурга вполне могли обозначать определенные права (и/или привилегии), которыми царь наделил эти роды в обмен на обязанность охраны и возделывания этих территорий. Наличие же в Артезиане определенного воинского контингента неоднократно доказывалось хотя бы и находками вооружения (Антонов Е. Е., 2004.).

Приведенные выше мысли несколько не претендуют на окончательность и абсолютность. Пока они остаются лишь гипотезой, мы же возложим надежды на продол-

жающееся исследование городища Артезиан и, пользуясь случаем, пожелаем успехов возглавляющему их Н. И. Винокурову в его нелегком труде.

Библиография

1. Антонов Е. Е., 2004. Мечи из раскопок некрополей урочища Артезиан в Крымском Приазовье // *Para bellum*. № 4 (24). С. 63 – 72.
2. Винокуров Н. И. Археологические памятники урочища Артезиан в Крымском Приазовье. М, 1998.
3. Винокуров Н. И., 2004. Плита с монограммами и тамгообразными знаками, найденная при раскопках «Цитадели» городища Артезиан. // *Древности Боспора*. Т. 7. С. 79 – 88.
4. Драчук В. С., 1972. Система знаков Северного Причерноморья // Автореферат диссертации... к. и. н. Москва.
5. Драчук В. С., 1975. Система знаков Северного Причерноморья. Киев.
6. Соломоник Э. И., 1959. Сарматские знаки Северного Причерноморья. Киев.

Боспорский городок Мирмекий во II веке н.э.

Вахонеев Виктор Васильевич

Студент

Киевский национальный университет им. Тараса Шевченка, Киев, Украина

E-mail: vvvkerch@mail.ru

Римский период в истории боспорского городка Мирмекий до сих пор является наименее изученным. Однако именно в этот период тут происходят определённые изменения, которые зафиксированы не только археологически, но имеются и в письменных источниках. К тому же ряд новых открытий позволяет по-новому взглянуть на II век н.э. в истории этого городка.

Именно где-то во втором веке на самой вершине Карантинного мыса, на котором располагался Мирмекий, в скале был вырублен склеп с двумя камерами, впервые открытый в 1834 году. В одной из камер был обнаружен простой мраморный саркофаг. Другой же, украшенный рельефными изображениями, находился в дромосе. Следует отметить, что своим богатством второй саркофаг не имеет аналогий во всём Северном Причерноморье [Максимова, Наливкина, 1955, с. 306]. Интересно, что над склепом, который был вырублен в скале, был насыпан небольшой курган, обнесённый крепидой из огромных каменных блоков (это строение было разрушено в 1925 году [Тункина, 2002, с. 553]). Поскольку склеп был ограблен, никакого сопровождающего материала, который бы мог подсказать в решении вопроса о социальной принадлежности погребённых здесь лиц, найдено не было. Однако, как отмечали исследователи, богатство саркофага уже показательно. К тому же выбор места на самой высокой части городища, по-видимому, также не случаен. Не так уж часто греки устраивали захоронения в непосредственной близости от жилья. Возможно, мы имеем дело с представителями правящей на Боспоре династии или наиболее приближёнными к ним людьми? [Виноградов, 1992, с. 114].

В 2003-2005 гг. к востоку от склепов на участке «Т» исследовалась часть огромной усадьбы II-III вв. н.э. (раскопки А.М. Бутягина). Примечательно, что в одной из ям, что явно принадлежала данной усадьбе, был найден фрагмент сосуда с граффито в виде «царской» тамги (ср. Драчук, 1975, табл. XII, 949) И хотя граффити такого рода не редки на боспорских поселениях, всё же при совокупности данных можно прийти к весьма интересным выводам. Учитывая эту находку, размеры усадьбы и близость знатного погребения, напрашивается мысль говорить о данной мирмекийской усадьбе (в данный период Мирмекий не являлся городом, он состоял из серии усадеб) как о царской. Причём необходимо отметить, что она не имела никаких фортификационных сооружений. В случае же непосредственной военной угрозы, её немногочисленные жители могли укрыться за стенами Пантикапея.

По-видимому, период такой угрозы наступил ближе к концу II века н.э. Именно в этот период была частично разрушена упомянутая усадьба, башня, открытая в 1986-1987 гг. на уч. «Р». Из шести виноделен римского времени, открытых на Мирмекии, четыре

не пережили II век, а одна была построена позднее [Виноградов, 1992, с. 117]. Хорошо известны керамические комплексы II века н.э. Один был открыт в 1959 году в одной из ям на участке «И» и состоял из более чем трёх тысяч фрагментов пифосов, двух тысяч обломков амфор [Гайдукевич, 1957, с. 138]. В.Ф. Гайдукевич считал, что этот комплекс образовался в результате сброса бытового мусора. Однако, Ю.А. Виноградов справедливо замечает, что какие причины могли вызвать образование столь большого количества бытовых отходов? Интересно, что в 1982-1982 гг. Был открыт на участке «П» подобный комплекс II века н.э. [Виноградов, 1991, с. 71-73; Виноградов, 1992, с. 117].

Однако, как можно заключить, Мирмекий довольно быстро оправляется от этих потрясений и почти все разрушенные строения отстраиваются и достраиваются заново, а, иногда, и дополнительно усиливаются. После этого, вся первая половина III в. н.э. не отличилась какими-либо качественными изменениями в жизни Мирмекия.

Литература

1. Виноградов Ю.А. Исследования в западной окраине Мирмекия // КСИА, вып. 204, 1991. – С. 71-77.
2. Виноградов Ю.А. Мирмекий // Очерки археологии и истории Боспора. М., 1992. – С. 99-120
3. Гайдукевич В.Ф. Керамический комплекс II в. н. э. из Мирмекия // КСИА, вып. 95, 1963 а. – С. 25-30.
4. Драчук В.С. Системы знаков Северного Причерноморья: тамгообразные знаки северопонтийской периферии античного мира первых веков нашей эры. К., 1975. – 176 с.
5. Максимова М.И., Наливкина М.А. Скульптура // Античные города Северного Причерноморья, М.-Л., 1955. – С. 297-324.
6. Тункина И.В. Русская наука о классических древностях Юга России (XVIII-середина XIX в.). СПб., 2002. – 676 с.

Формирование и особенности мировоззрения кочевников предскифского периода степей Юго-Восточной Европы

Величко Евгения Александровна

Студент

Донецкий национальный университет, исторический факультет, г. Донецк, Украина

Samareva@dongu.donetsk.ua

Территория Юго-Восточной Европы входит в Великий Евразийский степной коридор, тянущийся от Северного Китая и до Балканского полуострова. Почти вся история этих земель связана с кочевниками.

Первыми племенами, известными нам из письменных источников (ассирийские хроники и донесения, Геродот, Страбон, Гомер, Каллин, Аристей Проконесский), чьи кочевья находились в степях Юго-Восточной Европы были киммерийцы. Сейчас конечно ставится под сомнение, что именно киммерийцев следует отождествлять с доскифскими степными археологическими культурами, носители которых и были первыми кочевниками Северного Причерноморья (Иванчик А.И., 1995. С.3-22), но доказывать обратное, либо отстаивать эту версию не является целью данной работы. Как бы ни назывались носители этих культур, они были первыми носителями кочевой ментальности, которая сформировалась у них в следствии перехода к новому, полностью кочевому образу жизни. Удобства ради сохраним за ними название «киммерийцы», с которыми их отождествил ещё А. И. Тереножкин. Цель этой работы, исходя из концепции природно-географической среды, определить основные черты кочевнической ментальности и мировоззрения, появившиеся уже у «киммерийцев», базируясь на археологических данных и методах археологического и этнографического сравнений.

Основным фактором, приведшим к переходу кочевому образу жизни, многие считают процесс усыхания степей (Мелюкова А.И., 1993. С.40), связанный с колебаниями солнечной активности. Переход к новому способу хозяйствования изменил не только

экономический уклад, но и жизненный уклад, что повлекло за собой формирование нового по тем временам кочевого мировоззрения, с оригинальной системой ценностей.

«Киммерийцы» вели «таборный» образ жизни, для которого было характерно постоянное перемещение населения на больших территориях («киммерийские» кочевья тянулись по всему степному поясу Юго-Восточной Европы), агрессивность, частые набеги на оседлое население (считается, что они неоднократно практиковали грабительские походы в лесостепную полосу Северного Причерноморья, на соседние Урарту и Ассирию и на территорию Центральной Европы), для увода скота-основного богатства для кочевников. В археологических памятниках подобный жизненный уклад характеризуется полным отсутствием остатков поселений, немногочисленными, чаще всего впускными курганными или грунтовыми погребениями, из которых большинство принадлежат мужчинам-воинам, также разнообразие захоронений (ориентация, использование или не использование охры, форма и устройство погребального сооружения), при наличии ряда общего для всех инвентаря (чаще всего предметы оружия). Это всё следствие полностью кочевого образа жизни и этнической пестроты, т.к. на данном этапе кочевые общества представляют собой союз племён (Плетнёва С. А., 1982. С. 14). Небольшое количество погребений знати (пока известно всего 3: Гиреева могила у Ростова-на-Дону, Высокая могила в Запорожской области и у п. Белоградца в Болгарии (Бунятян К. П., 1998, С. 121) и их относительная «небогатость» (от остальных они отличаются большим количеством оружия) подтверждают точку зрения, что у этих племён господствовала военная демократия, а общество характеризовалось высокой социальной мобильностью (Бунятян Е. П., 1985. С. 32).

Это всё, вместе с крайней скудностью быта, полной зависимостью от природных условий и результатов военных походов сформировало новый тип мировосприятия и мировоззрения, кардинально отличный от оседлого.

Постоянные войны обусловили формирование новой структуры ценностей. Скорее всего у них, как и у остальных кочевников нивелировались такие понятия как жестокость, подлость, милосердие и т.д. Главной ценностью считался скот (ради захвата которого и велись войны), от него зависела жизнь. Скорее всего он выполнял и некоторую сакральную роль. Священным также было и оружие, неприменимый атрибут воина в захоронении, атрибут или олицетворение бога войны, обычный для кочевников культ.

Будучи ещё очень близкие к первобытному обществу они сохранили массу пережитков. Но самое главное они сохраняли символизм и образность мышления (они были характерны населению мира до XIX века), вообще свойственные иранским племенам (Кузьмина Е. Е., 1976. С. 54). В искусстве (чаще всего геометрический орнамент) изображалась не конкретика, а носители определённых идей. Мировосприятие как и всех иранцев было диалектично и амбивалентно и основывалось на представлении о движении, цикличности и развитии, переходе от одного состояния в другое (Мартынов А. И., 1987. С. 14), своеобразное отображение культа природы, распространённого, как и у всех первобытных народов - особенно почитание солнца, типичное для иранских племён явление, от которого зависела жизнь. Также очень популярна была парциальная магия (об этом свидетельствуют детали конской сбруи в погребениях), культ предков, различные магические верования.

Таким образом, в результате климатических изменений, в степях Юго-Восточной Европы формируется новый хозяйственный и жизненный уклад, что влечёт за собой перестройку сознания и ценностей. Главной материальной ценностью становится скот, а основным способом его добычи - война, что повлекло за собой формирование и распространение культа оружия и бога войны. Диалектичность и амбивалентность мировосприятия, символизм и образность мышления стали основой для широкого распространения магических обрядов и действий, фетишистскому поклонению отдельным предметам и животным.

Литература

1. Бунятян Е. П. (1985) О формах собственности у кочевников // Археология и методы исторических реконструкций. К. С. 21-43.
2. Бунятян К. П., Мурзин В. Ю., Симоненко О. В. (1998) На світанку історії. К.

3. Иванчик А.И.(1995)К вопросу об этнической принадлежности и археологической культуре киммерийцев//Вестник древней истории, №1,С.3-22.
4. Кузьмина Е.Е.(1976) Скифское искусство как отражение мировоззрения одной из групп индоиранцев//Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии.М.,С.52-64.
5. Мартынов А.И.(1987) О мировоззренческой основе искусства скифо-сибирского мира//Скифо-сибирский мир.Новосибирск,С.13-25.
6. Мелюкова А.И.(1993) Об особенностях экономики и образа жизни в западной части Скифии//Краткие сообщения института археологии АН СССР, вып.№207,М.,С.39-41.
7. Плетнёва С.А.(1982)Кочевники средневековья. М.

Скарификации в системе социо-культурных символов

Гринько И.А.

аспирант

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Россия

Wagrishe@gmail.com

Если феномен татуировки относительно хорошо отражен в научной и научно-популярной литературе, то такое, не менее широко распространенное, явление как скарификация, незаслуженно было обделено вниманием. В данной работе будет сделана попытка определить место и функцию скарификации в социо-культурной системе.

Собственно под скарификацией (от англ. scarification – шрамирование) подразумевается преднамеренное нанесение шрамов на кожные покровы.

Сама технология нанесения рубцов и шрамов на кожные покровы широко варьирует. В некоторых случаях делают просто небольшие надрезы. Иногда кожу намеренно приподнимают, увеличивая при этом ширину шрама, что позволяет изменять композицию рисунка. В некоторых случаях для того, чтобы придать шраму объем, могут использоваться разнообразные наполнители (натуральные красители, пепел, пух и т.п.). Глубина шрамов также отличается, причем довольно сильно, от нескольких миллиметров, до глубоких болезненных порезов до самой кости.

Первую функцию скарификаций некоторые авторы считают основной и даже рассматривают ее как одну из причин их появления: *«скарификации первоначально возникли, чтобы отличать своих в бою»* (Пирцио-Бироли, 2001, 127) Тезис представляется весьма спорным, однако нельзя не подчеркнуть особую важность, как скарификаций, так и всех соматических модификаций в целом, в качестве этнического маркера. Так Э. Эванс-Причард, описывая ритуальные скарификации у *нуэр*, сформулировал это следующим образом: *«скарификации более чем что бы то ни было отличают культуру нуэров и придают им чувство превосходства»* (Эванс-Причард, 1985, 225). Скарификации практически идеально подходят для функции маркера: их просто наносить, можно создавать узор любой сложности, они хорошо заметны и т.п. Особенно необходимость в подобной знаковой системе возникает в иноэтническом окружении, когда велика *«потребность в обозначении, в собственном отличительном символе»* (Дечамп Чапо, 1983, 36). Именно по этой причине африканские невольники на Кубе создали сложную систему насечек, которая не только выделяла их среди всех остальных этнических групп, но и позволяла идентифицировать отдельные племенные группы выходцев из Африки.

У некоторых народов, эта функция нашла отражение даже в мифологии. К примеру, происхождение шрамирования у *догон* описывается в мифах следующим образом: *«чтобы узнавать друг друга они нанесли на свои лица три или четыре насечки, по совету Мусса Корони, так как не знали языка и одежды»* (Котляр, 1975, 69).

Скарификации могут использоваться для обозначения не только племенной или этнической принадлежности, но также как знак социального положения. Возможно, что эта функция является еще более важной, учитывая относительную сложность социальной структуры в традиционных обществах и необходимость в четком и быстром определении статуса человека.

Иногда скарификации становятся отличительным знаком тайного союза или общества, примером может служить обычай наносить шрамы членам тайного мужского общества Леопарда в Сьерра-Леоне (Грин, 1966, 39).

Помимо вышеперечисленного скарификации очень часто включаются в обряды инициации. У народа *тома* (Гвинея-Бисау) скарификация является основным моментом во время возрастных инициаций мальчиков. В ходе ритуала наносятся три ряда рубцов по дуге от груди, через бока к затылку. Они символизируют собой следы зубов Великого духа, пожравшего иницируемого: стандартная тематика для обрядов инициации. При этом необходимо отметить, что скарификация является обязательным и ключевым моментом только в мужских ритуалах. Женщины *тома* подвергают себя скарификации исключительно в эстетических целях и без специальных ритуалов (Гэсо, 1979, 105).

Бергдамы Южной Африки во время инициаций девушек делают им надрезы под грудью, в которые втирается растолченная табуированная пища. Инициация считается завершенной, а табу снятым, когда эти шрамы заживают (Бьерре, 1964, 49). Аналогичные по морфологии ритуалы можно проследить у *бушменов кунг*, однако существуют и некоторые нюансы. Здесь скарификации являются составным элементом уже мужской инициации. Молодым охотникам наносят шрам на переносицу, куда втирается высушенные и истолченные глаз и сухожилие антилопы (Там же, 126). Это магическое действие должно передать будущему охотнику зоркость и быстроту антилопы.

Однако в некоторых случаях скарификация не завершает, а наоборот предваряет основные этапы инициации. У австралийских племен *вогайт* и *гинму* скарификация должна показать полное безразличие иницируемого к боли, перед более серьезными испытаниями, такими как обрезание (Basedow, 1907, 9).

Женщины народа *кавирондо* наносят на живот и на грудь пунктирные надрезы, как они говорят «на счастье» (Брайнт, 1953, 49). В данном случае скарификация, по сути, выполняет функции оберега или талисмана.

Необходимо вспомнить и об эстетической составляющей скарификации. Очень часто они не включаются в систему обязательного ритуала, но, тем не менее, широко распространены, как украшение. Например, среди австралийских аборигенов широко распространено нанесение рубцов для привлечения сексуальных партнеров. У племени *алави* скарификации не входили в обязательные ритуалы инициации, однако, несмотря на это, были очень популярны из-за того, что «*нравились женщинам*». По мнению аборигенов, «*рубцы украшают мужчину и служат доказательством его мужества*» (Локвуд, 1971, 89).

Несмотря на разнообразие функций скарификаций в социо-культурной системе, нельзя не обратить внимания на тот факт, что зачастую невозможно провести четкую границу между различными функциями данной соматической модификации. Даже в одной этнической общности, скарификация может выполнять сразу несколько функций: ритуальную, маркирующую, эстетическую.

Литература

1. Брайнт А.Т. Зулусский народ до прихода европейцев. М., 1953.
2. Бьерре Й. Затерянный мир Калахари. М., 1964.
3. Грин Л. Последние тайны старой Африки. М., 1966.
4. Гэсо П. Священный лес. М., 1979.
5. Дечамп Чапо П. Африканские племенные знаки и названия рабов на Кубе // Кубинская этнография. М., 1983.
6. Котляр Е.С. Миф и сказка Африки. М., 1975.
7. Локвуд Д. Я-абориген. М., 1971.
8. Пирцио-Биролли Д. Культурная антропология тропической Африки. М., 2001.
9. Эванс-Причард Э. Нуэры. М., 1985.
10. Basedow H. Anthropological notes on the western coastal tribes. Adelaide, 1907.

**Культура шаровидных амфор на территории Беларуси:
современное состояние и перспективы изучения**

Зуева Александра Владимировна

студентка

Белорусский государственный университет, исторический факультет, Минск, Беларусь

E-mail: Al_Zu@tut.by

Культура шаровидных амфор (далее – КША) сложилась в конце IV – начале III тыс. до н.э. в междуречье Вислы, Эльбы и Одера, расширив в течение тысячелетия свой ареал до побережья Балтийского моря, бассейна Верхнего и Среднего Днепра и притоков р. Серет. В конце III тыс. до н.э. ее носители достигли современной территории Беларуси, оставив там ряд объектов, открытых и изученных относительно недавно. В настоящее время в указанном регионе известны: памятник производственной деятельности населения КША Красносельские шахты, который только в последнее десятилетие начал связываться с рассматриваемой культурой (Чарняўскі, 1997); исследованные в 70-х гг. XX в. могильники, расположенные около поселка Красносельский и деревни Малые Едковичи (все – Гродненская область); а также единичные местонахождения керамики и кремневых орудий труда (Szmyt, 1999).

Имеющиеся данные о пребывании носителей КША на территории Украины и Польши (где, например, могильников известно свыше 50 и 250 соответственно) говорят о недостаточной степени изученности культуры на Беларуси. Точная топография, количество и типология памятников, специфические характеристики керамического комплекса и кремневого инвентаря, а, главное, пути распространения, формы контактов с местным населением и, в целом, роль и место КША в общекультурной ситуации не только Беларуси, но и соседних регионов окончательно не выяснены. В связи с этим целью данного исследования был выбран поиск перспектив решения названных проблем.

Нами был проанализирован комплекс публикаций по результатам археологических разведок и раскопок в рассматриваемом регионе, что дало возможность расширить круг памятников КША за счет местонахождений, открытых в течение последних лет. Вторым этапом работы стало ознакомление с фондами Национального музея истории и культуры Беларуси (Минск), Музея Белорусского Полесья (Пинск) и Гродненского государственного историко-археологического музея, заключавшееся в поиске и изучении с помощью методов аналогии и типологии четырехсторонних кремневых шлифованных топоров и долот, являющихся культууроопределяющим признаком КША. Результаты проведенных исследований содействовали введению в научный оборот ранее неизвестных коллекций и позволили озвучить ряд предположений.

В настоящее время мы можем говорить не менее чем о 73 местонахождениях КША на территории Беларуси, значительная часть которых (57) представлена находками кремневых орудий труда. Учитывая то, что, во-первых, в основном ареале культуры именно эти предметы являлись наиболее распространенными элементами погребального инвентаря (Wiślański, 1970), а во-вторых, информация о контексте их обнаружения, как правило, отсутствует (во многом это связано со слабой изученностью музейных фондов), нам представляется необходимым поднять вопрос о возможности переосмысления накопленного материала и увеличения количества захоронений КША на территории Беларуси. Следует отметить, что первые попытки такой интерпретации уже предпринимались (Чарняўскі, 2000), тем не менее, мы считаем актуальным проведение дальнейших разработок в указанном направлении.

14 местонахождений КША представлены отдельными фрагментами либо развалами керамических сосудов, главным образом шаровидных амфор. Обращая внимание на тот факт, что подобные находки могут быть маркером расположенных в данной местности археологических объектов (в частности, поселений), мы должны подчеркнуть возможную информативность проведения полевых изысканий в вышеуказанных пунктах. Особый интерес представляют памятники с материалами КША, открытые в окрестностях Красносельских шахт, так как несомненное участие

шаровидников в освоении залежей кремня позволяет предполагать наличие в названной местности поселений рассматриваемой культуры.

Изменение существующих представлений о структуре памятников КША на территории Беларуси, в свою очередь, должно способствовать расширению знаний о социально-экономическом укладе жизни древнего населения, в настоящее время реконструированном весьма поверхностно (Szmyt, 1999).

Проведенные исследования показали, что местонахождения КША локализованы не только в западных, но и в центральных и восточных районах Беларуси. Полученные результаты актуализируют проблему миграции носителей изучаемой культуры, прежде всего – вопрос о пути заселения бассейна Верхнего Днепра. Если в 90-е гг. рассматривался лишь вариант продвижения шаровидников с юга на север (с территории Волыни вверх по Днепру) (Шмидт, 1992), то новые данные позволяют говорить о возможности их продвижения с запада на восток (из Понеманья через Белорусскую гряду).

Кроме того, расширение ареала КША поднимает проблему выяснения форм и механизмов контактов местного и пришлого населения. В настоящее время факт влияния КША на формирование культур раннего бронзового века указанного региона является доказанным (Szmyt, 1999), при этом сведения о заимствовании восточноевропейских черт шаровидниками практически полностью отсутствуют. В связи с вышесказанным нам представляется перспективным поиск свидетельств влияния автохтонных культур на КША, требующий обращения в первую очередь к керамическому материалу.

Таким образом, проведенные исследования расширяют круг данных, касающихся пребывания носителей КША на территории Беларуси. Увеличение числа объектов рассматриваемой культуры, уточнение их количественных и качественных характеристик позволяет говорить о возможности изменения существующих реконструкций структуры памятников КША. Расширение ареала культуры содействует пересмотру проблемы миграции шаровидников, а также актуализирует вопрос о взаимодействии различных групп неолитического населения. Наконец, полученные результаты демонстрируют необходимость проведения дальнейших исследований, способствующих выяснению места и роли КША в общекультурной ситуации не только Беларуси, но и всей Восточной Европы в целом.

Литература

1. Чарняўскі, М.М. (2000) Зямля нашых продкаў // Памяць: Баранавіцкі раён. Мн.
2. Чарняўскі, М.М. (1997) Культура шарападобных амфар // Археалогія Беларусі. Мн.
3. Шмидт, Е.А. (1992) Погребальный комплекс культуры шаровидных амфор в верховьях Днепра // Российская археология. № 4. С. 156 – 161.
4. Szmyt, M. (1999) Between West and East. People of the Globular Amphora Culture in Eastern Europe. 2960-2350 BC. Poznań.
5. Wiślański, T. (1970) The Globular Amphora Culture // The Neolithic in Poland. Wrocław-Warszawa-Kraków.

К вопросу определения основных направлений исследования курганного строительства срубной культуры Днепро-Донского междуречья

Краснорудская Наталья Александровна

студентка

Донецкий национальный университет, исторический факультет, Донецк, Украина

samareva@dongu.donetsk.ua

Важнейшей составляющей археологического комплекса по изучению срубной культуры являются материалы курганных могильников. Учитывая, то обстоятельство, что они исследованы значительно лучше и в более массовом количестве, по сравнению с другими типами памятников (поселениями, кладами, рудниками), могильники занимают ключевое место в решении вопросов периодизации и хронологии, выявления локальных особенностей, определении культурных ареалов, социальных реконструкций, изучении

духовной культуры и прочих. Из перечисленных направлений наименее исследованным является курганная архитектура.

Первые описания и попытки систематизации курганных насыпей появились еще в начале XX в., когда были опубликованы результаты раскопок В.А. Городцова (1907, с.286-365), в дальнейшем этому вопросу уделяли мало внимания, даже когда увеличился объем исследованных степных курганов. Первыми аналитическими работами стали статьи и диссертационное исследование В.В. Отрощенко (1979, с.77-129), который обобщил результаты работ в Степном Поднепровье. Немало внимания курганному строительству срубного времени уделила И.Ф. Ковалева (1987, с.1-34). Срубные курганы Подонцовья и Донецкого кряжа стали объектом исследования Р.А. Литвиненко (1994, с.64-86), а социологическая интерпретация курганных материалов освещается в работах В.В. Цимиданова (2004, с.6-110). В ряде работ других исследователей (Визгин А.В., Левых Г.А., Чередниченко Н.Н., Колотухин В.А., Ильков Л.С. и др.) большое значение придается изучению отдельных аспектов курганного строительства срубной культуры. Однако, несмотря на все выше указанное, специального, обобщенного исследования традиций курганного строительства срубной культуры так и не появилось. Пока еще эта тема рассматривается в небольших статьях, тезисах или отдельных публикациях. Кроме того, нет общей «стратегии» изучения данной проблематики. Это проявляется, например, в том, что у разных исследователей используются разные критерии выделения длинных курганов, отсутствует общепринятая терминология для обозначения каменных сооружений и других конструктивных элементов. Не изучались параметры курганов срубной культуры.

Целью работы является постановка вопроса определения основных направлений исследования курганного строительства Днепро-Донского междуречья.

В рамках срубной культурно-исторической общности предложено выделять две больших культуры – покровскую срубную и бережновско-маевскую срубную (Отрощенко, 2002). Для каждой из них В.В.Отрощенко называет основные черты, характерные для их курганной архитектуры. Курганный комплекс срубной культуры представляет собой достаточно сложную конструкцию и состоит из следующих элементов: подкурганная площадка, курганная насыпь, внешнее оформление насыпи. Конечно, не всегда все эти элементы присутствуют в курганном сооружении, иногда некоторые отсутствуют. Каждый из компонентов имеет свои особенности и значение. Поэтому для того, чтобы представить себе общий вид исследуемого объекта (кургана), нужно провести детальную характеристику всех его составляющих. Однако, на основе одного или нескольких курганных памятников, мы не можем определить общие закономерности, которые присущи курганному строительству.

Из этого можно сделать вывод, что необходима систематизация и классификация источников в рамках всей срубной культуры Днепро-Донского междуречья. Кроме того, данные, полученные в результате археологических раскопок должны сопоставляться с другими источниками (лингвистическими, этнографическими и другими), что позволит выйти на уровень культурно-исторической интерпретации, а это, в свою очередь, имеет значительные перспективы. Большое значение может иметь выделение, как общих черт, так и регионального своеобразия строительных традиций. Актуальным представляется и изучение содержательной стороны курганных сооружений и курганных могильников в целом, их места в мировоззрении и религиозной практике населения эпохи поздней бронзы.

Литература

1. Городцов В.А. (1907) Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии // Труды XIII Археологического съезда. – М. – Т.1.-с.211-365.
2. Ковалева И.Ф. (1987) История населения пограничья лесостепи и степи Левобережного Поднепровья в позднем энеолите – бронзовом веке: Автореф. дис.... канд. ист. наук. – К.-с.1-34.
3. Литвиненко Р.А. (1994) Срубная культура бассейна Северского Донца: Дис.... канд. ист. наук. – К.-с.64-86.

4. Отрощенко В.В. (1979) Племена срубной культуры степного Поднепровья (по материалам погребальных памятников): Дис.... канд. ист. наук. – К. // НАИА. НАНУ. – Ф.12 - №598.- с.77-129.
5. Отрощенко В.В. (2002) История племен срубной общности: Автореф. док. дис.... – К.- с.15-19.
6. Цимиданов В.В. (2004) Социальная структура срубного общества. – Донецк. – с.6-110.

Этнические группы Букеевской Орды

Курумбаев Н.Ш., Курумбаев А.Ш.

Ассистент, Ученик

*Западно-Казахстанский государственный университет им. М. Утемисова
и средняя общеобразовательная школа им. М. Маметовой, п. Сайхин, Казахстан
Nadir_etnolog@mail.ru, aibulat@mail.ru*

В последние годы особое внимание уделяется учеными Казахстана на появление первых государственных образований на территории Младшего жуза. Актуальным является появление на этой территории Ногайской Орды в XV-XVI веках, где основную роль сыграли ногаи.

В начале XIX века Букеевская Орда отличалась не только особенностями территориального устройства, социально-экономического положения, но и этнического состава. Здесь наряду с родами Младшего жуза с единым языком и вероисповеданием проживали и отдельные этносы – ногаи и карагаши, имеющие родственные этнокультурные признаки.

Одним из крупных государственных образований, возникших на территории Дешт-и-Кипчака в ходе распада государства Жошы и ослабления Ак Орды, была Ногайская Орда. Основная территория Ногайской Орды находилась в степях между Етилем (р.Волга) и Яиком (р.Урал), ее центр в низовьях Етиля и в районе Сарайчика на Яике.

В 40-х гг. XVIII царская власть стремилась переселить ногаев, которые бежали от крымского и калмыцкого ханов считая, что «их предки в казахской степи». Поэтому 1744-1745 гг. с Кубани переселились в Оренбургскую губернию к озеру Сакмар султанские аулы ногаев и астраханско-карагашские ногаи, которые вошли в состав Казахского войска.

После перехода султана Букея на Самарскую сторону, он определяет каждому роду кочевья. В 1864 году в журнале «Эпоха» № 11 вышедший в Петербурге под руководством Достоевского, печатается статья «Внутренняя или Букеевская Орда», где приводится количество семей и скота на 1801 год: ... ногаев 1095 семей ... (Достоевский, «Внутренняя или Букеевская Орда». Эпоха №11. 1864). По документам 1851 г. в Букеевской орде было 1093 кибиток, в 1889 их было около 2000 семей. По переписи 1926 г. по Уральскому округу (Таловский, Джаныбекский, Урдинский, Азгирский районах) было 5696 ногайских хозяйств. На увеличение числа ногаев, скорее всего, повлияло то, что они занимали высокое положение, были в доверии у султанов и были включены в состав войска хана. Во время правления хана Жангира им выделяется земля около Ханской ставки у близлежащих лиманов 1 млн. 800 тыс. десятин пастбищных и сенокосных угодий. Об их высоком положении говорило и то, что кояс-ногай Шомбал Ниязов был одним из двенадцати биев составлявших совет хана (ПМА). Хан Жангир не захотел, чтобы они жили как отдельный этнос, поэтому в официальных документах ногайцы были включены в состав казахских родов и записывались как ногай-казах. Причину этого мы видим в следующем: Жангир хотел увеличить число подданных, и стал раздавать земли ногаям. А по закону земли могут даваться только казахским родам, и он превратил ногаев в один из казахских родов. Об этом свидетельствует документ 1814 г. «Роды Букеевской Орды их зимовки и кочевки», род ногай – 620 кибиток; подотделения: 1.Куяс, 2.Казан-кулак, 3.Костамбалы, 4.Уйсын; места кочевья: зимуют в верхней части Рын песков, а летом кочуют в пределах Саратовской области. У каждого отделения своя тамга,

так у Костамбалы и Казанкулака тамга «||» (двойная тамга), тамга Кояса «Х», Уйсуня «=>» (ПМА).

Русский исследователь А.Харузин приводит сведения об антропологических и этнографических особенностях ногайцев: «Они высокие, женщины также отличаются большим ростом, чем киргизы, худощавее и стройнее киргиза. Они носят плисовые кафтаны, род жилета с серебряными застежками, рубашка отличается непомерно длинным воротником и головные платки у женщин голубого цвета». Также он отмечает: «Что касается языка, то он чисто киргизский (казахский – А.К., Н.К.), и, как передавали мне, несколько перемешан с татарскими словами» (Харузин, №201-1 №10 УИРМ № 3696). На сегодняшнее время язык ногаев чисто казахский, в нем полностью отсутствуют элементы татарского языка. Здесь можно говорить о ассимиляции данного этноса. Сегодняшними особенностями рода ногай является своеобразная надмогильные сооружения в п. Урда.

Следующей этнической группой Букеевской Орды являются карагаши. Группа карагашев образовалась от ногайцев, переселившихся с Северного Кавказа, вторая часть от татар-мишар переселившихся с Казани. Их первое поселение было в Астраханской губернии местечке Кундрау, из-за этого их прозвали кундаровские татары. Такие же предположения высказывают и сами карагаши. По официальным документам того времени писалось кундаровские татары.

Причиной появления карагашей в Букеевской Орде их потомки указывают на приглашение их ханом Жангиром для постройки домов в Ханской ставке. Приближенность ногаев и карагашей к ханскому двору, а также их близкие родственные отношения подтверждают кулпытасы (надгробные стелы – А.К., Н.К.), которые расположены на одном холме вместе с могилой хана Жангира. Им тоже были выделены земли (Нарынбай, Сарсемали, Бабай сад), но бии были против этого, тогда их причислили к ханским толенгутам. Принадлежность их к туленгутскому роду подтверждает и то, что у них была схожая тамга (рис 1).

Тамга туленгутов

Тамга карагашев

РИС 1. Тамга туленгутов и карагашей

Карагашев местное население прозвало «балташы», что в переводе означает топор, и само слово можно перевести как «плотник». Сами карагаши также утверждают, что их предки построили большинство деревянных домов в Ханской ставке. Непосредственно само название «карагач» казахи Букеевской Орды называют дерево «вяз».

Занятие плотницким делом, работой по металлу, бахчеводство сохранилось у них и сегодня. Сейчас в Бокейординском районе в поселках Урда, Сайхин, Карасу живут потомки карагаш-татаров. Они считают себя казахским родом карагаш.

Сколько времени не прошло, сколько поколений сменилось их антропологические особенности сохранилось, те же зеленовато-желто-карие глаза, высокий рост. Прошло два века, но эта этническая группа казахскую землю считают своей Родиной.

Литература

1. Достоевский Ф. «Внутренняя или Букеевская Орда». Эпоха №11. 1864.
2. Полевые материалы автора, 2001-2005 гг. Фонд полевых этнографических материалов кафедры истории Казахстан ЗКГУ им. М. Утемисова.
3. Харузин А. Этнографическая книга. Архив музея истории Букеевской Орды. №201-1 №10 УИРМ № 3696

Палеометаллические изделия из Западной Волыни

Маркус Игорь Ярославович

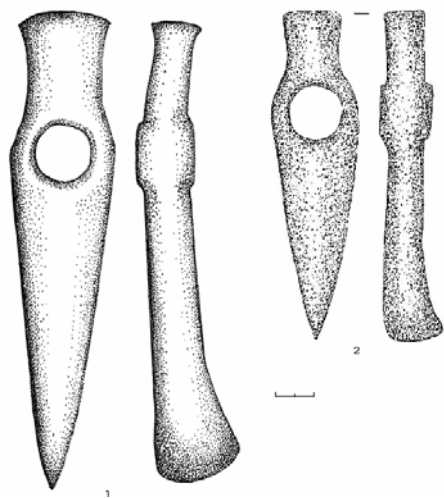
студент

Волынский государственный университет им. Леси Украинки, Луцк, Украина

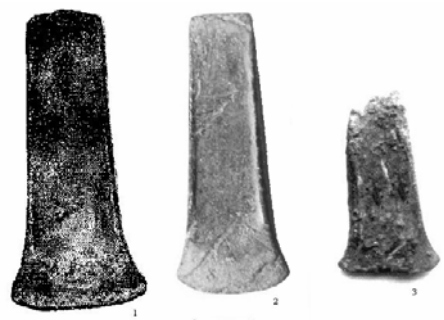
E-mail: markig@ukr.net

В IV-III тысячелетиях, с наступлением энеолита и бронзового века, в хозяйстве, общественных отношениях и племенном составе населения Западной Волыни состоялись большие изменения. Они связаны с началом широкого применения металла, что дало новый толчок социальному и экономическому развитию. Поэтому важным является изучение и исследование металлических артефактов из памятников данного периода.

В разное время на Западной Волыни найдены медные и бронзовые изделия эпох энеолита, бронзы. К более раннему периоду принадлежит, наверное, два медных топора с отверстиями, один из которых найден в Млыновском р-не Ровенской области, а второй — возле с.м. Торчин Луцкого р-на Волынской области (рис. 1). Этот топор сохраняется в фондах Волынского краеведческого музея (А – 11496). Он имеет удлиненную форму, зернистую поверхность, рабочая часть заострена. Длина топорика 17 см, ширина — 5 см; отверстие для рукоятки имеет диаметр 2,8 см. Аналогичный топор с Млыновского р-на немного больше (25 x 5,5 см, отверстие — 3 см).

— 3 см; второго — соответственно 8,4 см и 2,5 см. Третий топорик, от которого сохранился лишь обушок, был немного больше. Таким образом, все они отлиты в разных литейных матрицах.

Отметим, что во время раскопок общей польско-украинской экспедицией в с. Зымно в 1997 г. найден был кусочек меди [Bronicki, 1999, s. 21].

На памятнике Зымно среди энеолитических преобладают материалы из поселения культуры воронковидных сосудов. Тем не менее, есть там керамика и волыно-люблинской культуры, и позднего Триполья, и даже культуры шарообразных амфор. Которой из них принадлежали медные изделия сказать сложно. Не исключено — именно волыно-люблинской.

Подобные изделия известны в Подунавье, Малопольше. Они могут быть связаны с тисо-полгарскими культурами, которые на данной территории представляет волыно-люблинская культура. В Поднестровье, в разрисованном сосуде трипольской культуры, синхронной к упомянутой, найден клад медных вещей: топор с отверстием и плоский топор [Давняя история Украины, 1997, 339, рис. 127, 2, 3].

На исследуемой территории также найдены три медных плоских топора из с. Зымно Владимир-Волынского р-на Волынской области (рис. 2), где проводили исследования М. Пелишишин и Ю. Захарук [Энеолит..., 1982, с. 260]. Все топоры однотипны: они клиновидные, прямоугольные в поперечном разрезе, обушки тонкие, лезвия прямые. Длина одного из них составляет 8,5 см, ширина лезвия

Спектральный анализ, проведенный учеными Черных Е. Н. и Рындиной Н. В. в Московском государственном университете им. М. Ломоносова, показал, что топоры изготовлены из сравнительно чистой меди с естественной минимальной примесью других металлов. Заготовки были отлиты в закрытых двусторонних формочках, выполненных, вероятно, из грубозернистого камня. После отливки с целью устранения дефектов литья топоры были прокованы при температуре не ниже 435°C [Пелишишин, 2004, с. 90].

В. Клочко считает, что плоские топоры принадлежат к раннеунетицкому типу [Клочко, 2001, с. 25], который мог быть синхронным раннекласической межжановицкой [Machnik, 1991, s. 17], то есть городоцкой (за И. Свешниковым) культуре [Свешников, 1974, с. 83-94].

Интенсификация обмена металлическими изделиями наблюдается в III – в начале и середине II тыс. до н.э. и связана с пребыванием на землях Волыно-Подольской возвышенности и Полесья населения таких культур, как раннемежановицкая с ее городоцко-здолбицким вариантом на Волини, стжижовская, восточнотшинецкая.

Я. Махник отмечает, что в бассейнах Стыря, Горыни межжановицкие элементы культуры некоторое время оставались в законсервированном состоянии. С другой стороны, сюда доходили сильные влияния из Нижнего Дуная и Семиградья. Вместе с ними попадают “довольно многочисленные импорты металлических предметов, которые иногда накапливаются в первых кладах” [Węgrzynowicz, 2001, s. 66] (например, стебливской [Свешников, 1974, с. 158-195]).

Металлические изделия западноволыньских культур энеолита-бронзы происходят как из традиционных европейских центров металлопроизводства (карпато-трансильванского, кавказского), так и из местных меднорудных месторождений. Предположительно, часть находок вырабатывалась на месте.

Месторождения меди на Волыньском Полесье известны в нескольких местах: Великом Мидске, Полицах, Яновой Долине Костопольского района, Маюничях Володимирецкого района Ровенской области, а также в Ратновском районе Волинской области. Наиболее известное месторождение возле с. Великий Мидск [Давняя история..., 1997, с.458], где выходы базальтов на поверхность, а в них самородной меди, прослеживаются в двух местах: первый — возле сельской мельницы, второй — за 4 км на запад от села в покинутом карьере. Шурфированием польский довоенный геолог С. Малковского в 1928-1930 гг. в первом месте нашел углубления в виде узких коридорных траншей, которые остались, наверное, от первоначальных разработок. Там найдены каменные топоры, которые могли вырабатываться на месте и использоваться во время горных работ. В траншеях найдена и керамика того времени. Наибольшие подобранные здесь самородки меди имели вес 807-892 г, а гнезда окисленных медных минералов были расположены на площади 0,5 га [Małkowski, 1931, s.757]. Спектральный анализ образцов из этого месторождения показал большое содержание меди — 99,98%. Анализ медных минералов из месторождения Великого Мидска и изделий культур шнуровой керамики Западной Волини показал, что на его долю приходится половина исследованных металлоизделий [Рындина, 1980, с. 24-42].

Авторами осуществлены исследования региона вокруг с. Великий Мидск с целью выявления памятников бронзового и раннежелезного веков, а также мест возможной обработки самородной меди. Большая концентрация поселений городоцко-здолбицкой, стжижовской, восточнотшинецкой культур вокруг села (в радиусе 30 км их насчитывается больше 100) опосредствованно свидетельствует о значении этого региона в добычании меди и производстве топоров из местного базальта, в толщах которого и находится самородная медь.

Литература

1. Давня історія України. — К.: Наук. думка, 1997. — Т. 1. — 558 с.
2. Клочко В. І. Розвиток озброєння “шнурових” культур України як відображення етно-культурних процесів в регіоні // *Od neolityzacji do początków epoki brązu.* — Poznan, 2001. — С. 241-258.
3. Пелешин М. Енеолітичне поселення Зимне в Західній Волині. — Тернопіль, 2004.
4. Рындина Н.В. Метал в культурах шнуровой керамики Украинского Предкарпаття, Подолии й Волини // *Советская археология.* — 1980. — №3. — С.24-42.
5. Свешников І. К. Історія населення Передкарпаття, Поділля і Волині в кінці III – на початку II тисячоліття до нашої ери. — К., 1974. — 208 с.
6. Энеолит СССР. — М.: Наука, 1982.
7. Bronicki A. *Zimne-„Grodisko” (Ukraina)* // *Z otchłani wieków.* — № 2. — 1999. — S. 20-26.

8. Machnik J. Stosunki kulturowe w Europi środkowowschodniej na przełomie neolitu i epoki brązu (wybór zagadnień) // Schyłek neolitu i wczesna epoka brązu w Polsce środkowowschodniej. — Lublin, 1991. — S. 13-22.
9. Małkowski S. O złożu miedzi rodzimej w Wielkim Mydźku na Wołyniu // Sprawozdania Polskiego Instytutu Geologicznego. — Warszawa, 1931. — T. VI. — Z. 4. — S. 757-774.
10. Węgrzynowicz T. Zabytki z epoki brązu i wczesnej epoki żelaza z Ukrainy i Białorusi w zbiorach Państwowego Muzeum Archeologicznego w Warszawie. — Warszawa, 2001. — 123 s.

**Роль знамен в военном деле средневековых кочевников
(по изобразительным источникам)**

Мухарева Анна Николаевна

научный сотрудник

Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия

E-mail: mukhareva@mail.ru

На многих изобразительных памятниках Центральной Азии, в сценах, связанных с военной тематикой, часто встречаются изображения знаменосцев. Имеющаяся в нашем распоряжении источниковая база, содержащая сцены со знаменосцами, достаточно обширна и включает петроглифы, настенные росписи, резные изображения на предметах торевтики, костяных пластинах и т.д. Значительная часть этих рисунков известна по публикациям разных авторов и датируется эпохой средневековья.

В науке сложилось понятие *знамя* (стяг) или «*знаменный комплекс*», составными частями которого являются *штандарт* (или *навершие*), *бунчук* (или *челка стяговая*⁵⁵) и *полотнище*, прикрепленные непосредственно к древку (Рабинович, 1947, с. 33). Все эти части стяг имел только в своем полном составе. Навершие обычно укреплялось наверху знамени, ниже - «челка стяговая» (бунчук), еще ниже - самое полотнище; низ древка имел специальное острие, или «вток», чтобы легче было водрузить стяг прямо на земле» (Рабинович, 1972, с. 176). Практически любая из частей (кроме древка) могла отсутствовать. Например, бунчук без полотнища широко применялся на Востоке, а у древнерусских стягов чаще отсутствовала челка и не всегда имелось навершие (Рабинович, 1972, с. 176).

К сожалению, по изобразительным материалам трудно судить обо всех видах существовавших в средневековье *наверший*, хотя навершие стяга с древности играло важную роль в военном деле, особенно в определении принадлежности отряда. Оно делалось довольно крупным, четким по очертаниям, хорошо различимым издали. А. П. Окладников считал, что «навершия» являлись древнейшими знаменами степных племен и напоминали переднеазиатские. Это были фигурные изделия из меди и бронзы, которые изображали различных животных и изредка человека. «Волчьи» знамена древних кочевников представляли, по-видимому, такие же фигурные штандарты, как знамена с головой дракона в сасанидском Иране или с орлами у римлян» (Окладников, 1951, с. 148).

Известно, что во все времена и у всех народов знамена играли большую роль как в военном, так и в мирном общественном быте. Они символизировали единство (а иногда и общее происхождение) определенной группы людей, их честь и славу (Рабинович, 1972, с. 171). Для используемых же нами изобразительных источников характерно то, что в них представлена исключительно военная тематика. Поэтому мы рассматриваем прежде всего *роль знамен в военном деле*.

Основные сюжеты изобразительных памятников связаны, как правило, с отдельными эпизодами, отражающими различные фазы подготовки или проведения боя.

¹ Челкой стяговой называют колечко из конских волос (гривы или хвоста), располагавшейся ниже навершия в верхней части древка.

В петроглифах изображены *разнообразные формы и типы знамен*: с полотнищами в виде прямоугольника на верхнем конце древка; иногда с треугольным вырезом по свободному краю или с украшениями в виде кистей (или хвостов животных) (?) (наскальные рисунки Минусинской котловины, Прибайкалья, Алтая, Казахстана и др.).⁵⁶ Так, ленские знамена изображены в виде прямоугольников, перпендикулярно прикрепленных на конце длинного древка. Сбоку от некоторых отходят три поперечные линии, по мнению А. П. Окладникова, изображающие три хвоста знамени, которые должны были развеваться по ветру. Им проводятся аналогии с иранскими войсковыми знаменами, выполненными из материи с развевающимися на них вырезами-хвостами, а также с ранними матерчатými знаменами арабов. По А. П. Окладникову, полотнища древнейших знамен имели именно прямоугольную форму (Окладников, 1951, с. 148-149). Но, пожалуй, среди петроглифов наиболее представительна серия флагов-бунчуков и небольших флажков, насаженных на копыта или пики (особенно в петроглифах Монголии и Семиречья). С бунчуками на копьях (пиках) или с небольшими флажками всадники часто изображены мчащимися, нацелившись на противника, либо уже в момент нанесения удара.

Все боевое построение армии производилось по знаменам – знаменами обозначались не только такие крупные части боевого построения, как авангард, арьергард и фланги, но и все прочие элементы боевого построения. Каждый командир имел свой особый значок, который служил признаком его части (Конрад, 1977, с. 145).

Изобразительные источники дают представление и о более сложных вариантах знамен, например, о так называемом «*драконовом знамени*», изображенном, например, на Кызыльских фресках (Самашев, 1996, рис. 3.2, 3.3), на пластине из Орлата (Пугаченкова, 1987, с. 57) и др. Как воплощение страха дракон был популярной эмблемой воинов на протяжении длительного времени. Возможно, что данный вид знамен как в древности, так и в средневековье использовали для психологической атаки врага.

Следует отметить еще один нюанс, связанный с использованием *звуковых сигналов* в системе коммуникации, широко распространенных как в древности, так и в средневековье. Наряду с использованием таких звуковых сигналов как барабанная дробь, звуки флейт, рожков, гонгов, звучание человеческого голоса, передающего команды и т.п. могли применять и «драконово» знамя, возможность которого шипеть или свистеть вполне могла помогать воинам ориентироваться при потере знамени из вида. Возможно, знамена-драконы обладали не только разным обликом, но и индивидуальным звучанием (Туаллагов, 2000, с. 159).

Следует отметить, что сюжеты со знаменосцами вообще, и знаменосцами с «драконовым знаменем», в частности, распространены на широкой территории от Монголии до Балкан и встречаются на различных типах памятников эпохи средневековья, а также на античных исторических рельефах, тканях, костяных пластинах и других материалах. Предоставляя в наше распоряжение разнообразный материал по истории средневекового военного искусства, изобразительные источники демонстрируют то, что не возможно проследить по данным археологии.

Литература:

1. Беленицкий А.М. Монументальное искусство Пенджикента. – М., 1973.
2. Конрад Н.И. Избранные труды. Синология. – М., 1977.
3. Окладников А.П. Конь и знамя на Ленских писаницах // Тюркологический сборник. – Т. I. – М.-Л., 1951. – С. 143-154.
4. Окладников А.П., Запорожская В.Д. Ленские писаницы. – М.-Л., 1959.
5. Пугаченкова Г.А. Образ кангюйца в согдийском искусстве // Из художественной сокровищницы Среднего Востока. – Ташкент, 1987. – С. 56-62.
6. Рабинович М.Г. Военная сигнализация и связь по данным археологии и этнографии // Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. – Вып. 3. – М.-Л., 1947.

⁵⁶ Некоторые из представленных в петроглифах знамен близки по форме знаменам из Пенджикента (Беленицкий, 1973, рис. 7, 9, 27).

7. Рабинович М.Г. Древние русские знамена (X–XV вв.) по изображениям на миниатюрах // Новое в археологии. – М., 1972. – С. 170-181.
8. Самашев З.С. Граффити средневековых номадов // Вопросы археологии Западного Казахстана. – Самара, 1996. – Вып.1. – С. 259-269. Словарь античности. – М., 1989.
9. Туаллагов А.А. Аланские знамена-драконы // Нижегородский археологический вестник. – Волгоград, 2000. – Вып. 3. – С. 159-162.

Формы осуществления национальной политики Республики Казахстан (на примере Павлодарской области)

Нупрейчик Евгений Николаевич

студент 3 курса

Томский государственный университет, исторический факультет, Томск, Россия

E-mail: ennupreichik@yandex.ru

Кроме процесса глобализации, одной из важнейших проблем является фрагментация мирового политического пространства, в основе которого лежит догоняющее развитие новых наций. Их образование приводит к расколу многонациональных конгломератов и появлению новых государств, формирующих свои стратегии национальной политики. В настоящем докладе рассмотрен пример Казахстана.

Одной из угроз для республики является “вероятность геополитического раскола по этноконфессиональному признаку, а также снижение толерантности массового сознания”, так как в Казахстане проживает более ста национальностей {5. С. 28}. Национальная политика в республике осуществляется эффективно с помощью организаций, имеющих государственный (Отдел по работе с Ассамблеей народов Казахстана Администрации Президента), полугосударственный (Ассамблея народов Казахстана, Малые Ассамблеи народов Казахстана) и негосударственный (национально-культурные центры) характер. Так осуществляется контроль за национальными центрами, а через них - диаспорами.

Ассамблея народов Казахстана является консультативно-совещательным органом при Президенте Республики Казахстан. Целью ассамблеи является “формирование казахстанской идентичности путем консолидации всех этносов Казахстана на основе казахстанского патриотизма, гражданской и духовно-культурной общности и стержневой консолидирующей роли государственного языка и культуры казахского народа” А “первый Президент РК является пожизненным председателем Ассамблеи” {3. С. 1-2}.

Региональными структурами Ассамблеи являются Малые Ассамблеи народов областей, главы администраций которых являются одновременно председателями МАНК. Членами общекзахстанской и региональных ассамблей являются наиболее авторитетные люди, принадлежащие к различным диаспорам, которых представляют общественные организации, имеющие статус национально-культурных центров, и активно содействующие укреплению межэтнической стабильности в обществе.

Молодые члены АНК образуют в составе Ассамблеи молодежное крыло. Ассамблея народов Казахстана имеет свой печатный орган – республиканский журнал “Достык-Дружба”, который выходит с периодичностью один раз в два месяца и финансируется из средств государственного бюджета, образовательные и культурные учреждения.

Так, в Павлодарской области с 1996 г. действует воскресная Школа национального возрождения, в составе которой функционируют 14 национальных классов. Школа работает в двух приоритетных направлениях: образовательное предполагает возрождение, сохранение и изучения языка, истории, духовного наследия этносов; культуроведческое - возрождение, сохранение и дальнейшее развитие самобытной национальной культуры, обычаев и традиций народов {2. С. 11}. В школе собраны преподаватели, специалистов своего дела. Выпускники школы знают свой родной язык, литературу, историю, традиции и обычаи {1. С. 3}.

Замыкает систему органов, занимающихся национальной политикой в Павлодарской области, Библиотека национальной книги, в которой собраны издания на нацио-

нальных языках народов, живущих в области. Фонд библиотеки пополняется за счет бюджетных средств.

Таким образом, в Казахстане проводится политика двойного контроля за национальными движениями и организациями – на государственном и общественном уровнях. Тем не менее, при всем обилии возможностей для развития национально-культурных центров социологический опрос, проведенный в области в 2003 году, выявил данные, что работу национально-культурных центров, а значит и национальную политику в целом, высоко оценивают только респонденты-казахи (31%), 49% респондентов-казахов считают, что в республике существуют равные условия для развития всех национальных культур и языков {4. С. 14}. Положительно оценили работу национально-культурных центров только 18,9% русских; 17,6% немцев; 4,7% татар {4. С. 14}. Полагают, что в республике не в полной мере созданы условия для развития языков и культур или же таких условий нет вообще 47,2% русских; 47,6% татар; 42% немцев {4. С. 14}. Считают, что таких условий в республике нет вообще 20,1% русских; 28,5% татар; 34,7% немцев. Эти цифры не могут не вызывать беспокойство властей и показывают, что несмотря на кажущуюся эффективность национальной политики, в республике по-прежнему остро стоит вопрос свободного развития национальных языков и культур, которое является важнейшим фактором становления гражданского демократического общества.

Литература

Есть язык, есть народ, есть нация! // Славяне. - Павлодар, 2002. - № 1

Об основных направлениях деятельности Ассамблеи по реализации государственной национальной политики в свете требований “Стратегии АНК”. - Павлодар, 2002

Положение об Ассамблее народов Казахстана. Утв. Указом Президента РК № 856 от 26.04.2002

Проблемы межэтнической коммуникации / Под ред. проф. З. К. Темиргазиной. - Павлодар, 2003

Стратегия Ассамблеи народов Казахстана на среднесрочный период (2007 года). Утв. Указом Президента РК № 856 от 26.04.2002

К вопросу о путях проникновения средневековых восточных монет на Урал

Файзуллина Зульфия Долховна

младший научный сотрудник

Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра Российской Академии наук, Уфа, Россия

E-mail: ishtar@yandex.ru; zulfi@mail.ru

Среди археологических предметов, хранящихся в музейных фондах Республики Башкортостан, выделяются раннесредневековые восточные монеты, найденные в основном в ходе археологических раскопок, а также частично поступившие из частных коллекций. Наличие подобных находок, хотя и менее характерных для южной части Уральского региона чем, скажем, для Пермского Прикамья, ставит множество вопросов, и в первую очередь о путях проникновения восточного импорта на Урал.

Уральский регион весьма богат не только культурой и традициями народов проживающих на его территории, но и множеством исторических памятников, дошедших до нас из глубины веков. В этом отношении, отличительной особенностью культурного наследия Урала являются необычайно богатые находки средневекового импорта южного происхождения, среди которых встречаются сасанидские и среднеазиатские блюда и сосуды, ювелирные изделия, а также большое количество как одиночных, так и целых кладов восточных монет. Если же обратиться к карте распространения находок, то можно заметить, что они по большей части сосредоточены в бассейне реки Камы и ее притоков; это говорит о том, что средневековые путешественники, привозившие эти товары на Урал, передвигались в основном водными путями, что также подтверждается сведениями из письменных источников того времени.

В числе монет, найденных в Уральском регионе в целом, встречаются сасанидские монеты V, VI, начала VII в., византийские монеты начала VII в., монеты мусульманских династий VIII, IX, X вв., среди них - в основном саманидские и аббасидские и в меньшем количестве омеядские и других династий, а также, сравнительно в небольшом количестве, хорезмийские монеты VII – VIII вв. Что касается промежутка времени между чеканкой этих монет и их доставкой на место обнаружения, то, по-видимому, он не был слишком большим. На востоке существовал обычай, по которому все монеты при смене правителя перечеканивались, следовательно, эти монеты могли попасть на Урал либо еще в период своего обращения на востоке, либо же непосредственно после него. Относительно путей проникновения восточного импорта в Прикамье, то, по мнению большинства исследователей, они могли доставляться по маршруту, шедшему вверх по Волге из западного Прикаспия. На это указывают находки восточных монет как вдоль Волги, так на месте ее слияния с Камой.

Однако, возможно, что наряду с Волжским торговым путем, существовал и другой маршрут, проходивший через восточный Прикаспий и Среднюю Азию к Южному Уралу, а затем шедший вверх по рекам Урал (Яик) и Белая на Каму. В пользу этого предположения и говорят находки восточных монет на территории Башкортостана. Среди них имеются в основном медные и серебряные аббасидские монеты конца VII – начала IX в., саманидские монеты X в. (в том числе - одно литое подражание), хорезмийская монета VIII / IX в., а также золотые и серебряные омеядские монеты начала VII в.⁵⁷ В литературе также имеется упоминание об одной находке более ранней монеты – золотой византийской монеты Феодосия II (408 - 450), обнаруженной в 1828 году в погребении во время проведения строительных работ на территории города Уфы (Труды, 1837, С. 138-139). Таким образом, монеты, обнаруженные на данной территории, укладываются примерно в те же временные рамки, что и находки в Прикамье, и также в основном были обнаружены вдоль рек - в бассейне реки Белой и ее притоков.

Судя по находкам предметов среднеазиатского и ближневосточного происхождения, торговые пути из Средней Азии на Урал были известны еще в древности (Шмидт, 1925, С. 410; Иессен, 1952. С. 207; Савельева, 1972. С. 106). Вероятно, впоследствии торговля в основном шла теми же путями, однако, в раннее средневековье она стала более организованной и интенсивной, что явилось результатом ряда благоприятных факторов, таких как образование в Средней Азии относительно стабильных политических объединений. Регулярные торговые контакты, по-видимому, продолжают поддерживаться вплоть до X века, которым и ограничивается верхняя хронологическая рамка находок восточных монет на Урале. Данная тенденция прослеживается и на Западе, поскольку также к концу X века постепенно ослабевает, а в XI веке и вовсе прекращается поток восточного серебра в Европу. Одной из главных причин данного явления можно был так называемый «серебряный кризис» - истощение действующих рудников и запасов серебра на Востоке. Кроме того, не менее важным фактором, предопределившим прекращение поставок восточного импорта на Урал, было возникновение политической нестабильности в Средней Азии и, в частности, падение династии Саманидов, что также говорит о значительности данного региона для торговых взаимосвязей племен Урала со странами Востока.

Таким образом, многочисленные находки средневековых восточных монет на Урале свидетельствуют о существовании продолжительных и довольно тесных контактов племен Уральского региона со странами Передней и Средней Азии в домонгольский период. Однако вопрос о путях и формах взаимодействия населения региона с южными странами требует дополнительного исследования.

Литература

1. Иессен А.А. (1952) Ранние связи Приуралья с Ираном. //СА, XVI. С. 206 – 231.

⁵⁷ Данные монеты хранятся в фондах Музея археологии и этнографии УНЦ РАН, Национального музея РБ и Стерлитамакского историко-краеведческого музея. Автор выражает благодарность сотрудникам музеев и проф. Мажитову М.А. за предоставленную возможность в исследовании материала.

2. Савельева Т.В., Смирнов К.Ф. (1972) Ближневосточные древности на Южном Урале. //ВДИ, 3 (121). С. 106 – 123.
3. Труды и летописи общества истории и древностей Российских. (1837) VIII, М.
4. Шмидт А.В. (1925) Туйский всадник. //Заметки коллегии востоковедов. Т.1. Л. С. 410 – 435.

Новые приёмы работы с петроглифическими источниками

Чигаева Виктория Юрьевна

аспирант кафедры археологии

Кемеровский государственный университет

chigaeva_viktori@mail.ru

Известно, что наскальное искусство – особый вид археологических источников, несущий в себе одновременно частицы материальной и духовной культуры общества. В связи с этим информация, которая в нём заключена, стоит рассматривать не только с точки зрения семантического определения, погружаясь в бесконечный ряд мифических образов и эпических героев, которые несомненно играют важную роль при изучении памятников наскального искусства, но и взглянуть на работу древнего художника как на определённую сферу его жизнедеятельности, в которой немаловажную роль играла природа.

Фактор геосреды оказывал влияние не только на выбор места для нанесения изображений, но и на их состав. «Художники» древности, изображая на скалах незамысловатые композиции, сцены из жизни, в то же время, доносили до потомков зачастую совершенно конкретные образы животных и птиц. Поскольку данные образы непосредственно фигурируют в устном народном творчестве (мифы, эпос, легенды, сказки, и т. д.), обрядовой практике, имеют отражение в материальной культуре (мелкая пластика, торевтика, орнаментация и т.д.) и наделены практически идентичными чертами, что и в наскальном искусстве, мы можем строить гипотезы по поводу видового состава тех или иных животных и птиц на писаницах. Для этого важным моментом, на наш взгляд, является не только проведение параллелей с мифо-эпической и обрядовой практикой, с источниками материальной культуры (в том числе изучение остеологического материала), обследование геосреды, в которой мог бы обитать тот или иной вид животных и птиц, но и неприменное изучение миграций обитателей фауны, связанных с неожиданным изменением климата, сезонными колебаниями температур или какими-либо иными изменениями в природе. В следствие чего, работа с зоологами и орнитологами – неотъемлемая часть исследования абсолютно любого памятника наскального искусства. Поскольку судить о миграциях в древней фауне мы можем только по костному материалу, состав которого зачастую ограничен лишь промысловыми видами, для нас предпочтительнее обратиться к изучению современных путей (сезонных) миграций. Так как уже к эпохе неолита фауна была практически сформирована в том современном виде, который мы можем наблюдать сейчас (Оводов, Мартынович, Гуляев, 1992, С. 22-34), то с определением видового состава не должно возникнуть особых трудностей. В то же время, исследование современных путей миграций значительно расширяет наши возможности в определении разновидностей того или иного животного или птицы на писаницах, более конкретизирует вид. Например, рассмотрим в данном ключе образ птицы в наскальном искусстве Северной Азии (Кемеровская обл., Хакасия, Красноярский край, Алтай, Тува, Бурятия, Иркутская обл., Читинская обл., Якутия и Амурская обл.).

Орнитоморфные изображения на писаницах в большинстве своём стилизованные по форме, но в основном реалистичны по содержанию. Совместно с орнитологами д.б.н., профессорами Т.Н. Гагиной и А.Ф. Белянкиным была разработана методика видового определения птиц по изображениям на памятниках наскального искусства. Основу методики определения вида (рода, семейства) птиц составило соотнесение изображений на скалах, курганных плитах и стелах с рисунками орнитологических определителей (Иванов, Штегман, 1978; Флинт, Бёме, Костин, Кузнецов, 1968; Рябицев, 2001) При соотнесении изображений учитывались следующие признаки: форма головы, клюва, тела, крыльев, ног, а также позы, характерные для того или иного вида птиц. При этом важ-

ным моментом, сопутствующим нашей методике, являлось отслеживание соответствия видового определения изображений птиц на писаницах распространению этих видов птиц по местам их обитания и перелётов, особенностям их жизнедеятельности.

Итак, видовой состав изображений птиц на писаницах Северной Азии связан с таким важным природным явлением как сезонные миграции (перелёты). Это обстоятельство нельзя не учесть, так как значительное количество изображений относится к перелётным птицам: гусь, утка, крохаль, шилохвость, дрофа, баклан, кулик, лебедь, журавль, цапля, чёрный аист, пеликан, выпь, чайка, ласточка, стриж, кушка, чибис, фламинго и др. На приведённой нами карте-схеме (Табл.1) показаны основные пути весенних миграций птиц с юга на север (Гагина, 1978, С. 9). На памятниках наскального искусства указанного региона преобладают изображения водоплавающих, в частности, гусей (всего – 137 изображений: в Хакасии – 27, на Алтае – 2, в Бурятии – 72, в Якутии – 34, в Амурской области – 2). Интересно в данном случае отметить некоторые особенности. В пределах исследуемой нами территории Восточной Сибири между Енисеем и Амуром среди пролетающих гусей основу составляют гуменники. Такие гуси, как сухонос и серый, гнездятся только по югу Сибири и не принимают участия в перелётах севернее Байкала. Белолобый гусь образует значительный перелёт только в юго-восточном Забайкалье. В долине Селенги пролетают, в основном, стаи западного тундряного гуменника, а в бассейне Аргуни он встречается единично. Таёжный гуменник всюду малочислен. На территорию Восточной Сибири гуси-гуменники проникают с зимовок двумя мощными потоками: по долинам рек Селенги и Аргуни. С запада идёт очень слабый третий поток – с верховий Енисея на р. Уду и Бирюсу [Гагина, 1978, с. 37].

В целом существует два пролёта данного вида птиц – весенний и осенний. Весенний пролёт включает в себя, как уже отмечалось, селенгинский и аргунский пролётные пути и идёт по рекам: Тола, Кяхта, Чикой, Селенга, Джида, Темник, Убукун, Оронгой, Белая, Ангара, Голоустная, Иркут, Олха, Ока, Китой, Енисей, Уда, Лена, Нижняя Тунгуска и на оз. Байкал. Вобщем, из долины р. Селенги поток гусей идёт по бассейну р. Ангара на СЗ и лишь незначительное количество отклоняется на СВ в бассейн р. Лены и на северный Байкал.

Второй путь пролегает на востоке по долине Аргуни из Манчжурии. Огромные косяки гусей появляются в пойме Аргуни, затем летят через Александровский перевал, пересекают долину р. Газимура и летят на р. Шилку. В долине р. Чары пролёт осуществляется с юго-запада. На р. Жуе – сначала в устье р. Хомолхо, затем на север к вершинам р. Молбо и р. Малый Патом. Пролетают гуси и западнее Аргуни, пересекая монгольскую границу, откуда летят на Онон и Ингоду. На оз. Тепсей также отмечен большой пролёт гусей, а оттуда – к р. Конда и далее на Витим, к Баунтовским озёрам, и на Икатский хребет.

Осенний пролёт осуществляется по Ангаре в южном направлении к южной части Байкала. С Нижней Тунгуски стаи летят в долину р. Лены, а часть – по р. Киренге. В низовьях Илима направление вверх по реке, затем по рекам Уде, Ие, Оке те же пути, что и весной. На пути из Якутии гуси выходят на Лену, на Большой Патом также по р. Чара, Жуя. Значительный перелёт происходит с верховьев Киренги на Лену. На Убуринских озёрах – к северу от Качуга. На Байкал гуси вылетают в большом количестве по р. Сарме, Нюкже, Усть-Уркиме. С Витима и Олёкмы – к Аргуни [Там же, с. 38-39].

Мы не случайно подробно остановились на зафиксированных наблюдениями орнитологов маршрутах пролёта птиц. Данные сведения объясняют, почему среди многочисленных изображений водоплавающих птиц на писаницах указанных территорий (Средняя Нюкжа, Темник, Баян-Уула, Бухта Ая, Куленга и др.), имели место рисунки этого вида птиц. Вместе с тем, появилась возможность более подробного видового определения изображённых на скалах птиц этого вида. На скалах расположенных по Енисею, Лене, Ангаре, очевидно, это гуси-гуменники. В более южных территориях, южнее Байкала – сухонос и серый гусь. Подобные пролётные пути наблюдаются в целом у водоплавающих птиц и, частично, у других видов.

Другим распространённым образом в наскальном искусстве рассматриваемых регионов были хищные птицы. Особенно в большом количестве они присутствуют на писаницах Забайкалья [Окладников, Запорожская, 1969, Т.1, 218 с., Т.2, 262 с.]. Этим пти-

цам (канюк обыкновенный и мохноногий, тетеревиный, перепелятник, коршун, подорлик, орёл, скопа, чеглок, сокол-сапсан, кобчик, пустельга) так же свойственны миграции [Гагина, 1978, С. 79]. Подобная миграция наблюдалась профессором Гагиной Т. Н. со стороны Байкала, близ истока Ангары. Предположительно, начинаясь в Южной Азии, она охватывала Монголию и южное Забайкалье. Причина этой миграции, скорее всего, заключается в необычно тёплой и продолжительной осени, стимулирующей обратный поток хищных птиц [Гагина, 1978а, С. 79-81]. В этой ситуации можно высказать предположение, что одной из причин популярности сюжета с хищными птицами в Забайкалье при немногочисленности самих этих птиц в данном регионе, является, возможно, подобное неожиданное потепление климата в эпоху бронзы, миграция видов и, как следствие, фиксация этого необычного явления древним человеком.

Приведённые данные, привлечение материалов о путях сезонных миграций дают возможность более точно определить видовой состав птиц в наскальном искусстве и позволяют проследить влияние особенностей геосреды на частоту представленности изображений этих птиц в исследуемых регионах. Среди основных факторов геосреды можно выделить: наличие водоёмов, наличие и направление весенне-осенних пролётных путей, а также обширность миграционного потока.

Библиография

- Гагина Т. Н. Необычная осенняя миграция хищных птиц в Прибайкалье // Проблемы экологии позвоночных Сибири. – Кемерово, 1978а.
- Гагина Т. Н. Пролётные пути и особенности миграций гусей-гуменников в Восточной Сибири // Проблемы экологии позвоночных Сибири. – Кемерово, 1978.
- Иванов А. И., Штегман Б. К. Краткий определитель птиц СССР. Изд. 2-е, испр. и доп. (В серии: Определители по фауне СССР, издаваемые ЗИМ АН СССР. Вып. 115). Л., 1978.
- Оводов Н. Д., Мартынович Н. В., Гуляев А. А. Позднепалеолитическая стоянка Большая Слизнёва // Археология, геология и палеогеография палеолитических памятников юга Средней Сибири (Северо-минусинская впадина, Кузнецкий Алатау и Восточный Саян. – Красноярск, 1992.
- Окладников А. П., Запорожская В. Д. Петроглифы Забайкалья. Т.1., Т.2. – Л., 1969.
- Рябицев В. К. Птицы Урала, Приуралья и Западной Сибири: Справочник-определитель. – Екатеринбург, 2001.
- Флинт В. Е., Бёме Р. Л., Костин Ю. В., Кузнецов А. А. Птицы СССР: Справочники-определители географа и путешественника (под ред. Дементьева Г. П.). М., 1967.

Каменная обсерватория Белоозера*

Шайденко Антон Викторович

студент

Тульский филиал Московского Университета МВД России, Тула, Россия

Стоунхендж – пожалуй, самое знаменитое мегалитическое сооружение в мире. Грандиозные размеры, многообразие задач, для решения которых он возводился, снизили этой древней обсерватории всемирную известность. Однако, Стоунхендж не единственный в своем роде. В настоящее время известно уже несколько десятков мегалитических сооружений, разбросанных по всему миру. Не стала исключением (вопреки расхожему мнению) и Русская равнина. В самом сердце европейской части России, в Тульской области располагаются несколько групп камней, которые могут быть отнесены к мегалитам. Исследованием их занимаются лишь отдельные энтузиасты. В настоящей работе поставлена задача систематизировать результаты исследования одного из российских памятников астроархеология, проводившихся летом-осенью 2005 года.

«Белозерский мегалит» расположен в Тульской области в десяти километрах от г. Кимовска рядом с селом Белоозеро, от которого и получил свое название. Он представляет собой группу камней, расположенных на невысоком холме, находящемся на краю

* Настоящая статья подготовлена по результатам полевых работ летом-осенью 2005 года.

поля, с одной стороны упирающимся в небольшое болото. Такое расположение спасло камни Белоозера от уничтожения в результате деятельности человека. «Белозерский мегалит» насчитывает несколько десятков камней. В настоящее время сохранился только один стоячий камень.

При работе на «Белозерском мегалите» мы сознательно отказались от определения возраста сооружения. Для решения этой задачи не достаточно измерений астрономических параметров. Необходимо производить раскопки в надежде обнаружить предметы материальной культуры и по ним датировать время возведения или наиболее активного использования каменной обсерватории, что, к сожалению, мы не имели возможности сделать.

Поэтому главная цель проводившихся исследований – определить все возможные астрономические параметры камней Белоозера и сделать вывод о наличии или отсутствии в них астрономических направлений.

Процесс проверки направлений заключается в вычислении видимых точек восхода и захода Солнца при разных принимаемых значениях его склонения. Для этого необходимо знать географическую широту археологического памятника и высоту Солнца над истинным горизонтом в момент, когда оно появляется над видимым горизонтом. Все эти величины связаны тригонометрическим уравнением:

$$\cos A = \frac{\sin \delta - \sin \varphi \sinh}{\cos \varphi \cosh},$$

где A – азимут Солнца, h – высота Солнца над истинным горизонтом в момент восхода или захода, φ – широта места, δ – склонение Солнца. Для предварительной проверки наличия астрономически значимых направлений в археологическом памятнике допустимо упростить уравнение. Примем, что видимый горизонт совпадает с истинным; тогда в уравнении угол $h = 0^\circ$, поскольку $\sin 0^\circ = 0$, а $\cos 0^\circ = 1$, уравнение упрощается:

$$\cos A = \sin \delta / \cos \varphi.$$

Анализ «Белозерского мегалита» с использованием приведенных формул показал, что большинство камней имеют ориентацию по астрономически значимым направлениям. Так единственный стоячий камень указывает на точку Востока. Помимо этого в «Белозерском мегалите» выявляются направления на точки восхода и захода Солнца в дни летнего и зимнего солнцестояний, в дни осеннего и весеннего равноденствия, а также точки Запада, Севера и Юга. Одновременное визирование на эти точки возможно только при наблюдении с небольшой возвышенности внутри мегалита.

Таким образом, проведенное исследование «Белозерского мегалита» показало наличие всех ключевых направлений для Солнца (точки восхода и захода Солнца в дни летнего и зимнего солнцестояний, в дни осеннего и весеннего равноденствий) и направлений на стороны света. Одновременное выявление этих направлений в одном сооружении позволяет с большой долей уверенности делать вывод об астрономическом характере сооружения.

В целом, проведенное исследование показало, необходимость дальнейшего более детального изучения «Белозерского мегалита», производства археологических раскопок с целью датировки сооружения и окончательного подтверждения или опровержения астроархеологической природы сооружения.

Литература

1. Вуд Дж. (1981) Солнце, Луна и древние камни. М.
2. Хокинс Дж. (2004) От Стоунхенджа до инков. М.
3. Хокинс Дж., Уайт Дж. (2004) Разгадка тайны Стоунхенджа. М.

**Белорусские монастыри как центры православного паломничества
(конец XIX–начало XX вв.)**

Шейбак Вадим Викторович

аспирант, магистр гуманитарных наук

Национальная Академия Наук Беларуси, Институт искусствоведения, этнографии и фольклора, Минск, Беларусь

E-mail: iraraf@yandex.ru

Хождения на богомолье к святым местам является одной из давних традиций православных верующих. В народной среде бытовало мнение, что молитвы к Богу оказывались более действенными в тех монастырях и церквях, где обретались особо почитаемые святыни (чудотворные иконы, мощи святых угодников).

К 1910 г. на территории 5 белорусских губерний функционировали 21 мужской и 15 женских православных монастырей (Православные русские обители, 1910). Подавляющее большинство их было основано в эпоху существования Великого княжества Литовского и Речи Посполитой. Некоторые из этих обителей хранили в своих стенах древние святыни, которым приписывали чудодейственные свойства. Слава священных реликвий закреплялась и распространялась среди верующих благодаря рассказам самих паломников и материалам фольклора: легендам, песням, сказкам.

Одним из благочестивых обычаев многих белорусских богомольцев являлось посещение по обету монастырей в дни главных церковных праздников и явления находившихся там чудотворных икон. На поклонение святым мощам угодников божьих верующие стремились прийти в установленные дни памяти.

Крупнейшим центром православного паломничества на белорусских землях являлся Жировичский Свято-Успенский мужской монастырь в Слонимском уезде Гродненской губернии. На поклонение главной святыне обители – иконе Жировичской Божьей Матери – прибывали паломники не только из различных мест Гродненской, но и Виленской, Ковенской, Минской, Подольской, Волынской губерний, а также Царства Польского. Наплыв богомольцев приходился на дни Покрова Божьей Матери Пятидесятницы, Воздвижения Честного и Животворящего Креста, Рождества Христова, Сретения Господня, Святого Великомученика Георгия и Рождения Святого Иоанна Крестителя (Жировичская чудотворная икона Божьей Матери и Жировичская обитель, 1867). Особо торжественно отмечался верующими день явления Чудотворного Образа (20 мая) (Асіпчык А., 1980).

В день Святой Троицы принимал значительное число паломников Красностокский Рождество-Богородичский женский монастырь в Сокольском уезде Гродненской губернии. Многие благочестивые богомольцы по прибытии в обитель преклоняли колена и ползли с чтением молитв вокруг монастырского храма, чтобы затем приложиться к местночтимой иконе Божьей Матери (Православный Троицын день в Красностоке, 1906).

Главным центром православного паломничества в Могилевской губернии был Рождество-Богородичский мужской монастырь в местечке Бельниччи. Созданный в 1876 г. на месте упраздненного католического монастыря кармелитов, он привлекал верующих знаменитым образом Бельничской Божьей Матери. Тысячи православных богомольцев из Могилевской, Минской и Витебской губерний посещали Бельниччи и в то время, когда икона принадлежала католикам. Согласно народным преданиям образ изначально являлся православным (Жудро, 1894).

Древним оплотом православной веры в Минской губернии считался Свято-Троицкий мужской монастырь в г. Слуцке. Православных паломников привлекали на поклонение хранившиеся в соборной церкви обители «нетленные мощи ревнительницы православия княгини Софии Юрьевны Олельковны, мощи святого младенца Гавриила» (Серно-Соловьевич, 1896).

Таким образом, многие православные монастыри на белорусских землях являлись значительными центрами паломничества. Верующих привлекали древние святыни, хранившиеся в них и почитаемые, как чудотворные.

Литература

1. Асіпчык А.А. (1980) Жыровічы. Гістарычны нарыс. – Кліўленд: Беларускае Праваслаўнае Жыровіцкае Брацтва на Чужыне.
2. Жировичская чудотворная икона Божьей Матери и Жировичская обитель. (1867) – Вильно: Типография О. Блюмовича.
3. Жудро Ф. (1894) Бельничский Рождество-Богородичский монастырь. – Могилев на Днепре: Скоропечатня и Литография Ш.Фридланда.
4. Православные русские обители. Полное иллюстрированное описание всех православных русских монастырей в Российской империи и на Афоне (1910). – Санкт-Петербург: Книгоиздательство П.П. Сойкина.
5. Православный. Троицын день в Красностоке (1906) // Гродненские епархиальные ведомости. – №24-25. – с.694-697.
6. Серно-Соловьевич .Ф.Ф. (1896) Древнерусский город Слуцк и его святыни. Исторический очерк с шестью гравюрами. – Вильно: Типография А.Г. Сыркина.

Западное Предкамье в период золотой орды

Шигапов Марат Баязитович

Институт истории им. Ш.Марджани Академии Наук Республики Татарстан

Аспирант

E-mail: maratbajazitovch@mail.ru

Задачи исследования:

Выяснение топографии известных сельских памятников середины XIII – середины XV вв., расположенных в Западном Предкамье.

Описание истории изучения этого круга памятников.

Характеристика доступных источников по теме – письменных, нумизматических и самых многочисленных – археологических.

Реконструкция структуры хозяйства сельских поселений на основе изучения предметов материальной культуры, непосредственно относящихся к сфере производства.

Реконструкция быта населения на основе изучения бытовых предметов материальной культуры.

Круг памятников

Регион Западное Предкамье или Заказанье представляет собой территорию со значительным количеством археологических памятников золотоордынского периода. Известно 10 городищ, 45 селищ, 27 могильников, 30 местонахождений и 10 кладов. Всего 122 памятника, которые имеют материалы, датированные с сер.XIII до сер XV в.

Золотоордынские памятники региона для удобства описания мы разделили на семь групп.

Кашанская (Лаишево, Рождествено, Именьково, Карадули, Большая Елга, Байчуга),

Иски-Казанская (Русский Урмат, Урматское II, Камаевское, Татарско-Урматское и др.),

Приказанская (Казанский Кремль и прилегающие к нему памятники),

Чаллынская (Чаллыновское городище и селище),

Кирменско-Омарская (Керменчук, Дигитли, Омары, Красногорск),

Среднемёшинская (Черемышевское селище (II), Читинское селище (II), Казылинское (Красноярское) селище (II), Верхнеказылинское селище (II), Стрюковские селища I,II (I))

Верхнемёшинская группа (Измя, Большенырсинские I,II селища и другие памятники).

Характеристика поселений

Кратко рассмотрим историю изучения данных памятников, учитывая их тип. Самыми изученными являются городища. Большая их часть (7 городищ) подвергались раскопкам различного масштаба. Это городища Казанский Кремль, Кирменское, Чаллы-

ское, Камаевское, Кашанское I, Кашанское II, Арское. Прочие городища не раскапывались: Дигитлинское городище, Омарское городище, Красногорское городище.

Селища менее изучены, чем городища, хотя первые представляют особый интерес, так как на сельских поселениях проживала основная часть населения региона. Раскопки проводились на поселениях: Русско-Урматское, Рождественские V, I, Лаишевское I, Кирменские I, II, Чаллыньское, Именьковское, Урочище Киреметь. Прочие селища подвергались разведочным исследованиям.

К последним относятся: Урматское II селище, Рождественское V селище, Тат-Агайбашское селище (Л), Черемышевское селище (П), Читинское селище (П), Казылинское (Красноярское) селище (П), Верхнеказылинское селище (П), Большенырсинские селища I, II (С), Тямгинское селище (С), Измянское селище (С), Мартыновское селище (С), Мамалеевское селище (С), Елышевское селище (С), Стрюковские селища I, II (Л), Большеелгинское селище (РС), Малоошнякское селище (РС), Большеошнякское селище (РС), Новоиргинское селище (РС), Полянское (?) (РС), Анатышское (?) (РС), Ямашевское селище (РС), Уразбахтинское селище (М), Букенёвское селище (М), Нижнеякинское селище (М).

Часть сельских поселений находятся в зоне Куйбышевского водохранилища. К их числу относятся 8 селищ: Лаишевское (Чакма), Рождественский комплекс, остров Локомотив, Карадулинское I, Троицко-Уральское, Русско-Ошнякское, Именьковское II, Байчугинское I

Некоторые поселения расположены на берегах малых рек и оврагов, подверженных водной и ветровой эрозии. Среди них, такие как Русско-Урматское, Большеелгинское и другие памятники. Многие памятники разрушаются в ходе хозяйственной деятельности.

Литература

- Фахрутдинов Р.Г. (1975) Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и её территория. – Казань: Татарское кн. Изд-во. – 218 с.
 Археологическая карта ТАССР. Предкамье. (1981) – М.: Наука, 1981. – 210 с.
 Шигапов М.Б. (2003) Разведки в Лаишевском районе // Археологические открытия 2002 года. – М.: Наука.
 Шигапов М.Б. (2004) Разведки в Предкамье // Археологические открытия 2003 года. – М.: Наука.